

Научно-методический журнал
Основан в августе 1914 года
Выходит 12 раз в год

Учредитель –
ООО «Редакция журнала «Уроки литературы»»

Главный редактор
Надежда Леонидовна КРУПИНА
Редакторы
Николай Николаевич ЗУЕВ,
Татьяна Алексеевна КАЛГАНОВА
Отв. секретарь
Ирина Степановна ГОЛОВИНА
Дизайн и вёрстка
А.Г.БРОВКО
Компьютерный набор
Н.А.КРУПИНОЙ
Корректра
Е.А.ВОЕВОДИНОЙ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

В.М.Гуминский – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИМЛИ им. М.Горького;
Е.О.Галицкий – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой русской и зарубежной литературы Вятского государственного гуманитарного университета, заслуженный учитель РФ;
Ю.А.Дворянин – доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. М.Горького, заслуженный деятель науки РФ, член Союза писателей России, лауреат Международной премии им. М.А.Шолохова;
Н.А.Дворянина – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования и журналистики Сургутского государственного педагогического университета, почётный работник высшего профессионального образования РФ;
В.П.Журавлёв – кандидат филологических наук, доцент, зам. руководителя центра гуманитарного образования издательства «Просвещение»;
С.А.Зинин – доктор педагогических наук, профессор кафедры методики преподавания литературы МПГУ, член Федеральной предметной комиссии по литературе;
И.П.Золотуский – литературный критик, писатель, исследователь жизни и творчества Н.В.Гоголя, член Русского ПЕН-центра, лауреат премии А.И.Солженицына, Государственной премии правительства РФ;
А.Г.Кутузов – доктор педагогических наук, профессор, академик РАЕН;
Ю.В.Манин – доктор филологических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета;
В.С.Непомнящий – доктор филологических наук, зав. сектором и председатель Пушкинской комиссии ИМЛИ РАН, лауреат Государственной премии в области литературы и искусства РФ;
Н.Н.Скатов – доктор филологических наук, член-корр. РАН;
Л.А.Трубина – доктор филологических наук, профессор, проректор, зав. кафедрой русской литературы, председатель диссертационного совета МПГУ;
В.Ф.Чертов – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики преподавания литературы МПГУ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

Покровский бульвар, дом 4/17, строение 5,
Москва, почтаamt, 101000.
Телефон: 8 (495) 624-77-38.
Факс: 8 (495) 624-77-78.

E-mail: litervsh@mail.ru
www.litervsh.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-22549 от 30 ноября 2005 г.

Отпечатано ЗАО «Алмаз-пресс»,
Москва, улица Шоссейная, дом 4 "Д".
Тираж 8 000 экз.

© Журнал «Литература в школе». 2016

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ ДУХОВНЫЕ ЦЕННОСТИ

К Дню Великой Победы

Н.Л.ЕРМОЛАЕВА –

О слове «брат» в поэмах А.Т.Твардовского «Василий Тёркин»
и «Тёркин на том свете» 2

И.В.ПЫРКОВ –

Созвездие Левши 5

О.Г.ДУДНИКОВА –

Писатели – воспитатели и учителя царских детей 8

Е.В.ВАСИЛЕНКО –

Тема нелюбви в рассказе Ивана Бунина «Кавказ» 12

Л.Н.ЦЕЛКОВА –

К вопросу о нравственном идеале в творчестве Владимира Набокова ... 15

Н.А.СТУПИНА –

«Жизнь моя – дорога дальняя...»
О судьбе и творчестве Виктора Бокова 17

ПОИСК. ОПЫТ. МАСТЕРСТВО

Г.А.ОБЕРНИХИНА –

Всероссийский конкурс сочинений в рамках
Года литературы: некоторые итоги и перспективы 21

А.Н.РОМАНОВА –

Снова о школьном учебнике.
Размышления о прошедшей экспертизе перед экспертизой грядущей ... 27

А.В.ВОРОНЦОВ –

Этюд в прозе 30

Т.А.КАЛГАНОВА –

Эссе как жанр школьного сочинения 32

Уроки

Ю.А.ФИЛОНОВА –

Круглый стол как разновидность учебной дискуссии 34

Ю.В.ОВОДЕНКО –

Осмысление рассказа Юрия Яковлева «Тяжёлая кровь».
VIII класс 37

О.В.ЧУПКОВА –

«Обыкновенное чудо» Е.Шварца.
X класс 39

Хроника

Н.И.ГОРОБЕЦ –

II Всероссийские Беловские чтения «Белов. Вологда. Россия» 42

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Не забудьте продлить
подписку на второе полугодие
2016 года!

СТАНОВИТЕСЬ НАШИМИ
АВТОРАМИ!

ЕРМОЛАЕВА Нина Леонидовна —

доктор филологических наук, профессор кафедры русской словесности и культурологии Ивановского государственного университета
ninaermolaeva1@yandex.ru

О СЛОВЕ «БРАТ» В ПОЭМАХ А.Т.ТВАРДОВСКОГО «ВАСИЛИЙ ТЁРКИН» И «ТЁРКИН НА ТОМ СВЕТЕ»

Аннотация. В статье рассматривается тематика двух поэм А.Т.Твардовского о Василии Тёркине, написанных в период Великой Отечественной войны и в годы «оттепели».

Ключевые слова: война, народ, брат, братство, герой, автор, читатель, юмор, сатира, чиновничество, авторитарное государство.

Abstract. The article is devoted to two poems about Vasilii Tyorkin by Aleksandr Tvardovski, written during the Great Patriotic War and the years of the "Thaw".

Keywords: war, people, brother, brotherhood, hero, author, reader, humor, satire, bureaucracy, authoritarian state.

Василий Тёркин — герой двух поэм А.Т.Твардовского «Василий Тёркин. Книга про бойца» и «Тёркин на том свете», в которых отразилось разное состояние советского общества, эволюция жизненной и творческой позиции поэта. Временной промежуток между этими произведениями совсем небольшой: «Василий Тёркин» завершился с окончанием войны, первый вариант «Тёркина на том свете» появился в 1954 году. Закончена работа над поэмой ко времени её публикации в августе 1963 года. А это было уже другое время. Первое десятилетие после смерти Сталина (март 1953 года) вошло в историю страны под названием периода «оттепели». Литература «оттепели» — это не только хронологическое понятие, это веха в осмыслении жизни человека в авторитарном государстве, жёсткой регламентации художественного творчества, темы войны, обращения к нравственным истокам подвига человека на войне, возвращения запрещённой литературы.

Замысел поэмы «Тёркин на том свете» связан с мытарствами, которые пришлось пережить главе «Смерть и воин» (в «Книге про бойца»), вызвавшей в среде околотитературных чиновников «зловещий шум и толки»¹. Название новой поэмы и строфы из неё стали появляться в «Рабочих тетрадях» Твардовского с 3 января 1944 года.

Главный герой в поэмах один и тот же; нравственные, социальные, исторические, эмоциональные характеристики Тёркина не меняются: это советский боец, сражающийся за свою Родину в великой народной войне. Однако приёмы изображения героя и действительности в поэмах значительно различаются.

Одним из наиболее частых обращений героев «Книги про бойца» друг к другу являются слова «братцы», «брат», которые в годы Великой Отечественной войны стали свидетельством воинского братства, знакомого солдатам всех времён. В поэме Твардовский создаёт образ подлинно братского, идеального человеческого единения: всё лучшее, что видит в людях и их отношениях, поэт вводит в «Книгу про бойца». Ему дорого вся-

И.Бруни. Портрет А.Т.Твардовского. 1981

кое свидетельство братства, оно крепко западает в душу, отражено им в записях фронтовых тетрадей, в тексте поэмы. Вот некоторые примеры.

Из записей: «Запомнилось на всю жизнь: везёт боец раненого. Лежит он на санях на животе, протянув вперёд тёмные, окоченевшие, должно быть, руки, и тихо невыразимо жалостно стонет... А возчик подчмокивает на лошадь, поддёргивает вожжами и как будто бы сурово и даже недовольно к лежащему: "Больно, говоришь? Руки, может, замёрзли? Сказал бы, что замёрзли. Я вот тебе рукавички дам. Дать? А то возьми. Они с руки — тёплые. Возьми, слышь..."» (IV, 176)²; из поэмы: бойцы, подобравшие Тёркина, обращаются к нему:

*Что ж ты, друг, без рукавички?
На-ко тёплую, с руки (II, 280).*

Из записей: «Ещё, помню, шёл довольно быстро танк, и на нём лежал один легко раненный боец, обнимая сверху двоих, по-видимому, тяжёлых, придерживая их» (IV, 176); из поэмы:

*Шла машина в снежной дымке,
Ехал Тёркин без дорог.
И держал его в обнимку
Хлопец — башенный стрелок.
Укрывал своей одежей,
Грел дыханьем. Не беда,
Что в глаза его, быть может,
Не увидит никогда... (II, 166).*

Братское единение на войне спасает человека от огня, смерти: пока не порвана живая связь между людьми, пока можно положиться на того, кто рядом, смерти не праздновать победу.

Советские солдаты-братья в каждой русской женщине-труженице готовы видеть родную мать. Образ её появляется в главе «По дороге на Берлин»:

*Деревенская, простая
Наша труженица-мать.
Мать святой извечной силы,
Из безвестных матерей,
Что в труде неизносимы
И в любой беде своей;
Что судьбою, повторённой
На земле сто раз подряд,
И растут в любви бессонной,
И теряют нас, солдат (II, 329).*

К старику-солдату Тёркин недаром обращается: «Отец». Он Тёркину и другим солдатам по возрасту отец, брат по душе, по солдатской доле. Его слова: «Солдат солдату брат», — сообщают историческую глубину явлению: советскому солдату брат и тот «русский труженик-солдат», что защищал Россию «ружьём кремнёвым» «двести лет назад».

Русский солдат-освободитель расширяет пространственные границы братства за пределы России:

*И на русского солдата
Брат француз, британец брат,
Брат поляк и все подряд
С дружкой будто виноватой,
Но сердечную глядят (II, 327).*

Свою принадлежность к солдатскому братству чувствуют и признают полковник и генерал, они называют Тёркина «братом». К фронтовому товариществу присоединяется и автор, за которым стоит Твардовский. В 1945 году в очерке «Гори, Германия!» он обращается к фашистской Германии со словами: «Не хочу и не стану прощать, что ты сгубила столько моих близких и далёких, незнакомых, но дорогих людей моего великого братства»³.

Братство в «Книге про бойца» — не «привилегия» войны, но в войну «приходит» с Тёркиным, с другими героями. Оно неотделимо от мира, как неразделимы солдат и труженик, солдат и крестьянин в Тёркине.

В «Василии Тёркине» не было места далеко не идеальному представлению Твардовского о советской действительности 1930—1940-х годов. Война «смертным боем жаркой битвы» опалила землю, родную Смоленщину, но Тёркин, а с ним и его земляк-автор верят, что мир будет восстановлен руками солдата: ведь он «и плотник», «и печник», он «от скуки на все руки», только бы освободить землю, остаться в живых. Будущая жизнь, за которую борется Тёркин, включает в себя братство как неперемнную составляющую. В нём её высокий смысл. Сами понятия «жизнь» и «брат» в поэме неразделимы.

В общем солдатском братстве есть место и читателю, тому «соавтору» поэта, реальному человеку, к которому обращена поэма, которому «открыт доступ» в неё. В ответ на обращения автора к читателю в поэме «друг», «брат» читатели-бойцы в своих письмах называют поэта «брат-товарищ», «милый брат», будут писать о фронтовом товариществе⁴, Твардовского назовут Тёркиным. В подавляющем большинстве этих писем «я» и «мы» неразделимы.

Братство, объединяющее героя, автора и читателя, в «Книге про бойца» перерастает в эстетический принцип, становится способом создания образа героя-народа. В процессе работы над поэмой между её автором и читателем устанавливается душевный контакт, который давал безошибочное ощущение того, что нужно солдату на фронте и как должно писать для воюющего народа. Сознательно стремясь приблизить поэму к читателю, Твардовский одним из способов достижения этого считает преодоление в ней «собственно литературного момента» (II, 384). Это выразилось прежде всего в качестве героя: «Герой мой не таков, каким должен быть по литературным представлениям главный герой поэмы» (II, 375), за его нарицательным именем стояли тысячи «живых бойцов такого типа» (II, 393), но это и человек с индивидуальными чертами. «Нарицательность» имени героя требовала «всеобщности» содержания» (II, 393). Всеобщность, по мысли Твардовского, не отрицала в герое «нашего парня», «живого, дорогого и трудного» (II, 375). «Всеобщность» содержания определяла простоту, свободу, открытость мира поэмы навстречу читателю. Автор, герой и читатель в мире поэмы существуют в одних временных, пространственных измерениях; между ними нет социальных, нравственных, психологических, литературных препятствий.

Местоимение «мы» в «Василии Тёркине» появляется более сорока раз, примерно столько же — производные от него: «нас», «нам», «нами». В абсолютном большинстве случаев они обозначают единение воюющих на фронте. Для поэмы характерны формы глаголов, рисующие коллективные действия: «смотрят», «ловят», «просят», «спят», «брели», «пришли», «будем живы», «отдали», «вернём» и т. д. Автор нередко использует существительные множественного числа и подразумевающие обозначение множества лиц: «бойцы», «друзья», «хлопцы», «ребята», «деды», «отцы», «пехота», «полк», «дивизия», «взвод», «рота», «Россия», «братцы», «наш брат», «друзья», «товарищи», «русский труженик-солдат» и т. д.

Личностная самостоятельность автора, героя и читателя и в то же время их глубокая духовная родственность, взаимодоверие определяют характер повествования поэмы. Обращаясь к читателю, автор открыто заявляет, что в «Книге про бойца» возможна «взаимозамена» между ним и героем: «То, что молвить бы герою, / Говорю я лично сам». Но и: «Тёркин, мой герой, / За меня гласит порой» (II, 235). Авторская речь от речи героя часто не отделена формально и не всегда от-

делима по существу, по смыслу. То же можно сказать о речи читателя, за которого часто говорят автор и герой.

Немалую роль в создании образа братства в поэме «Василий Тёркин» играет комическое начало, проявляющее себя в дружеском шутилом общении героя с окружающими. В.Е.Хализев пишет о русской литературе: «Сопряжённый с открыто-доверительным общением людей смех в освещении наших писателей свидетельствовал об идилическом потенциале жизни, о том, что в сознании и поведении людей наличествуют существенные предпосылки для гармоничного мироустройства»⁵.

«Смех — это гений общения», — пишет Л.В.Карасёв⁶. Тёркин появляется во второй главе поэмы, сразу предлагая повару шутилый диалог, поддерживаемый собеседниками. После первой же шутки герой назван окружающими его бойцами: «Свой!»⁷. О подобно-го рода смеховом общении пишет В.Е.Хализев: «Мы полагаем, что смех, верный своей природе, сопряжён с атмосферой единения и согласия людей, связан с межличностным общением людей. <...> Смеющийся человек испытывает властную потребность в том, чтобы его эмоция разделялась окружающими и становилась общим достоянием. Ситуация «заражения» смехом создаёт и упрочивает атмосферу радостного единения людей.

Сопровождая речевое общение (по преимуществу диалогическое), смех выполняет особую, специфическую функцию. Если при речевом контакте, лишённом смеховой окраски, полнота согласия и душевная слиянность являются конечной целью, но обычно не осуществляются полностью, то благодаря смеху общая настроенность присутствующих достигается легко, стремительно, порой мгновенно. При этом смеховое общение протекает в атмосфере нравственного равенства его участников»⁸.

Русские люди на войне, герои Твардовского, испытывают постоянную потребность в общении, цель которого в отвлечении от ужасающих фронтовых будней, стремление сохранить душевное равновесие, избежать нервных срывов и потрясений, сберечь душевные силы для завтрашнего боя. Поэт хорошо понимал: человек на войне должен быть готов исполнять свои обязанности при любых обстоятельствах. Чтобы поддержать, укрепить силу духа воюющего солдата, Твардовский освобождает мир произведения от тревожащих душу бойца нравственных, социальных и другого рода проблем, избегает в поэме натуралистических описаний, строит главы поэмы таким образом, чтобы, читая каждую из них, боец улыбнулся. «О страде неимоверной кровью памятного дня» Твардовский предоставляет право говорить будущим поэтам.

В образе братства в «Книге про бойца» раскрывается одна из особенностей эпического мышления поэта, предполагавшего «широкий» взгляд на мир с точки зрения человека, приобщённого к общенациональному сознанию, к жизни миром.

Г.Д.Гачев пишет: «...узкое, лишь из «я», жизнеповедение и объяснение событий и по-

ступков только личной волей и интересом индивидов есть смерть эпического»⁹. Ю.В.Лебедев скажет: «Русский способ изображать всякое жизненное явление “на миру”, в общенародном кругу, “соборно”, есть способ наиболее поэтический»¹⁰, и — добавим — эпический.

Письма и «Рабочие тетради» Твардовского военных и послевоенных лет свидетельствуют о его неизменном нравственном противостоянии «сильным мира сего». Поэт очень хорошо представлял облик современного ему чиновника — от редактора фронтовой газеты до члена правительства. Среди приближённых к власти Твардовский не видел талантливых и образованных людей. 30 января 1969 года в «Рабочей тетради» он запишет: «...это люди, ничего не умеющие, ни на что не пригодные, кроме руководства — сверху до низу, — у них ни специальности, ни образования, ни навыков работы, ни привычки читать, не то что писать». Поэт глубоко переживал то обстоятельство, что бездарная, невежественная власть присвоила себе право считать, что мысли могут быть только наверху и, по мере надобности или готовности их, вносятся в сознание низов, то есть всех, всего общества, для усвоения и пользования ими впредь до замены новыми.

Духовная оппозиция власти определялась глубочайшим состраданием поэта воюющему народу, мирному населению, пострадавшему от войны, растерзанной родной земле, всему живому на ней. Эта оппозиция давала право Твардовскому всегда ощущать себя частью великого братского единения, называемого «русский народ».

В послевоенный период Твардовский, как и многие, остро почувствует горечь и боль от того, что братское единение людей распадается. Понимание этого стало главным источником драматизма всего послевоенного творчества поэта: на смену эпосу в нём придёт полная драматизма лирика, на смену «мироприемлющему» юмору — острая сатира.

Глубоко закономерно, что в качестве главного героя поэмы «Тёркин на том свете» Твардовский избрёт того Тёркина, уникальность образа которого А.М.Абрамов определил словами: Тёркин — это «герой-народ»¹¹. Встреча героя-народа с бездушной машиной, которая «сама режет, сама давит, сама помощь подаёт» (III, 268), оборачивается острым столкновением. Твардовский показал, что по вине этой «адской машины» стало возможно насилие над народом в годы культа личности Сталина.

С Тёркиным приходят в поэму глубоко человеческие нормы отношений. Как и в «Книге про бойца», Тёркин — носитель общинного сознания русского народа: для него дружеское общение по душе — единственно возможный и нравственно оправданный способ существования на земле. Он — патриот и гражданин в истинном и высоком смысле этих слов, один из лучших представителей великого народа, который оставался внутренне свободным в условиях крепостничества и в котором эту тягу к свободе не истребили ни тюрьмы, ни лагеря, ни идеологиче-

О.Г.Верейский. Василий Тёркин. 1943—1946

ский пресс в годы сталинщины. Герой Твардовского по-прежнему «святой и грешный русский чудо-человек».

Оказавшись «на том свете» в окружении мертвецов-чиновников, Тёркин понимает, что мир их жизни — это мир перевернутых ценностей. Здесь отменены простые и естественные человеческие потребности в воде и пище, труде и отдыхе, радости и горе. Здесь отсутствуют такие понятия, как дружба и взаимопомощь, любовь и счастье, свобода и справедливость. Даже тепло и свет в преисподней ненадёжны, «условны»: рядом со светом — «мрак крошечный», а с теплом — замогильный холод. В «Книге про бойца» Тёркин был защищён от смерти, согрет братским участием таких же, как он сам, солдат. Теперь ему предстоит одному противостоять натиску мёртвого мира «того света», государственной машины, цель которой — истребление всего живого, и прежде всего живой души.

Слово «брат» в «Тёркине на том свете» впервые появится в разговоре героя с генералом-покойником, трижды назвавшим Тёркина братом. Во время войны Твардовский говорил о генералах, что они «в большинстве Тёркины»¹². Поэтому в поведении генерала ещё не ощущается той канцелярщины, которая проявится в персонажах-мертвецах впоследствии. Усталость в голосе, снисходительность тона генерала во многом объясняются его положением, в его словах есть намёк на трагедию нынешней войны, и потому они не могут не вызвать сочувствия у Тёркина:

— Ладно. Оформляйся.
Есть порядок — чтоб ты знал —
Тоже, брат, хозяйство... <...>
Дисциплина быть должна
Чёткая до точки:
Не такая, брат, война,
Чтоб поодиночке... (III, 233—234) —

Тёркин подчиняется генералу в соответствии с действующим в армии уставом.

А далее слова «брат», «братец» звучат в устах обезличенных персонажей, не имеющих имён. Теперь местоимения «мы», «нас», «нами» создают впечатление силы и непреодолимости бюрократической машины. К Тёркину обращаются не живые люди, а мертвецы-чиновники из «учётного стола», «стола проверки», «главлита», «преисподнего бюро», которые отдают распоряжения: «Проходи, давай вперёд», «Авто-био опиши», «Фотокарточки представь», «Палец дай сюда, обмакни да тисни» и др.

На том свете слово «брат» используется с целью приобщения героя к чуждому для него миру духовно мёртвых людей, которые противопоставлены великому братству «Книги про бойца».

Память об этом великом братстве несёт в своей душе Тёркин, обратившийся при неожиданной встрече к погибшему другу «друг-товарищ», ещё не зная, что и он подчинился порядкам «того света». Нормой жизни в мире бюрократии становятся доноительство, наушничество, подозрительность, злорадство. Формой общения представителей «того света» с Тёркиным — ирония в его адрес:

Осмелел, воды спросил:

Нет ли из-под крана?

На него, глаза скосив,

Посмотрели странно.

Да вдобавок говорят,

Усмехаясь криво:

— Ты ещё спросил бы, брат,

На том свете пива... (III, 235—236).

В.Е.Хализев пишет: «Смех отчуждающе-насмешливый, язвительно-иронический неизменно основывается на психологической дистанции между его субъектом и объектом, увеличивая её своим воздействием. Эта дистанция является иерархической: смеющийся так или иначе возвышает себя над осмеиваемым»¹³.

Возвращение к теме фронтового братства происходит в конце поэмы, когда герой

возвращается к жизни. Чтобы уйти от смерти, нужен «не покойник — человек» «человек, тебе подобный... кто бы спас» (III, 292—293).

Дружеское общение в поэме невозможно не только для её героев, но и для автора с читателем. Читатель теперь — это строгий наставник, который «проникает с первых строк»:

— Что за чертовщина!

— В век космических ракет,

Мировых открытий —

Странный, знаете, сюжет... <...>

— Тут не без расчёта...

— Подоплёка не проста (III, 227—228).

Читатель подозрителен, он «всюду слышит отголоски недозволенных идей», обвиняет поэта в том, что он льёт воду «на мельницу врага», угрожает «советской власти потрясением основ».

«Читатель-дока» новой поэмы больше похож на внутреннего редактора, о котором писал Твардовский в поэме «За далью — даль». С ним произошло то же, что и с самим поэтом, со всем народом, который подмяла под себя сталинская бюрократическая машина. Целью её существования была «обработка» умов и сердец. Она и от поэта, прошедшего страшные годы коллективизации и войны, требовала: «И что не так, / Скажи, что так...», — и он вынужден был подчиниться. Но поэт уже осознал свою вину, в поэме «За далью — даль» он попрощался со своим прошлым. Теперь его путь прост и ясен — это путь правды и свободы. Ф.А.Абрамов в своих дневниках пишет о Твардовском, что вся его «послевоенная история — это раскрепощение. Это преодоление честолобия, отказ от почестей»¹⁴, то есть обретение истинной гражданской зрелости и внутренней свободы.

Твардовский искренне хочет, чтобы такое же освобождение от всяческих идеологических, духовных пут пережил его читатель, весь народ в новой исторической ситуации. К народу поэт обращается в той форме, которая имела место в «Книге про бойца»: «Ах, друзья мои и братья». Твардовский хочет, чтобы русский че-

ловек вновь осознал себя внутренне свободным и потому достойным самоуважения и уважения окружающих. Поэт знает: равняться есть на кого. Примером и образцом может и должен стать его Тёркин, то есть люди того героического поколения, что одержало Великую Победу на полях Великой Отечественной.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ТВАРДОВСКИЙ А.Т. «Я в свою ходил атаку...»: Дневники. Письма. 1941—1945. — М., 2005. — С. 241.
- 2 Здесь и далее ссылки (с указанием в тексте тома и страницы) даются на следующее издание: Твардовский А.Т. Собр. соч.: В 5 т. — М., 1966—1971.
- 3 ТВАРДОВСКИЙ А.Т. Горы, Германия! // Красноармейская правда. — 1945. — 25 января.
- 4 ТВАРДОВСКИЙ А. Василий Тёркин: (Книга про бойца). Письма читателей «Василия Тёркина». Как был написан «Василий Теркин». — М., 1976. — С. 279, 333, 345, 391.
- 5 ХАЛИЗЕВ В.Е. Ценностные ориентации русской классики. — М., 2005. — С. 316.
- 6 КАРАСЁВ Л.В. Философия смеха. — М., 1996. — С. 155.
- 7 См. анализ этого эпизода в книге Ю.Борва «Комическое» (М., 1970. — С. 88—91).
- 8 ХАЛИЗЕВ В.Е. Ценностные ориентации русской классики. — С. 307. Курсив в цитатах везде авторский.
- 9 ГАЧЕВ Г.Д. Содержательность художественных форм: Эпос. Лирика. Театр. — М., 1968. — С. 126.
- 10 ЛЕБЕДЕВ Ю.В. История русской литературы XIX века: В 3 ч. — Ч. 2. 1840—1860-е годы. — М., 2007. — С. 3.
- 11 «Василий Тёркин» А.Т.Твардовского — народная эпопея. — Воронеж, 1981. — С. 10.
- 12 ТВАРДОВСКИЙ А.Т. «Я в свою ходил атаку...». — С. 294.
- 13 ХАЛИЗЕВ В.Е. Ценностные ориентации русской классики. — С. 309.
- 14 КРУТИКОВА Л.В. Фёдор Абрамов об Александре Твардовском (По материалам личного архива Ф. Абрамова) // Творчество Александра Твардовского: Исследования и материалы. — Л., 1989. — С. 248.

ПЫРКОВ Иван Владимирович —

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и культуры Саратовской государственной юридической академии, лауреат Международной премии «Золотое перо России», член Союза писателей России allekta@yandex.ru

СОЗВЕЗДИЕ ЛЕВШИ

Аннотация. Статья посвящена одному из центральных, ствольных произведений Николая Лескова — «Сказу о тульском косом Левше и стальной блохе». При разборе «Левши» особое внимание уделяется личности тульского мастера, его нравственному выбору, а также значимости этого уникального образа, возникшего из легенд и преданий, для отечественной культуры и национальной самоидентификации. Сделана попытка разгадать загадку Левши через обращение к русскому космосу.

Ключевые слова: Лесков, сказ, Левша, масштаб, космос, пыль, толчёный кирпич, дорога, имя, Николай I, моральный выбор.

Abstract. The article is devoted to "The Tale of Cross-eyed Lefty from Tula and the Steel Flea" written by Nikolai Leskov. Special attention given to the personality of the master from Tula, his moral choice, significance of this unique image that emerged from the legends, to the national culture and national identity.

Keywords: Leskov, tale, Lefty, scale, space, dust, pounded brick, road name, Nicholas I, moral choices.

Посвящается памяти
Ивана Петровича Иванова-Вано

Скоро сказка сказывается, а сказ — и того скорее. Вся свою скоротечную, странническую жизнь большой русский художник Ни-

колай Семёнович Лесков сказывал историю родной земли, искал правду и охранял её словом — был иконописцем в слове, — и созда-

вал, подобно личнику, образы-прозрения, не скрашивая, впрочем, нисколько ни одну грустную морщинку на запечатляемых лицах, на челе самого времени. За лесковскими образами — всегда просторы, всегда полосатые вёрсты и дорожные жалобы и всегда — просторечные обороты изустной «разнопёстрой», как сам Николай Семёнович говорил, речи. Его герои открывают мир, странствуя, они вечно в дорогах-путях, на перекрёстках истории, на широких большаках и едва видимых стёжках-дорожках, и в разговоре их — то ремесленно-мастеровом, то староцерковном, то новокупеческом, то рекрутском, то сниженном, то вдруг возвышенно-просветлённом — видится Родина, с её медвежьими углами и белостенными градами, с её праведностью и «неправостью», с её болястями и радостями. Москва, Новгород, снежный Оренбург, пыльный астраханский берег, пахнущий солью и рыбой, баснословное Ладожское озеро, правечевая Псковщина, Валаамов монастырь, родная для художника земля Орловская... Да, видится родное, наше, то, что в сердце и по сердцу — от рождения. Не зря же Лев Толстой назвал Лескова «самым русским» из всех писателей.

А во всём русском космосе самый, быть может, загадочный и самый национальный образ — образ Левши. В 1881 году Николай Лесков пишет «Сказ о тульском косом Левше и стальной блохе», и с тех пор, ещё с детских пелён, ещё не умея читать, мы генетической памятью знаем удивительную историю тульского умельца, сумевшего вместе со своими помощниками, такими же великими мастерами, превзойти аглицкое искусство и подковать блоху. Левша в нашей культуре — имя нарицательное, конечно, собирательное, то есть собравшее в себе золото мастерового люда, жар спорой работы, лад трудового ритма. Про умелого, у которого в руках всё спорится да ладится, человека, восклицаем мы с гордым прищёлком: «Да он настоящий Левша!» Но ведь Левша — вовсе не имя, а только прозвание. Вдумаемся: Онегин, Чичиков, Обломов, Печорин, Платон Каратаев, Иванушка-дурочок, наконец, — у всех типажей, у всех наших архетипов есть имена. И только один Левша на имперский вопрос: «И твоё имя тут есть?» — отвечает загадочно: «Никак нет... моего одного и нет». И дальше следует ключевой для всего сказа обмен репликами:

«— Почему же?»

— А потому... что я мельче этих подковок работал: я гвоздики выковывал, которыми подковки забиты, — там уже никакой мелко-скоп взять не может».

Спрашивает Николай I, поборник строевой дисциплины, получивший прозвище Николай Палкин, при котором в имперских кузницах выковывалось «мрачное семилетие», при котором не стало Пушкина и Лермонтова, который не мог не опасаться тишины Сенатской площади и который мог себе позволить сделать такое вот распоряжение с пояснением: «Виновных прогнать сквозь тысячу чело-век двенадцать раз. Слава Богу, смертной казни у нас не бывало и не мне её вводить».

Отвечает же босой и косой Левша, притащенный во дворец как есть, «за шивороток».

Николай Павлович, император-инженер, говорит с ремесленным гением из народа — вот ещё какой подтекст у этого разговора. С безымянным гением. Если пушкинскому Евгению в «Медном всаднике» стало всё-таки страшно от неслыханной собственной дерзости погрозить пальцем тому, кто «рукой державной Россию поднял на дыбы», то Левше бояться нечего, ибо его самого вроде как и нет, и «никакой мелкоскоп» его взять не в силах. «Идёт в чём было в опорочках, одна штанина в сапоге, другая мотается, а озямчик старенький, крючочки не застегаются, порастеряны, а шиворот разорван; но ничего, не конфузится». И государь обнимает Левшу, неубранного и в пыли, целует его. Получается, что Левша и императора подковывает, то есть смягчает его сердце, даёт возможность проснуться в нём человеку. Точнее — победить в нём человеку.

Но как же всё-таки могли звать тульского мастера? Может, Алексеем, как его прототипа Алексея Михайловича Сурнина, за свою

короткую жизнь успешного многое перенять из английского заводского опыта и укоренить европейские технические достижения на родине? А может, Ванькой рекли, Иваном-дурнем, Иваном-простотой? А может — Василием, блаженным конечно? Или — Петькой, мучеником Петром?... Левша, он русский святой, русский мученик, и его полувыдранные растрёпанные волосы светятся нимбом. Левша бескорыстен, ему неведома выгода, его невозможно подкупить или устрашить. Тот, кто подковал блоху, кто овладел ремеслом в совершенстве, готов пожертвовать свой Божий дар бездумно и безвозмездно, без тени сожаления. Левша не знает себе цену, потому что дар его — бесценен. Оценить работу Левши всё равно что примачивать ценник к рублёвской «Троице». Максим Горький весьма точно сказал о Лескове как о художнике, создававшем «для России иконостас её святых и праведников».

Однако снова вопрос, напрашивающийся сам собою. Особенно на уроке литературы. Да ещё и в средних классах. Чему же учит лесков-

ский шедевр? И допустимо ли опираться на характер Левши как на пример, брать фигуру тульского оружейника за ценностный ориентир? Да, перед нами бесконечно талантливый, бескорыстный мастер, которому все европейские мастера и в подметки, что называется, не годятся. Но он из тех безвестных и безымянных, кто пропадает «ни за грош», кто никогда не сможет «подать себя», устроиться, обзавестись нужными связями. Более того: талант Левши в некотором смысле бесполезен, так как блоха — и это очень важный микроскопический гвоздик в сюжете — перестаёт танцевать, когда становится подкованной. Аглицкая конструкция, по существу, ломается, приходит в *практическую* негодность. (Человек в императоре долго побеждать не может, Властитель — это вам не Василий Петрович Богословский из рассказа «Овцебык», восклицаящий самоотречённо: «Людие мои, людие мои! что бы я не сотворил вам?... Людие мои, людие мои! что бы я вам не отдал?» Подкова человечности, тавро человеколюбия будет мешать механическому танцу, если только не превратится власть имущий в старца-отшельника и не продолжит свою жизнь тайно где-нибудь в далёкой Сибири, как, по легенде, произошло с предшественником Николая...)

Истинный талант, талант в чистом виде, никогда не бывает практическим и всегда входит в противоречие с прагматической реальностью. А ну как если свезло бы нашему гению, и не разбилась бы его бедовая головушка «о парат», и оклемался бы он в больничке? Разве и тогда, при таком бы счастливом ходе судьбы, не ходил бы Левша по краю пропасти? Тут как тут они, и завистники, и ярые поборники заграничных диковинок, готовые преклоняться перед чужими куцыми вывесками, прогоняя из культуры исконно русское, национальное, вырывая — уж не волосы — а целые деревья с корнями из отеческой почвы. И бутылочка бездонная тоже тут, рядышком. И безалаберность наша извечная неподалёку. И очернители не дремлют, вроде тех, кто травил Лескова за статью о пожарах в майском номере «Северной пчелы» за 1862 год. Николай Семёнович хотел лишь, чтобы правительство опровергло слухи о поджогах, организуемых якобы революционно настроенными студентами, а «прогрессисты» назвали писателя предателем, обвинили в доноситечестве, и сердце Лескова с тех пор сжималось и болело, и дорога его легла вдали от родины на целые годы. Но пускай с грузом незаслуженных обид, с болью потерь, с тревогой за судьбу Рос-

сии — Лесков вернулся. Вернее — он никогда и не покидал в душе родимого предела. С «Очарованным странником» и «Соборянами» подошёл он к «Левше». С фотографии 1881 года смотрит на нас усталый, как бы ушедший в себя человек, видящий насквозь нигилистов разных мастей, защитно скрестивший на груди руки, но не откестившийся от главной своей подвижнической идеи: сохранить в момент исторических сломов, в том числе и грядущих, национально ценное, веками уложенное в русском человеке и в почве народной культуры — любовь ко всему сущему, незлобивость, верность родной земле да истинную веру. Не зря о родителях, о родном доме говорит Левша, о том, что к своей родине привержен. Он человек «русской веры». «Где стоит «Левша», надо читать «русский народ», — точнее Лескова не объяснишься.

Итак, Левша лишён всяческой прагматики. Поэтому, разумеется, типаж Левши впадает в известное противоборство с миром потребления. Как же толковать Левшу детям сегодня, как высветлить его внутреннюю гармонию?

На помощь может прийти масштаб. Сказ Лескова весь построен на игре масштабами, на превращениях малого в великое, крошечного — в глобальное. А что если принести на урок мешочек с толчёным кирпичом и высыпать содержимое прямо на парту? Вот она, крупным планом, толчёная кирпичная крошка, кирпичная пыль, тяжёлая, оставляющая красноватые следы на ладонях. И сразу же окрасятся, обретут удельный вес, наполнятся предметным смыслом слова Левши, повторяемые им перед смертью: «Скажите государю, что у англичан ружья кирпичом не чистят: пусть чтобы и у нас не чистили, а то, храни Бог войны, они стрелять не годятся».

Кирпичные пылинки — это Млечный Путь всего лесковского сказа, неисчислимые вечные безвестные планеты-странники, среди которых пигмеями выглядят и император, и атаман Платов, и граф Чернышёв. И как-то убого, жалко начинает звучать буржуазная механика западного мира, в котором «на счёт казённого строго». А вот решимость Левши во что бы то ни стало рассказать на родине про узанный секрет, воля, позволяющая ему не выдать секрета полшкиперу, делает нравственный выбор героя и *всеобъясняющим*, и *всеобъемлющим*. Не о том, как избежать смерти, думает Левша, не о том заботится, чтобы «тугамент» свой вернуть, а о том, чтобы сородникам своим помочь в последнюю минуту. Толчёный кирпичик — это же не физическая величина, а символически-нравственная. Не чистить ружья кирпичом — значит остановиться и задуматься. О трагическом отставании нашей страны от западных соседей в технической оснащённости, о горестных плодах крепостного права, пожинаяемых нами и поныне, о рабелепии и чинопоклонстве, о пустословии, о бессмысленной муштре, о великой стране России, которая бывает так жестока к детям своим... Это же горечь не выразить какая, что словечные слова о Левше не русский говорит, а англичанин: «У него

хоть и шуба овечкина, так душа человеческая. Полскиперу-иностранцу не всё равно! А нам?

«Левша» — сердце нашей словесности, питаемое сказами и легендами, бытующее силой устных преданий и передаваемых от поколения к поколению историй; это гимн всякому одухотворённому труду; орнамент «цеховой легенды» сродни тончайшему изукрашению «партикулярных изделий», выполненных «златокузнецами» тульскими шкатулок, шахматных досок, чернильных приборов, глобусов с секретами. И встают за бесфамильным Левшой былые мастерские фамилии: Захаев, Гольяков, Ляпин, Свешников, Боголепов... Но не только красота воронения, точность огранки, пар «безотдышной работы» ощутимы у Лескова, но и «безотдышная» боль-обида слышна за народный талант, что о себе никогда не печётся. Отец, дед и прадед писателя были священниками в селе Леска Орловской губернии, отсюда, собственно, и фамилия Лесков берёт начало, и начинается не отсюда ли пристальное внимание художника к душе народной?

В фильме П.Лунгина «Остров» отец Анатолий, помните, всё уголёк на плечах таскает, на мешках с углём спит, чёрной угольной пылью дышит. Сам чудесно исцелять может, а врачует не себя — других! Не важно, что не услышит безвестного и безымянного своего сына родная сторонюшка, не важно, что найдёт Левша последний приют в Обухвинской больнице, где «неведомого сословия всех умирать принимают». Главное в другом. В том, что прозвучали слова правды. А что не расслышали их, кому следовало, — так это не Левши беда, а наша с вами. Лесков прямо об этом рассказывает. И мы сами вдруг, незаметно для себя, оказываемся на фоне великого умельца, подковывающего космическую блоху.

И уже не «мелкоскоп», а телескоп надобен, чтобы рассмотреть хорошенько образ Левши.

Да вот он, на шаткой палубе, посреди бурного Твердиземного моря, глядит на тёмные осенние волны и всё спрашивает: «Где наша Россия?» Всё «к отечеству смотрит»... Хоть и надарили англичане одёжи в осенний неблизкий путь, а Левшу в ней и не представь — он всё такой же растрёпанный, в какой-то нахлобучке нелепой, уже начал с полскипером смертное своё «парей» держать...

А вопрос его так и отдаётся эхом над ледяными волнами: «Где наша Россия?»

Без «Левши» и самого Николая Лескова нет русской литературы, нет нашей России. И как знать, может быть, кто-то из сегодняшних школьников, открывающих впервые книги

великого русского писателя Николая Семёновича Лескова, откроет в будущем новое созвездие и назовёт его созвездием Левши.

В статье использованы илл. Г.Юдина к рассказу Лескова «Левша». 2015

ДУДНИКОВА Ольга Геннадьевна —

кандидат педагогических наук, доцент Смоленского государственного университета
merkinaolga@gmail.com

ПИСАТЕЛИ — ВОСПИТАТЕЛИ И УЧИТЕЛЯ ЦАРСКИХ ДЕТЕЙ

Аннотация. В данной статье впервые работа воспитателей, наставников и педагогов-писателей представлена суммарно, что позволяет увидеть и понять: их привлечение к делу гуманитарного воспитания и обучения гуманитарным дисциплинам при дворе осуществлялось последовательно и целенаправленно.

Ключевые слова: воспитание, обучение, гуманитарное образование, литературное образование, писатели-педагоги, служение.

Abstract. The work of tutors, mentors, teachers and writers is represented as a "whole", allowing the reader to see and understand that the involvement of these professionals into humanitarian education at the Court was carried out consistently and purposefully.

Keywords: education, humanitarian education, literary education, writers, teachers, ministry.

Для воспитания и обучения царских детей в период правления династии Романовых, начиная от царя Алексея Михайловича (Тишайшего) и кончая детьми последнего рос-

сийского императора Николая II, систематически привлекались наиболее видные учёные: экономисты, математики, физики, химики, механики, востоковеды, географы, искус-

ствоведы, филологи. Особое место занимали государственные деятели (лица, возглавлявшие правительство, министры), представители церкви (духовники, законоучители). Вни-

Памятник Симеону Полоцкому в Полоцке

мание уделялось государственному строительству, военному делу и гуманитарным знаниям. Этот факт свидетельствует о стремлении готовить из великих князей широкообразованных людей, обладающих достаточными знаниями из тех областей, которые необходимы в период высочайшего служения и принятия решений.

Формирование и развитие гуманитарных представлений царских детей было связано прежде всего с изучением истории и словесности — русской и зарубежной.

Первым из писателей, привлечённых к обучению детей царя Алексея Михайловича от Милославской: Алексея, Софьи и Фёдора, — был известный церковный деятель, поэт, драматург, переводчик **Симеон Полоцкий**. От Симеона Полоцкого начинается традиция, по которой ряд учителей великих князей специально для своих подопечных создавали учебные книги. Полоцкий написал для них «Вертоград Многоцветный» (сборник стихотворений, предназначенный служить «книгой для чтения»), «Житие и учение Христа Господа и Бога нашего», «Книгу кратких вопросов и ответов катехизических». В «Венце веры кафолической» Полоцкий сгруппировал всю сумму знаний, какие дали ему школа и чтение, начиная с апокрифов и кончая астрологией.

Фефан Прокопович

В созданной в Кремле (1678) типографии был издан перевод Полоцкого «Псалтири царя и пророка Давида». По словам М. Ломоносова, «Рифмованная псалтирь» Симеона Полоцкого, наряду с «Арифметикой» Леонтия Магницкого и «Грамматикой» Мелетия Смотрицкого, была его «воротами учёности».

Полоцкий написал множество стихотворений, вошедших в сборник «Рифмологион», сочинил для зарождавшегося театра «Комедию о Навуходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи не сожженных» и «Комедию притчи о блудном сыне»; особенным успехом пользовалась последняя. Эти произведения С. Полоцкого имеют скорее историко-литературное, чем художественное, значение¹. Влияние Полоцкого на московскую действительность определяется не его поэтическими или драматургическими опытами, а идеями, которые он провозглашал как священнослужитель и богослов.

Сильной и яркой личностью в окружении Петра I был архиепископ Русской православной церкви, богослов, знаменитый проповедник и государственный деятель, воспитатель великого князя Петра Алексеевича, писатель и учёный **Фефан Прокопович**. Его педагогическая деятельность началась в 1702 году, когда он воссоединился с Русской православной церковью и начал преподавать в Киево-Могилянской академии сначала поэтику, потом риторику, философию и, наконец, богословие. По всем этим предметам им были составлены руководства, замечательные для своего времени ясностью изложения.

Являясь преподавателем пиитики и следуя традициям, требовавшим создания драматических произведений для школьной сцены, Феофан написал трагедокомедию «Владимир». В ней он изображал победу христианства над язычеством и осмеивал суеверия и невежество, выступил горячим защитником просвещения и сторонником начатых уже Петром Великим реформ.

Как теоретик литературы, он в своих «Поэтике» и «Риторике» популяризировал теоретиков Античности, Возрождения, барокко². Он признавал искусство, приносящее «услаждение и пользу». Его идеалами были просвещённый человек и сильное просвещённое государство. В своих трудах Феофан сатирически изображал современную ему русскую жизнь и в этом смысле может быть назван первым сатириком. Он оказал сильное влияние на Кантемира.

Поэт, прозаик, переводчик, академик Российской академии, государственный и общественный деятель **Михаил Никитич Муравьёв** в истории русской литературы остался как представитель сентиментализма и один из первых, кто заявил о приближении эпохи романтизма. В стихотворении «Сила гения» он изложил принципы предромантизма.

В 1785 году Муравьёв был приглашён Екатериной II преподавать великим князьям Александру и Константину Павловичам русскую словесность, русскую историю и нравственную философию. Он был учителем русского языка будущей императрицы Елизаветы Алексеевны

(1792). Г. А. Гуковский так характеризовал педагогическую деятельность М. Н. Муравьёва: «На посту царского воспитателя М. Н. Муравьёв проявил себя незаурядным педагогом, что подтвердили его повести и статьи, написанные с учебной целью, а также рассказы о русской истории и прозаические повести «Обитатель предместия» и «Эмилиевы письма», форма и язык которых во многом предварили прозу Н. М. Карамзина. Впрочем, в своих педагогических исканиях он оказался и мягкосердечен, и наивен, воспитывая будущих венценосцев на идеях Адама Смита, Кондильяка, Мабли, Мирабо, Монтескье, Руссо. Он желал воспитать истинно просвещённых монархов, понимающих значение развития промышленности и торговли, видевших в своих подданных людей, а не скотов... С обучением великих князей были связаны прозаические произведения Муравьёва («Эпохи российской истории», «Собрание писем различных творцов, древних и новых», «Нравственные изображения» и др.). Печатались они малыми тиражами в Императорской типографии у И. Вейтбрехта, выполнявшей заказы двора. В 1789 году вышла из печати его пьеса «Доброе дитя. Драматическая сказочка» — первое специально предназначенное для нравственного воспитания детей драматическое произведение в России»³.

Воспитателем великих князей Николая и Михаила Павловичей был приглашён поэт, учёный-филолог, переводчик, профессор Дерптского университета **Григорий Андреевич Глинка**, читавший свой курс на немецком языке. Глинка был первым русским профессором из дворян, ибо дворяне тогда считали учительскую работу низким поприщем для своего сословия. Он стал учителем русской словесности императрицы Елизаветы Алексеевны, великой княжны Анны Павловны и невесты великого князя Николая Павловича, принцессы прусской Шарлотты.

Огромное влияние на развитие системы домашнего воспитания и обучения оказал поэт и переводчик, один из ярчайших представителей золотого века русской литературы **Василий Андреевич Жуковский**, почётный член Петербургской академии наук,

В.А. Жуковский

близкий друг А.С.Пушкина. В 1817 году Жуковский — учитель русского языка принцессы Шарлотты, будущей императрицы Елизаветы Федоровны; с осени 1826 года он стал наставником наследника, будущего императора Александра II, которому преподавал и русскую словесность.

Жуковский был ярким и самобытным педагогом. Он считал, что культура в целом и поэзия в частности выполняют важнейшую воспитательную роль. В письме своему другу А.И.Тургеневу он писал: «Поэзия должна иметь влияние на душу всего народа, и она будет иметь это влияние, если поэт обратит свой дар к этой цели. Поэзия принадлежит к народному воспитанию»⁴.

Самое серьёзное внимание Жуковский уделил созданию «методического сопровождения» — грамматики русского языка, стремясь упростить понимание наиболее сложных случаев русской речи. Он разработал методику занятий, придя к выводу о том, что усвоение речи происходит эффективнее, если соединить речевые упражнения с чтением и комментированием поэтических текстов. По сути, это был курс изучения словесности, для которого Жуковский специально перевёл на русский язык произведения западноевропейских поэтов. Эти переводы не предназначались для широкой публики, они были изданы лишь в 1818 году, и на книжечке была сделана надпись: «Для немногих». В продажу томик не поступал — распространялся исключительно в качестве дара поэта. Среди его выдающихся переводов «для всех» — драматическая поэма Шиллера «Орлеанская дева» и «Шильонский узник» Байрона.

Жуковский написал несколько стихотворений специально для самых маленьких детей: «Жаворонок», «Птичка», «Котик и козлик», сказку «Мальчик-с-пальчик»; для юношества перевёл из Ламот Фуке «старинную повесть» «Ундины».

В 1825 году Николай I назначил Жуковского «наставником при воспитании Наследника» — так называлась должность домашнего учителя. Жуковский писал по этому поводу: «...не думавши, не гадавши, я сделался наставником Наследника Престола. Какая забота и ответственность (не ошибайтесь: наставником, а не воспитателем — за последнее никогда бы не позволил себе взяться!)! Занятие, питательное для души! Цель для целой остальной жизни! Чувствую её великость и всеми мыслями стремлюсь к ней!»⁵.

Жуковский знакомится с передовыми педагогическими идеями. В 1827 году, когда ему было поручено ещё обучение великих князю Марии Николаевны и Ольги Николаевны, он поехал за границу, откуда привёз много книг по педагогике.

Вначале каждый предмет он вёл лично, позже подбирал учителей по различным наукам, и это были лучшие специалисты в своей области. Огромное внимание уделял применению наглядных пособий: превратил свои комнаты в Зимнем дворце в мастерскую, где делались карты, таблицы и др. Наукой царей Жуковский считал историю и читал её сам.

Жуковский писал в 1827 году Александре Фёдоровне о том, что он тщательно готовится к преподаванию древней истории: трудится над составлением синхронистических таблиц, географических карт и другой наглядности, которая дополнит рассказы педагога. «Моё положение действительно счастливое: я поглощён одною мыслию, которая всюду мне сопутствует, хотя и тревожит меня. Эта мысль, основанная на любви, оживляет моё существование. <...> В настоящем — занятие, наполняющее душу; в будущем — продолжение в течение нескольких лет того же занятия, которое будет шириться и становиться всё более разнообразным по мере своего продвижения вперёд. И какая цель в конце этого пути! Да, у меня не осталось уже ничего личного...»⁶.

Жуковский преподавал русский язык, общую грамматику, давал своим подопечным начальные понятия по физике и химии.

Им были сформулированы основные правила будущего монарха: уважение закона, распространение просвещения, уважение к общему мнению, любовь к свободе, стремление властвовать не силой, а порядком; верность слову, необходимость подбирать себе достойных помощников, любовь к своему народу и уважение его, вера в добродетели⁷.

Историю России Жуковский преподавал в связи с археологией; свои уроки он сопровождал рисунками фигур в одежде той или иной эпохи. Сведения об этом, по его просьбе, предоставил известный археолог, президент Императорской академии художеств А.Н.Оленин.

Выдающимся следствием педагогических трудов Жуковского стало создание им «Плана учения» (1826), в котором автор, продолжая педагогические идеи Екатерины II, во многом пошёл дальше, в центр внимания поставив не только воспитание, но содержание и организацию процесса обучения наследника престола.

В.А.Жуковский блестяще выполнил свою педагогическую миссию: в немалой мере мировоззрение Александра II, творца Великих реформ 1860-х годов, императора, при котором состоялось освобождение крестьян, было сформировано его наставником.

Владимир Павлович Титов — дипломат, литературный критик, писатель-беллетрист — известен читателям под псевдонимом **Тит Космократов**. В первой трети XIX века Титов активно сотрудничал с журналом «Московский вестник», где напечатал «восточную повесть» «Печёная голова» (1827) и «индийскую сказку» «Переход через реку, приключенные брамина Парамарти» (1827), публиковался в «Московском наблюдателе» и «Современнике», в альманахе «Мнемозина». Наибольшую известность принесла ему повесть «Уединённый домик на Васильевском» (1829), сюжет её был рассказан А.С.Пушкиным, с согласия которого повесть печаталась либо под двумя фамилиями (Пушкин, Космократов), либо под одной из них.

По инициативе императрицы Марии Александровны с 1857 года В.П.Титов был назначен наставником великих князей.

И.А.Гончаров

В июле 1857 года Титовым была представлена императору записка о необходимости совершенствования подбора преподавателей. В записке были намечены учебные занятия на неделю с указанием часов по каждому предмету.

Титову принадлежит идея обучения наследника и его братьев в одном из столичных университетов. При этом Титов ссылался на опыт английской королевы Виктории, сын которой принц Уэльский учился на общих основаниях в Эдинбургском университете (1857), а затем — в Оксфорде и Кембридже (1858—1860). Но эта идея Титова не была поддержана императором.

Близок ко двору Романовых был писатель-романист и цензор, литературный критик **Иван Александрович Гончаров**. Его отношение с царской семьёй установилось после кругосветного путешествия на фрегате «Паллада». На «Палладе» Гончаров не только исполнял обязанности секретаря, но и по просьбе адмирала Е.В.Путятина преподавал русскую словесность гардемаринам⁸. После путешествия обучал русскому языку и литературе некоторых из великих князей и княжон. Так, в декабре 1857 года по рекомендации А.Н.Майкова он был назначен преподавателем русской словесности к четырнадцатилетнему наследнику престола Николаю Александровичу. Занятия языком тяготили писателя, так как он не получил необходимой научно-теоретической подготовки, и весной 1858 года он отказался от преподавания, о чём писал брату: «Уроки мои при дворе пока кончились»⁹.

С 1873 года Гончаров начал преподавать русскую словесность великому князю Константину Константиновичу, известному в русской литературе под псевдонимом К.Р. Общение с К.Р. не сводилось только к занятиям: великий князь видел в Гончарове умного педагога, внимательного, чуткого и доброжелательного литературного критика. Без такого восприятия К.Р. вряд ли передал бы писателю записную книжку со своими стихами и просьбой дать на них объективный отзыв¹⁰.

Учителем детей последнего российского императора был педагог, писатель, поэт **Константин Алексеевич Иванов**. Он активно

публиковался в журналах — «Библиофиле», «Северном Вестнике» и широко известном педагогическом издании «Русская школа».

К.А.Иванов был последним директором Императорской Николаевской Царскосельской гимназии и в течение 8 лет учителем в семье Романовых. Он обучал царских детей вплоть до их высылки в Тобольск.

В семье поэта из поколения в поколение передаются два предания, связанные с личностью и взглядами Иванова.

В 1918 году в присутствии дочери, увидев проходящий под окнами отряд революционных матросов, Константин Алексеевич сказал, ни к кому не обращаясь: «Коммунизм есть мечта, абстрактный идеал, придуманный честными людьми, у которых были чистые помыслы. В их числе и Христос. Он предполагает честный труд и самодисциплину. А не равенство в нищете. "Грабь награбленное" — убедительно сказано. Но большевики сами себя перегрызут, ведь у них нет ничего святого». Затем, обратясь к дочери, продолжил: «Я у тебя, Надюша, полный коммунист. Я вырос из нищих и голодных, всю жизнь честно трудился "по способностям", получая "по потребностям". А сейчас другие дикие и нищие отнимут всё, что для себя и вас заработал. И пропыют. Лишь бы не расстреляли. Вот закончу перевод "Фауста", на него не позарятся. Когда наступят лучшие времена, вам будет на пропитание».

Другое — рассказ самого Иванова, поведавший сослуживцу Карлу Геллеру в присутствии его дочери Лидии. «Однажды, придя домой после уроков из Александровского дворца, Константин Алексеевич обнаружил в портфеле множество ломтиков хлеба. На следующем занятии с сёстрами к нему подбегает маленький Алексей, заговорщицки отводит в сторону и тихо говорит: "Папа сказал, что народу недостаёт хлеба. Я вас очень прошу, Константин Алексеевич, отдайте хлеб, который я вам положил, народу, только по секрету"»¹¹.

К.А.Иванов

Перевод «Фауста», начатый Ивановым ещё на четвёртом курсе университета, был завершён уже в преддверии 1919 года. В 2006 году издательством «Имена» этот перевод был опубликован и получил высочайшую оценку специалистов. В том же году презентация книги прошла в Санкт-Петербургском государственном университете. По мнению специалистов, учитывая обстоятельства создания, личность переводчика и, что самое существенное, качество перевода¹⁴, труд Иванова может считаться настоящей сенсацией¹².

Поэт Серебряного века, педагог, директор Царскосельской гимназии **Иннокентий Фёдорович Анненский** преподавал русскую словесность дочери Николая II великой княжне Ольге Николаевне.

У него учился Н.С.Гумилёв, с которым он поддерживал связь и переписку и после окончания Гумилёвым гимназии. В одном из писем к наставнику Гумилёв, в частности, писал:

«Многоуважаемый Иннокентий Фёдорович!

...Я не буду говорить о той снисходительности и внимательности, с какой Вы относитесь к моим стихам, я хочу особенно поблагодарить Вас за лестные отзывы об "Озере Чад", моём любимом стихотворении. Из всех людей, которых я знаю, только Вы увидели в нём самую суть, которая составляет сущность романтизма и в значительной степени обусловила название всей книги... Надо ли говорить, как это ценно.

Ещё раз бесконечно благодарю Вас за те усилия, которые Вы сделали, чтобы помочь мне осознать моё творчество и подвигнуть меня так на многое "по тернистому пути славы"»¹³.

А.А.Ахматова называла И.Ф.Анненского своим учителем:

*...А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошёл и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,*

*Кто был предвестьем, предзнаменованием,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленьё —
И задохнулся...*

Точно и проникновенно сказал о личности Анненского-педагога один из его коллег, А.А.Мухин: «Он был кумиром своих учеников и учениц, тем более что к данным внутренним присоединялись и блестящие внешние данные — одухотворённо-красивая наружность и чарующее благородство в обращении».

Анненский оставил несколько педагогических сочинений, в которых в полной мере проявились его взгляды и новые для его времени подходы в преподавании русской словесности. Наиболее полно они нашли выражение в его статье, опубликованной в журнале «Воспитание и обучение», «Стихотворения Полонского как педагогический материал», и «Письмах Я.Г.Гуревичу», опубликованных в 1980-е годы в журнале «Русская школа». Идеи, высказанные тогда педагогом-словесником, актуальны и для современной школы, но, к сожалению, пока они остаются невостребованными¹⁴. В своей педагогической системе Анненский значительное внимание уделял формированию и развитию творческого потенциала учащихся. Среди целей гуманитарного образования, провозглашённых Анненским, было развитие речевых способностей учеников и формирование их индивидуального стиля. Педагог разрабатывал разнообразные формы и приёмы работы: выполнение гимназистами переводов с различных языков, произнесение собственных творческих работ по всем законам ораторского искусства и др. Всемерно поощрял Анненский и сочинительство. Существовала такая гимназическая легенда: директор гимназии, вступая за допустившего проступок ученика, воскликнул: «Да, да, господа! Но ведь он пишет стихи!»

Как очевидно из данных материалов, писатели, привлечённые к воспитанию и обучению царских детей, отличались не только профессионализмом и любовью к воспитанникам и к порученному делу, но и глубиной своих взглядов. Их социальные, общественные, нравственные, педагогические, эстетические взгляды и идеи не напрямую, чаще всего опосредованно проникали в сознание и определяли представления о жизни воспитанников и учеников из династии Романовых за всю историю её существования и отражались в их государственной деятельности в процессе служения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Симеон ПОЛОЦКИЙ. Избр. соч. — М.: АН СССР, 1953
- ² ПРОКОПОВИЧ Ф. Сочинения / Под ред. И.П.Ерёмина. — М.: Л., 1961.
- ³ ГУКОВСКИЙ Г.А. Очерки русской литературы и общественной мысли XVIII в. — Л., 1938. — С. 177.
- ⁴ «Русский архив», год пятый. — М., 1867. — С. 803.
- ⁵ Цит. по: <http://scanpoetry.ru/poets/zhuikovskiy-vasiliy/articles/a75>

И.Ф.Анненский

- ⁶ Цит. по: НИКОЛАЕВ Всеволод. Александр Второй — человек на престоле. Историческая биография. — Мюнхен, 1986. http://www.zakharov.ru/component/option.com_books/task/book_details/id,330/Itemid,53/
- ⁷ См.: ЖУКОВСКИЙ В.А. План учения // Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. — М., 1987.
- ⁸ См.: АЛЕКСЕЕВ А.Д. Летопись жизни и творчества И.А.Гончарова. — М.; Л., 1960. — С. 54.
- ⁹ Там же. — С. 83.
- ¹⁰ См., в частности, запись К.Р. в дневнике от 8 ноября 1891 года // К.Р. Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. — М., 1988.
- ¹¹ См.: ИВАНОВА Екатерина. К.А.Иванов — историк, поэт, писатель, педагог, директор

- Царскосельской гимназии // kfinkelsh-teyn.ru/NG_dir_Ivanov.htm
- ¹² См, в частности: КОСТЮКОВСКИЙ Виктор. «Фауст» на лучшие времена // Журнал «22», — 2006. — № 142; АРТЕМЬЕВ Виктор. «Фауст» дожил до лучших времён // Огонёк, — 2006. — № 9 (4934).
- ¹³ ЧЕРНОВА О.Н. Проблема гуманитарного образования в педагогическом наследии И.Ф.Анненского: дис. канд. пед. наук. — Смоленск, 2004.
- ¹⁴ АННЕНСКИЙ И.Ф.: Стихотворения Я.П.Полонского как педагогический материал // Воспитание и обучение. Ежемесячный педагогический листок. — 1897. — № 6; Об образовательном значении родного языка // Русская школа. — 1890. — № 1; О формах фантастического

у Гоголя // Русская школа. — 1890. — № 10. — С. 93—104; Об эстетическом отношении Лермонтова к природе // Русская школа. — 1891. — № 12. — С. 73—83; Педагогические письма (Я.Г.Гуревичу). Письмо первое. Языки в средней школе // Русская школа. — 1892. — № 7; Педагогические письма (Я.Г.Гуревичу). Письмо второе. К вопросу об эстетическом элементе в образовании // Русская школа. — 1892. — № 11; Педагогические письма (Я.Г.Гуревичу). Письмо третье // Русская школа. — 1895. — № 2; Гончаров и его «Обломов» // Русская школа. — 1892. — № 3; А.Н.Майков и педагогическое значение его поэзии // Русская школа. — 1898. — № 2.

ВАСИЛЕНКО Евгений Васильевич —

учитель школы при Посольстве Российской Федерации в Португальской Республике (г. Лиссабон)
vasilenko62@yandex.ru

ТЕМА НЕЛЮБВИ В РАССКАЗЕ ИВАНА БУНИНА «КАВКАЗ»

Аннотация. Автор статьи, анализируя поступки, характеры и взаимоотношения героев рассказа Ивана Бунина «Кавказ», соотносит его с другими рассказами цикла «Тёмные аллеи», даёт свою интерпретацию произведения. По мысли автора, «Кавказ» — единственный рассказ цикла, темой которого является нелюбовь героев.

Ключевые слова: Бунин, «Тёмные аллеи», любовь, герой и героиня рассказа «Кавказ», страх.

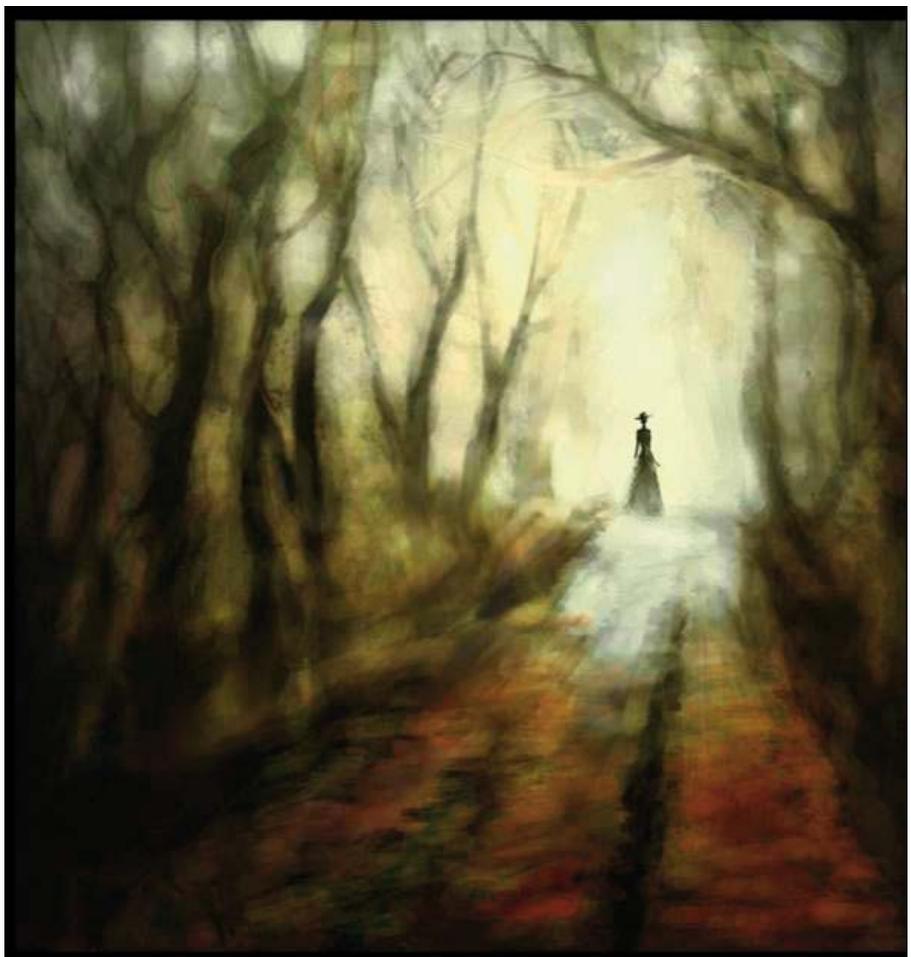
Abstract. The author analyzes the actions, characters and relationships between the characters of the Ivan Bunin's short story "Caucasus", correlates it with other stories of the "Dark Avenues" series and gives his interpretation of the work coming to conclusion that "Caucasus" is the only story which is devoted to the lack of love between characters.

Keywords: Bunin, "Dark Avenues", love, hero and heroine of the "Caucasus" short story, fear.

«Тёмные аллеи» традиционно определяются исследователями Бунина как энциклопедия любви. Юрий Мальцев обстоятельно перечисляет «разнообразные оттенки любви и причудливейшие её разновидности», представленные в этой книге: «тут и возвышенное чувство обожания, чуждое плотского влечения» («Натали»), «тут и животная любовь-функция» («Кума»), «и продажная "любовь" проститутки» («Барышня Клара»), «тут и любовь-вражда» («Пароход "Саратов"», где плотское влечение героев друг к другу сочетается с соперничеством характеров и взаимной душевной неприязнью)», «и любовь-отчаяние» («Зойка и Валерия»), «тут и любовь-колдовство» («Железная шерсть»), и любовь как радостное опьянение («Качели»), и любовь-самозабвение («Холодная осень»), и любовь-жалость, неотделимая от нежности и сострадания» («Таня», «Руся», «Мадрид», «Три рубля»). Причём, по мнению исследователя, «сами разновидности чувства, в свою очередь, дробятся на ещё более тонкие оттенки. Так, например, любовь-жалость в рассказе «Визитные карточки» странным (но понятным) образом сочетается с бесстыдством сладострастия, а нежность — с «ненавистью страсти и любви»¹.

Однако среди сорока рассказов книги есть один, глубоко и убедительно раскрывающий другую сторону внутренней жизни человека и отношений между людьми. Нелюбовь. Этой теме посвящён самый ранний рассказ цикла — «Кавказ».

Во многих рассказах «Тёмных аллеи» любовь, вне зависимости от её оттенка и разно-

А.Князева. Илл. к сборнику рассказов И.А.Бунина «Тёмные аллеи»

видности, предстаёт как мучительно-сладостное совпадение с любимым человеком, полное растворение в нём. Молодой герой рассказа «Ворон» в демонстрации внешнего безразличия к нему «юной, легконогой» няньки его восьмилетней сестры чувствует «радостный страх» «общего счастья быть возле друг друга». Этой же лёгкой безмятежностью счастья пронизано его восклицание: «Сколько трепетной нежности было для нас даже в одном этом — в совместных усилиях тащить её (сестру. — Е.В.), то и дело касаясь рук друг друга». Героиня рассказа «Холодная осень», тридцать лет назад проводившая возлюбленного на войну и пережившая его гибель, спрашивает себя: «Да, а что же всё-таки было в моей жизни?» И отвечает себе: «Только тот холодный осенний вечер. <...> И это всё, что было в моей жизни, — остальное ненужный сон». Расставаясь со случайно встреченной на пароходе попутчицей, герой рассказа «Визитные карточки» целует ей «холодную ручку с той любовью, что остаётся где-то в сердце на всю жизнь...». Герой рассказа «Поздний час» памятью уносится в своё прошлое, незаметно превращая рассказ-воспоминание о любимой девушке в мысленный разговор с ней: «...с радостным испугом встретил блеск твоих ждущих глаз. И мы сидели, сидели в каком-то недоумении счастья. Одной рукой я обнимал тебя, слыша биение твоего сердца, в другой держал твою руку, чувствуя через неё всю тебя».

Этого растворения друг в друге лишены безымянные герои «Кавказа». Каждый из них сосредоточен на самом себе. Герой «воровски» живёт «затворником» в снимаемых для встреч с замужней женщиной номерах, «от свидания до свидания с нею». Ему лстят, что приходящая к нему «бледная прекрасной бледностью любящей взволнованной женщины». Однако и бледность героини, и срывающийся голос, и суетливость («бросив куда попало зонтик, спешила поднять вуальку и обнять меня») — проявление отнюдь не любви, а страха перед разоблачением. Предчувствие неотвратимого возмездия за тайные свидания не оставляет в душе героини места другому чувству. А реального человека, с которым она живёт от свидания к свиданию, вытеснил созданный её экзальтированным воображением зловещий образ догадывающегося обо всём и готового на решительные и страшные поступки «жестокоего, самолюбивого» мужа: «Мне кажется... он что-то подозревает, что он знает что-то, — может быть, прочитал какое-нибудь ваше письмо, подобрал ключ к моему столу... <...> Теперь он почему-то следит буквально за каждым моим шагом...» План героев-конспираторов («уехать в одном и том же поезде на кавказское побережье и прожить там в каком-нибудь совсем диком месте три-четыре недели»), хоть и назван «наш», принадлежит не им обоим, а одному из них — ему, а не ей. Именно он «знал это побережье, жил когда-то некоторое время возле Сочи, — молодой, одинокий, — на всю жизнь запомнил те осенние вечера среди чёрных кипарисов, у холодных серых волн...». Герой движим вполне понятным стремлением повторить полу-

ченные в молодости впечатления, обогатив их присутствием рядом «любимой взволнованной женщины». Несмотря на признание героя в том, что нервное поведение приходящей к нему женщины потрясло его «жалостью и восторгом», автор не позволяет ощутить глубины этих чувств героя. Правда, навязчивый, липкий страх героини (для героя во многом надуманный, эфемерный, ибо ему так и не суждено будет ни разу встретиться с её «жестоким» мужем-офицером) передаётся и герою рассказа. По вокзалу и платформе он бежит, «надвинув на глаза шляпу и уткнув лицо в воротник пальто». Сев в купе, место будущей тайной встречи с ней, он «немедля опустил оконную занавеску», «на замок запер дверь». После второго звонка герой «похолодел от страха». Увидев в окно высокую фигуру её мужа, он «отшатнулся от окна, упал в угол дивана». Наконец, деньги перенёсшему её вещи кондуктору он суёт «ледяной рукой».

Запретность, имморальность отношений (к каким, несомненно, относится связь одинокого мужчины и замужней женщины) у Бунина часто увеличивают силу любви, неукротимого тяготения людей друг к другу, снося условные барьеры потоком безумной, всепоглощающей страсти, не ведающей логических доводов и границ приличия. Один из исследователей Бунина видит в этом даже «некий признак подлинности, ибо обычная мораль оказывается, как и всё установленное людьми, условной схемой, в которую не укладывается стихия естественной жизни»². Мощнее всего это показано в «Солнечном ударе»: «Вошли в большой, но страшно душный, горячо накалённый номер... и как только вошли и лачей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так отступлённо задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой».

Однако «преступность» положения героев «Кавказа» не усиливает их взаимности. Пospешность «воровских» встреч в переулке возле Арбата не отпускает героев и в безопасном, запертом купе. Даже оставшись вдвоём и никому не спеша, двигаясь навстречу своей мечте — «югу, морю», они не чувствуют ни умиротворения, ни спокойствия, ни прилива всепоглощающей нежности. Герой обложен льдом страха. Зажатость измученной подозрениями героини выражена в «жалостной» улыбке, отсутствии самого естественного жеста — поцелуя спутника — и нервном монологе, на который опять падает мрачная тень мужа, преследующего неверную жену, и угрозы неминуемой расплаты.

Постоянное беспокойство, непрекращающийся страх и тревога героев усиливаются городским пейзажем. В день отъезда «в Москве шли холодные дожди», «было грязно, сумрачно». «Был тёмный, отвратительный вечер» (и люди сновали «в тёмном свете вокзальных фонарей»), когда герой ехал на вокзал и внутри у него всё «замирало от тревоги и холода». Душу героя могла бы согреть любовь к его жалостно улыбающейся спутнице. Но в том-то и дело, что любви нет. Поэтому и солнечные у-

ренные пейзажи за окном поезда радости в душу не вселяют: «за мутными от пыли и нагретыми окнами шла ровная выжженная степь, видны были пыльные широкие дороги, арбы, влекомые волами... <...> Дальше пошёл безграничный простор нагих равнин с курганами и могильниками, нестерпимое сухое солнце, небо, подобное пыльной туче...».

По мысли Бунина, человеку могут быть дарованы свыше «мучительная красота обожания» и «телесное упоение». (Герой рассказа «Натали» чувствует «сразу две любви, такие разные и такие страстные», воспринимая их сплетение как наказание Божье.)

Эту «мучительную красоту обожания» и «телесное упоение» дано испытать многим героям «Тёмных аллей» в мгновения наивысшего взлёта и обострения чувств.

Идя за обожаемой им девушкой, скрипя в тишине по снегу, герой «Чистого понедельника» с умилением глядит «на её маленький след, на звёздочки, которые оставляли на снегу новые чёрные ботинки». Дальше происходит то, что в обыденной жизни можно назвать чудом, но что естественно для мира людей любящих: «она вдруг обернулась, почувствовав это: «Правда, как вы меня любите!» — сказала она с тихим недоумением, покачав головой».

У героя рассказа «В одной знакомой улице» не задержалось в памяти имени возлюбленной («дочь какого-то дьячка в Серпухове, бросившая там свою нищую семью, уехавшая в Москву на курсы»). Но как единственный миг («больше ничего не помню») оставила «поззия памяти»³ подробности трепетно-нежной встречи с ней: «были эти слабые, сладчайшие в мире губы, были от избытка счастья выступавшие на глаза горячие слёзы, тяжкое томление юных тел, от которого мы клонили на плечо друг другу головы, и губы её уже горели, как в жару, когда я расстёгивал её кофточку, целовал млечную девичью грудь с твердевшим незрелой земляничкой остриём...».

Память героя рассказа «Руся» тоже сохранила одно из самых незабываемых мгновений: «однажды она промочила в дождь ноги», «и он кинулся разувать и целовать её мокрые узкие ступни — подобного счастья не было во всей его жизни».

Герой рассказа «Натали» Мещерский признаётся, стоя на коленях возле постели любимой женщины: «А потом ты на балу — такая высокая и такая страшная в своей уже женской красоте, — как хотел я умереть в ту ночь в восторге своей любви и погибели! Потом ты со свечой в руке, твой траур и твоя непорочность в нём. Мне казалось, что святая стала та свеча у твоего лица».

Такого погружения в «мучительную красоту обожания» и «телесное упоение» не дано испытать героям «Кавказа». «Не было после того ни единого дня без... этих коротких встреч и отчаянно долгих, ненасытных и уже нестерпимых в своей неразрешённости поцелуев». Эта фраза при всей кажущейся «вписанности» в фабулу «Кавказа» (короткие встречи, неразрешённость поцелуев) всё же является воспоминанием героя другого рассказа — «Ворон». Отношения героя и героини

«Кавказа» при всей напряжённости обстоятельств их встреч томительно-однообразны. Парадоксально, но в истории мужчины и женщины, тайно встречающихся в гостиничных номерах, ночующих в запёртом купе, наконец отдыхающих на Кавказе, нет ни одного поцелуя («войдя, она даже не поцеловала меня»). Само повествование о добытых с такими ухищрениями днях свободы на благословенной кавказской земле напоминает не поэму о дерзких любовниках, добившихся вождельной цели, а неторопливый рассказ о пресытившихся совместной жизнью, уставших друг от друга супругов: «потом мы уходили на берег», «купались и лежали на солнце до самого завтрака»; «жар спал», «мы открывали окно». Отсутствие динамики восполнено мастерски выписанными пейзажами Кавказа. Но не стоит забывать: повествование ведётся от лица одного из участников истории. Стало быть, длительное любовное неповторимыми видами Кавказа в разное время суток означает ещё и переключение внимания героя-рассказчика со своей спутницы на дивную красоту южного края. В этом отношении показательна фраза «Я просыпался рано, пока она спала, до чая, который мы пили часов в семь, шёл по холмам в лесные чащи» (выделено мною. — *Е.В.*). В описании утреннего Кавказа нет и намёка на то, что его видит недавно подавленный страхом гостиничный затворник. «Горячее солнце было уже сильно, чисто и радостно. В лесах лазурно светился, расходился и таял душистый туман, за дальними лесистыми вершинами стояла предвечная белизна снежных гор...» Величественность и спокойствие природы гармонируют с безмятежным состоянием героя. Оно, вероятно, поддерживается восприятием Кавказа как старого доброго знакомого, с которым произошла новая встреча, и ещё — отсутствием рядом невзрачной спутницы. (Вопреки совместно совершённому побегу герой опять вправе сказать о себе: «молодой, одинокий».) О героине сказано мало: она (разумеется!) «плакала». Этот глагол употреблён дважды и оба раза вправлен в оксюморонные конструкции. Сначала героиня льёт слёзы при виде громогласящих за морем удивительных облаков: «они пылали так великолепно, что она порой ложилась на тахту... и плакала». Ещё женщина «радостно плакала» при виде сбежавших к освещённому окну тьявкающих чекалок. По сути же, никакого оксюморона нет, психологически всё объяснимо и оправданно. Великолепно пылающие в лучах заката облака вызывают слёзы отчаяния: «ещё две, три недели — и опять Москва!». А чекалкам, с тьявканьем просящимся в окно к людям, растрогать и умиливать слезливо-экзальтированную героиню не составит труда.

Кавказ, вопреки «дерзкому» плану героев, не избавил их от внутреннего затворничества и опустошённости. (Видно, и впрямь нет ничего более удручающего, чем сбывшаяся мечта.) Отдавшийся беззаботному созерцанию кавказской природы герой не замечает мученической своей спутницы. Героиня с мазохистской настойчивостью продолжает изводить себя

С.Макеев. Илл. к рассказу И.А.Бунина «Солнечный удар». 1994

истерическим предчувствием возвращения к ревнивому мужу. Кавказ не соединил героев, не сблизил их. Но в условиях свободы Кавказа, раздвинувшего тесноту гостиничного номера и перегородки купе, стала очевидна пропасть, разделяющая героев и предсказывающая их скорое расставание. Каждый из них продолжает находиться в мире, созданном исключительно для самого себя. Места для другого в этом мире нет. Такое поведение характерно уже не для опустылевших друг другу супругов, а для эгоцентричных подростков. Впрочем, и тех и других прочно удерживает в своих объятиях властная сила безразличия к окружающим — нелюбовь.

После вязкого, будто топчущегося на месте, повествования о «безнадёжно-счастливых» кавказских днях двух нелюбящих героев финал рассказа — самоубийство мужа-офицера, не сумевшего найти обманувшую его жену, — звучит как гром среди ясного неба. Тот, кто держал в страхе, сам расправился с собой. «Палач оказывается жертвой»⁴. Жертвой понятий об офицерской и супружеской чести, жертвой условий, принятых в обществе, жертвой своей необузданной, «жесточкой» рев-

ности. Судя по высокопарной угрожающей фразе, переданной в пересказе его жены («Я ни перед чем не остановлюсь, защищая свою честь, честь мужа и офицера!»), и эффектному приведению угрозы в исполнение (побрился, надел белоснежный китель, выпил бутылку шампанского, кофе с шартрёзом и выстрелил себе в виски из двух револьверов), третий безымянный герой «Кавказа» движим чем угодно, но только не любовью⁵.

Не исключено, что именно болезненная мнительность, неоправданная ревность и нескончаемые угрозы мужа вкупе с отсутствием нежности и внимания (того, что и принято называть любовью) подтолкнули доведённую до нервного истощения женщину к жалкой супружеской измене в незаметных номерах на Арбате. Парадокс, но именно потенциальная угроза, исходящая от почти фантомного супруга, поддерживала зыбкую тайну отношений двух не способных на любовь героев. И именно реальному двойному выстрелу офицера (полголовой снесло) суждено, вероятно, положить конец тому, что в его понимании называлось супружеской изменой, а на самом деле было мутгорной мукой нелюбви.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ МАЛЬЦЕВ Ю.В. Иван Бунин. 1870—1953. — Франкфурт-на-Майне: Посев, 1994. Цит. по: <http://www.studfiles.ru/preview/1864928/page:24/>
- ² Там же.
- ³ Выражение Юрия Мальцева. Цит. по: <http://www.studfiles.ru/preview/1864928/page:24/>

- ⁴ МАЛЬЦЕВ Ю.В. — Указ. соч. Цит. по: <http://www.studfiles.ru/preview/1864928/page:24/>
- ⁵ «Тёмные аллеи» предлагают иной вариант поведения героя в схожей драматичной ситуации. В финале рассказа «Муза» героя, осознавшего, что любимая женщина, по сути жена, изменила ему с приятелем-соседом, обуревают не ревность, не обида,

не жажда мести. Держа в руках ружьё и слыша при этом хладнокровный её совет: «Если хотите стрелять, то стреляйте не в него, а в меня», он желает только одного — крикнуть ей: «Я не могу жить без тебя, за одни эти колени, за юбку, за валенки готов отдать жизнь!» Но этот герой любит свою неверную Музу.

ЦЕЛКОВА Лина Николаевна —

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы МПГУ, автор книг «Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция» (М.: Русское слово, 2011); «В.В.Набоков в жизни и творчестве» (М.: Русское слово, 2012) и статей о В.Набокове, Б.Пастернаке, Ф.Сологубе, А.Белом. tselkova@mail.ru

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННОМ ИДЕАЛЕ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА НАБОКОВА

Аннотация. В статье поднимается вопрос о возможности рассмотрения образа К.К.Годунова-Чердынцева в романе «Дар» в качестве нравственного идеала творчества Набокова. Проводятся параллели между жизненными реалиями и творческими воплощениями писателя.

Ключевые слова: Д.В.Набоков, роман «Дар», Ф.К.Годунов-Чердынцев, нравственный идеал, роман «Подвиг».

Abstract. The article raises the question of the possibility of considering the image of K.K.Godunov-Cherdyntsev's character in "The Gift" novel as a moral ideal of Nabokov's art. A parallel between the realities of life and creative incarnations of the writer is drawn.

Keywords: D.V.Nabokov, novel "The Gift", F.K.Godunov-Cherdyntsev, moral ideal, the novel "The Gift".

Владимир Набоков вошёл в мировую литературу в первую очередь как писатель, создавший характеры людей противоречивых, странных, больных, подчас обуреваемых запретными страстями и желаниями, а главное, людей, почти всегда обречённых на гибель. Кречмар в «Камере обскура», Лужин в «Защите Лужина», Цинциннат в «Приглашении на казнь», Герман в «Отчаянии», Гумберт Гумберт в «Лолите».

Самый известный роман писателя «Лолита» изображает человека, находящегося под гнётом непреодолимого аномального влечения. Но должен ли писатель обязательно изображать тех, кто противостоит злу, даёт нам уроки нравственности, примеры героизма, воплощает положительный идеал? Ведь, следуя за Набоковым, мы приходим к выводу, что человечество, запутавшееся в низменных страстях и порочных слабостях, не оставляет надежды, не даёт возможности для создания цельных, мощных характеров.

В своих многочисленных интервью Набоков заявлял, что его не интересует этическая сторона творчества — только эстетическая. Можем ли мы утверждать, что писателя Набокова не привлекали герои, которые бы олицетворяли собой положительный идеал? Верил ли он вообще в человека, в его нравственные и духовные возможности? По мнению многих критиков, «для Набокова самый идеал был неприемлем». «Набоков, — писал в одном из своих писем Глеб Струве в 1978 году, — очень интересный случай на редкость одарённого писателя, совершенно лишённого духовности. Не было её, мне кажется, и в человеке. Не думаю, чтобы эта бездуховность была просто позой, как иногда можно было бы подумать. В каком-то смысле Набоков-писатель был больше самого себя» (1). Во многом такое мнение о писателе удерживается до сих пор.

Отец и сын Набоковы. 1906

Как правило, он устремлял на своих персонажей холодный, внимательный и безотрадный взгляд. В крайнем случае, столкнувшись с ними, читатель может их пожалеть и им посочувствовать, но почти никогда не может найти в них нравственную опору, не может ими восхищаться. Конечно, есть и исключения: это Мартын и Соня в романе «Подвиг», Фёдор Константинович Годунов-Чердынцев в романе «Дар». Их характеры, несмотря на сложность и противоречивость, не несут в себе никакого надлома или аномалии.

И всё же в романном творчестве Набокова мы можем найти и абсолютно идеального героя, в котором заключено воплощение всего

лучшего, что может представлять собой человек. Мы имеем в виду Константина Кирилловича Годунова-Чердынцева, отца Фёдора Константиновича, в романе «Дар». И хотя мы видим его глазами сына, создающего роман об идеальном отце, и его действия в повествовании ограничены, это почти единственный безупречный по своим поступкам герой в творчестве писателя. Его образ во всех отношениях противостоит злу, слабости, несостоятельности и обречённости, которые несут в себе образы других героев писателя.

Для более убедительной трактовки образа рассматривать его нужно не только в творческой системе Набокова, но и в системе его жизненных координат, так как у Константина Кирилловича Годунова-Чердынцева есть вполне угадываемый прообраз в жизни, возможно, ещё более яркий, чем литературный герой. Это Дмитрий Владимирович Набоков, отец писателя, с которого списаны практически все черты отца Фёдора Константиновича. В автобиографической повести «Другие берега» Набоков так вспоминает о своих предках: «Среди моих предков много служивых людей... и среди прочих — есть министр юстиции Дмитрий Николаевич Набоков (мой дед) и есть, наконец, известный общественный деятель Владимир Дмитриевич (мой отец)». Именно по отцовской линии семья состояла «в разнообразном родстве... и с русскими писателями XIX века — Аксаковыми, Шишковыми, Пушиными, Данзасами» (2).

О своей привязанности к отцу Набоков говорит почти восторженно: «...бездной зияла моя нежная любовь к отцу — гармония наших отношений, теннис, велосипедные прогулки, бабочки, шахматные задачи, Пушкин, Шекспир, Флобер и тот повседневный обмен скрытыми от других семейными шутками, которые составляют тайный шифр счастливых семей» (3).

Опасно напрямую соединять жизненные и художественные реалии, но здесь автобиографизм образа очевиден. Можно утверждать, что главная нравственная основа всей творческой жизни Набокова была заложена отцом.

В феврале 1917 года Владимир Дмитриевич Набоков состоял на службе сотрудником Временного правительства, и как известному юристу ему было поручено редактировать текст отречения Николая II от престола.

Энциклопедически образованный человек, он прививал детям любовь к чтению, всю жизнь собирал уникальную библиотеку. Благодаря этой библиотеке началось знакомство писателя с мировой классикой. К сыну перешло ещё одно страстное увлечение отца — охота на бабочек с целью создания научных коллекций.

Мы не знаем никого из окружения Набокова — и в детстве, и в юности, и в дальнейшей жизни, о ком бы он отзывался с таким безусловным поклонением. В 1922 году в зале Берлинской филармонии на митинге русской партии кадетов Владимир Дмитриевич при попытке спасти лидера партии Петра Милюкова был смертельно ранен выстрелом в спину. (См. «Другие берега», гл. 9, ч. 4.) Смерть отца явилась жестоком ударом для 23-летнего Набокова и стала непоправимым несчастьем для всей семьи.

Итак, мы можем сказать, что отец, потомок русских аристократов, сформировал главные черты личности будущего писателя, стал для него образцом поведения во многих жизненных ситуациях и явился прототипом его идеального героя.

«Остро переживая убийство отца, Набоков так никогда и не смог переступить болевой порог, чтобы перенести роковой эпизод на бумагу», — пишет Ю. Левинг (4), посвятивший изучению жизни отца Набокова большое исследование. Но тем не менее и этот эпизод, и вся жизнь отца, а главное, его личность повлияли на писателя, сформировали нравственную основу его творчества. И если такой отец-герой существует, нельзя согласиться с утверждениями о том, что этические вопросы не волновали писателя, что «сам идеал был для него неприемлем».

Не только в последнем мужественном поступке проявился цельный, благородный и, можно сказать, героический характер Владимира Дмитриевича Набокова. В 1911 году он, защищая честь своей семьи, вызывает на дуэль главного редактора газеты «Новое время» Михаила Суворина, опубликовавшего против Владимира Дмитриевича клеветническую статью. Это явилось свидетельством не только его личной смелости, но и высоких представлений о чести.

«Для Набокова-младшего существовала чёткая идеологическая корреляция между теми силами, которые обвиняли отца в 1911 году в трусости, и теми, которые направили на него в 1922-м пистолет. Убийцы В.Д. Набокова Шабельский-Борк и Таборицкий вместе с Суворинными олицетворяли один реакционный лагерь, а семейная трагедия рассматривалась писателем на отчётливо политизированном фоне. В сознании сына

В.В. Набоков

обе атаки были связаны, но драма 1922 года в здании Берлинской филармонии затмила старую дуэльную историю и очевидным образом вышла на первый план не просто как история жертвы, но и как история личной смелости» (4), — утверждает Ю. Левинг.

Нужно полностью согласиться с Левингом, что два события связаны между собой, сделав одну поправку: они повлияли на всё творчество Набокова и стали определяющими — как нравственная опора, как точка отсчёта для измерения человеческого героизма и подлости, негибкости и трусости. В политическом же смысле их, конечно, тоже можно рассматривать, но это имеет для Набокова лишь дополнительное значение, так как ко всяким партиям он был всё-таки равнодушен.

Подступы к созданию положительного героя можно найти в романе «Подвиг», вышедшем в свет в 1932 году, через 10 лет после гибели отца Набокова. Герой романа Мартын Эдельвейс тоже по-своему совершает подвиг, подобный тому, который совершил Дмитрий Владимирович Набоков: в финале романа он нелегально переходит границу Советской России в тот момент, когда уже кончилась Гражданская война, то есть осознанно идёт на гибель, чувствуя необходимость быть там, где погибли его сверстники, разделить судьбу своего поколения*. (*В критике существуют самые разнообразные толкования образа Мартына. Почти все они противоречат точке зрения, выдвинутой в этой работе. См. статью автора в книге: Целкова Л.Н. Романы Владимира Набокова и русская литературная традиция. — М.: Русское слово, 2011). Жертва нужна Мартыну Эдельвейсу для исполнения своего долга. Слово «долг» — одно из ключевых понятий в романе, хотя упоминания о долге нечасты. Персонажи говорят о нём как бы вскользь. Впервые Соня говорит Мартыну о том, что «самое главное в жизни — это исполнить свой долг и ни о чём прочем не думать». Долг для Мартына — это возвращение в Советскую Россию. Размышления героев «Подвига» о долге созвучны тому поступку, кото-

рый совершил отец писателя в Берлинской филармонии, и поведению отца главного героя в романе «Дар». «Исполнить свой долг — и ни о чём прочем не думать» — вот нравственный закон русской интеллигенции, а также лучших героев русской литературы.

«Только обыватели, сидя в полумраке своего жилища, — писал Набоков впоследствии в лекции о Пушкине, — любят думать, что путешествия уже не раскрывают никаких тайн; на самом деле горный ветер также будоражит кровь, как и прежде, и погибнуть, идя на благородный риск, всегда было законом человеческой чести» (5).

В романе «Дар» отец Фёдора Константиновича Годунова-Чердынцева и есть, по нашему мнению, тот идеальный персонаж, который воплощает собой нравственное начало творчества Владимира Набокова. Читатель узнаёт о нём из книги главного героя об отце. Путешественник, учёный, исследователь природы, мужественный и бесстрашный, он погибает при невыясненных обстоятельствах во время Гражданской войны. Но сыну-повествователю, не прячущему, не скрывающему за иронией свою любовь и обожествление отца, его гибель представляется героической.

«В моём отце и вокруг него, вокруг этой ясной и прямой силы было что-то, трудно передаваемое словами, дымка, тайна, загадочная недоговорённость. Или, может быть, я напрасно навязываю ему задним числом тайну, которую он теперь носит с собой? Когда, скрывающий боль неведомой раны, смерть скрывающий... он появляется в моих снах... Как бы то ни было, но я убеждён ныне, что наша жизнь была действительно проникнута каким-то волшебством, неизвестным в других семьях... жизнь приобретала такую колдовскую лёгкость, что казалось, сейчас тронусь в путь. Оттуда я и теперь занимаю крылья» (6).

Жизнь рядом с отцом дала творческие «крылья» и главному герою романа «Дар», и писателю Владимиру Набокову. В романе «Дар» отец олицетворяет собой образец нации, идеал русского человека. Именно он на-

ходится в идейной оппозиции к другому ярчайшему представителю русской интеллигенции — Н.Г.Чернышевскому, которого призван разоблачить и уничтожить автор. И если отец Фёдора Константиновича олицетворяет собой образец нации, идеал русского человека, то Н.Г.Чернышевский — её болезнь. И тот и другой персонажи отличаются мужеством и большой силой воли, и у того и у другого одна страсть затмевает все жизненные интересы. Они воплощают собой различного рода романтизм: романтизм естественный, связанный с путешествиями, покорением природы, предполагающий неожиданности и опасности естественного порядка, и романтизм мнимый, придуманный, связанный с конспиративными встречами, подпольем, террором, нелегальной политической деятельностью. Две контрастные равновеликие главы говорят о том, на какие прямо противоположные части делилась русская интеллигенция во второй половине XIX века. Одна из них обогатила Россию, многое сделала для её прогресса. Другая, не менее благородная, с азартом погибая сама, вела Россию к политическим бурям и катаклизмам. Несомненно, два персонажа, два антипода, представляющие два лика России, равны между собой — несгибаемые, фанатично идущие к своей цели. Константин Кириллович Годунов-Чердынцев, находящийся своё органическое место среди природы, воплощает собой естественный, радостный, гармоничный мир. А Николай Гаврилович Чернышевский, действующий в области холодных теоретических построений, далёких от действительной жизни, — мир искусственный, ложный, враждебный человеку.

Разумный смысл, сопровождающий жизненные цели отца, противопоставляется жизненным целям Чернышевского. За объяснением этого смысла автор обращается к калмыцкой сказке, которую рассказывает Пугачёв Гриневу. Сказка призвана объяснить, почему отец Фёдора именно так построил

свою жизнь, почему он снова и снова, несмотря на опасность, отправлялся в очередную экспедицию, пока не погиб.

В романе «Дар» во всех рассуждениях об обстоятельствах гибели отца мы встречаем открытые реминисценции и цитаты из «Капитанской дочки» Пушкина. Отец бежит от преследования красных по пугачёвским местам: «Скрывался ли он в рыбацких хатах... у степенных уральцев-староверов? А если погиб, — как погиб?» «Как, как он погиб? — задаётся вопросом Фёдор Константинович. — Долго ли отстреливался он, припас ли для себя последнюю пулю, взят ли был живым?» (7). Отец, обладающий абсолютным бесстрашием, способен на героический поступок, способен на подвиг. Автор не смущается тем фактом, что отец, мирный путешественник, почему-то имеет пистолет, вступает в бой с красными, отстреливается до последней минуты и даже припасает для себя последнюю пулю. Его образ героизируется, становится в роковой смертельной ситуации безупречным. Строки одной из последних глав романа, посвящённые отцу, воображаемой встрече с ним, полные любви, печали и восхищения, можно считать самыми проникновенными в творчестве Набокова. Происходит взрыв чувств, почти рыданий у измученного предчувствиями героя. Прорвавшая все душевные запреты любовь превращает сон в желанную реальность. Встреча с отцом для героя — это встреча со счастливым прошлым: с детством, с родиной, с любимым Пушкиным. «Застонав, всхлипнув, Фёдор шагнул навстречу отцу, и в сборном ощущении шерстяной куртки, больших ладоней, нежных уколов подстриженных усовросло блаженно-счастливое, живое, не переставшее расти, огромное, как рай, тепло, в котором его ледяное сердце растаяло и растворилось» (8).

Именно семья заложила основу мировоззрения Набокова, дала на всю жизнь представление о назначении человека на земле, сформировала незываемые нравственные

устои. И, конечно, главное место в этом формировании личности принадлежит отцу. Роман «Дар» можно рассматривать как напряжённый диалог с отцом, с человеком, олицетворяющим нравственное совершенство. Мог ли сам Набоков поступить так же, как его отец? Мог ли он отдать свою жизнь, защитив друга? Этот вопрос нельзя считать корректным. Но сравнение себя с человеком, который, не рассуждая, в какие-то доли секунды принял благородное и роковое решение, было, возможно, на протяжении всей творческой жизни Набокова необходимым. В пограничных ситуациях между жизнью и смертью и проявляется личность человека. «И погибнуть, идя на благородный риск, всегда было делом человеческой чести». (5)

Таким образом, можно сделать вывод о том, что наличие подобного героя в произведениях Набокова не соответствует распространённому утверждению о том, что его творчество лишено нравственного идеала и что даже «самый идеал был для него неприемлем».

ЛИТЕРАТУРА

1. Письмо Глеба Струве Павлу Гольдштейну, 26 января 1978 // МЕЛЬНИКОВ Н. Портрет без сходства. Владимир Набоков в письмах и дневниках современников. (1910–1980-е годы). — М., 2013. — С. 152.
2. НАБОКОВ В.В. Собр. соч.: В 5 т. СПб.: Симпозиум, 2000. — Т. 5. — С. 171.
3. Там же. — С. 270.
4. ЛЕВИНГ Ю. Антипатия с предысторией: Набоковы и Суворины в жизни и в прозе. — М.: НЛО, 2009. — № 96.
5. НАБОКОВ Владимир. Лекции по русской литературе. — М.: Независимая газета, 1998. — С. 423.
6. НАБОКОВ В.В. Собр. соч. русского периода: В 5 т. — СПб.: Симпозиум, 2000. — Т. 4. — С. 298–299.
7. Там же. — С. 319.
8. Там же. — С. 530.

СТУПИНА Надежда Алексеевна —

старший преподаватель кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, член Союза писателей России
literash@mail.ru

«ЖИЗНЬ МОЯ — ДОРОГА ДАЛЬНЯЯ...» О СУДЬБЕ И ТВОРЧЕСТВЕ ВИКТОРА БОКОВА

Аннотация. В 2014 году в России отмечался 100-летний юбилей В.Ф.Боква. В статье отражены основные вехи творческого пути поэта, фольклорные истоки его поэзии. Особое внимание уделено произведениям малоизвестного лирического цикла «Сибирское сиденье» и проблеме восприятия бокковского литературного наследия современным молодым читателем.

Ключевые слова: народный поэт, поэт-песенник, историческая судьба Родины, вдохновение, нравственная высота, подвиг, оптимизм, покаяние, правда, преодоление, память, национальное искусство, молодая Россия, духовное завещание.

Abstract. The 100 year anniversary of V.F.Bokov was celebrated in 2014. The article describes the poet's main milestones and folkloric roots of his poetry. Particular attention is paid to little-known lyrical cycle "Siberian seat" and the problem of the perception of the poet's literary heritage by modern young readers.

Keywords: folk poet, lyricist, historical destiny of Motherland, inspiration, moral height, feat, optimism, repentance, truth, memory, national art, young Russia, spiritual testament.

Поэты не тренеры.
Поэты — мечтатели.
Поэты измерены
Любовью читателей.
В.Боква

Эти простые слова доносят простую истину. Но как не просто поэту стяжать истинную читательскую любовь! Чтобы тебя пели, читали, уединённо, для себя, и соборно, для общей радости, запоминали заветные строки, которые помогают жить.

Встало сегодня над буднями
Что-то такое буйное,
Вьющееся, как хмель.
Звонкое, ненапруженное,
Чистое, незапруженное,
Нежное, как свирель.

Что это?
Вдохновение.
Необязательно рифмами,
Необязательно звуками,
Точками и пером,
Просто прекрасным волнением,
Просто прикосновением,
Просто рукопожатием,
Встречей
С родным земляком...
(«Вдохновение», 1956) [1, 40]

В памяти многих людей Боков остался человеком энергичным и светлым, с характером неунывающего балагура, непоколебимого оптимиста. Хотя за свои 95 лет Боков пережил «и суму и тюрьму», предательство друзей и забвение. Но победным аккордом судьбы стала заслуженная слава и народное признание. Несмотря на трудности жизненных дорог, а может, вопреки и благодаря им, поэт стал Поэтом. Он жил Любовью. Ключам, к Родине, к жизни.

Все книги от солнца,
Все люди от Бога,
Все травы от светлой
Июльской росы.
Мне нравится эта прямая дорога,
И утро, и ранние эти часы!
Обрадован мой можжевеловый посох.
«Возьмите!» — он в путь попросился.
Пойдём!
Мы вместе решили так много вопросов,
Проснулись все птицы, мы им подпоём.
С восторгом выходим на свой водоём.
Возвышенно наши сердца колотились,
И радость трубила в рожок:
«Мы идём!»
А солнце всё выше, и стелются травы,
И стадо по росной дороге пылит.
И смело лягушка на нас из канавы
Большими глазами царевны глядит!

Скажете, прочитав стихотворение, что его автору 85? С «можжевеловым посохом» он ещё продолжает решать «так много вопросов»: успевают птицам подпеть в утренний час, восхититься «Царевной-лягушкой», приветить стадо и на всё это отозваться «возвышенным» биением радостного сердца.

Искренняя народная любовь к боковской поэзии не угасает. Холодным дождливым октябрём 2009 года под тихую песню «Оренбургский пуховый платок» родные и друзья проводили Виктора Фёдоровича в последний путь. Через год в Перedelкинe на его могиле, что напротив могилы Бориса Пастернака, поставили памятник. На сером граните рядом с портретом высечены слова:

Я жил,
Я творил,
Я ушёл —
помяните.

Осень 2014 года в российской культурной жизни была отмечена празднованием 100-летия со дня рождения Виктора Бокова — истинно народного поэта. При самобытности

В.Боков рядом с М.Пришвиным (слева). 1930-е годы

литературной формы содержательное и образное наполнение его поэтических творений глубоко национально по духу. Женой называет он словесную музу, её дар — вдохновение — хлебом ржаным, самой жизнью, добротной, богатой, сравнимой с «отрезом холста».

Поэзия! Приди женой
Ко мне в мою халупу.
Порежь мне хлеб ржаной,
Поддай тарелку супу.

Входи, входи спроста,
Что мешкаешь так долго?
Неси отрез холста
Заместо некролога!..

(«Поэзия! Приди женой...»,
1955) [1, 35]

Долгая, кривая судьба этого «простого и грешного» (по Твардовскому) русского человека пролегла через историческую судьбу нашей Родины — «от Москвы до самых до окраин». На одной из «окраин», в подмосковной деревне Язвицы, 19 сентября 1914 года родился Поэт. Края благодатные, освящённые Сергиево-Посадской Троицкой лаврой.

Россию увидел я до горизонта,
Я в небо упёрся, как в синий фасад.
Послушай, какой удивительный звон-то!
Да это же Сергиевский посад!

Да это же Троица наша святая,
Все знают о ней, ты кого ни спроси.
Я крылья себе приобрёл и летаю,
Над славной обителью Древней Руси.
(«Троица», 1997) [2, 29]

Когда случился первый поэтический «полёт»? На рыбалке. Об этом есть рассказ-воспоминание «Когда я был мальчишкой». Больше всего был улов «красавцев-карасей», и хлынула на деревенского паренёка «вся кра-

сота древнерусского пейзажа», и переполнилось детское сердце восторгом бытия!

Вечер золото веснушек
Рассыпает в небеса.
На пруде под крик лягушек
Опрокинулись леса.
(«Когда я был мальчишкой») [3, 414]

Так благодатный миг облёкся в стихи. Вот оно, сердечное волнение, «буйное, как хмель», «нежное, как свирель», и никак его не унять, можно только пережить и переплавить в Слово.

Много воды утекло с того незабываемого, зародившегося в душе вдохновения... Самобытный поэтический дар привёл крестьянского сына в страну литературы. Он стал счастливым студентом Литературного института им. М.Горького. Начавшаяся в 1941-м Отечественная война готова была сделать Виктора бойцом-защитником, но путь этот славный не свершился — суждены ему были другие, несчастные, дороги. Солдатскую шинель пришлось сменить на одежду узника. Не удалось миновать ни сумы ни тюрьмы: по ложному доносу он стал одним из тех, кого называли страшным словом зек. Стихи о ссыльной жизни — лирический цикл «Сибирское сидение» — без волнения читать невозможно. Но именно Сибирь, как рассказывал Виктор Фёдорович близким и друзьям, сделала его поэтом.

Моё сибирское сиденье
Не совершило убийства
Моей души, моих стихов...

Я в уголовном жил бараке,
Какие там случались драки.
Как попадало мне порой!

Но всё ж ворьё меня любило.
Оно почти меня не било.
И кличку я имел — Герой.

Рассказывал я горячо им,
В барак за мною шёл Печорин,
Онегин и Жюльен Сорель.

Как мне преступники внимали,
Как спящих грубо поднимали:
«Кончай храпеть! Иди скорей!»

Ах, молодость! Сибирь с бушлатом,
Меня ты часто крыла матом,
Но и жалела, Бог с тобой!..
(«Моё сибирское сиденье...») [4, 138]

«...Какая сила! Какая правда! — восторгался сибирскими стихами Бокова Пастернак. Какое нравственное здоровье и преодоление горя, вы над ним, а: не под ним. Это дано только титанам» (Курсив мой. — Н.С.) [4, 403]

Действительно, в молодом поэте билась фантастическая творческая энергия, сила светлая, сила надежды. Она и спасала в тяжёлых условиях заключения:

Я — весь Россия!
Весь, как сноп, дымлюсь,
Зияю телом грубым
И задубленным.
Но я ещё когда-нибудь
явлюсь,
Чтобы сказать
От имени загубленных.
(«Письмо Сталину») [4, 124]

Так и случилось. А тогда ничего нельзя было изменить. Сохранить в себе человека было главной задачей и настоящим подвигом.

«Вся Сибирь насквозь в слезах», — крик души. В нём недоумение, боль: как могло случиться такое в родной стране — отобрали у нестойких веру в справедливость, честность, милосердие, заставили народ «безмолвствовать». В нём праведный гнев, за которым стоит личное мужество поэта, «клокотанье непокорённости» и, вопреки всему, любовь к людям — та, что «долготерпит, милосердствует... не раздражается, не мыслит зла... всему верит, всё покрывает, всё переносит» [Ап. Павел I Послание к коринф., гл. 13, ст. 4—8].

И зазвучала песня

Куда пойду?
Кому пожалуюсь?
Кого слезою укорю?
С какой ещё
Другой державою
Как сын её заговорю?

Все горести её,
Все болести,
И все распятья,
И кресты —
И на моей
Гражданской совести —
От них не спрячешься в кусты.
(«Модному поэту») [4, 177]

Это голос сокрушённого сердца. В чём вина сына Державы? В том, что пришлось жить, как он пишет, во «время культовое», когда

Учитель
Нам закрывал
Рукою рты.
(«Модному поэту») [4, 177]

Однако духовная высота и нравственная позиция людей того сложного, противоречивого времени проявлялась в том, что они не предавали свои идеалы, вопреки и «всем смертям назло» верили в светлое будущее страны, народа и готовы были за него отдать и жизненные силы, и свои бесценные жизни. Вячеслав Головкин, исследователь творчества поэта, справедливо замечает, что боковский «лирический герой склонен помнить хорошее и забывать плохое». Он не может отказаться от того, что было: в беде Родина, может быть, ещё более дорога ему. От прошлого, от судьбы лирический герой Бокова не отказывается во имя правды, во имя жизни:

Нет!
И ноги вросли в чернозём,
И за тучу зашла каменелость улыбок.
Мы, кто родину любит, никуда не уйдём —
От себя, от судьбы, от любых
Самых страшных ошибок!
(«Зоотехник») [4, 445]

...В какие переделки
Судьба нас нынче шлёт.
Наверно, перетерпим —
Ведь мы — как наш народ!
(«Письмо другу по несчастью») [4, 113]

Многие не знают такого Бокова. «Россия слишком мало известна русским», — воскликнул Пушкин. Но и сегодня мы недостаточно знаем ту Россию, которой вправду гордиться. Тех выдающихся наших соотечественников, на которых стояла и, верю, будет стоять наша Родина.

Прошёл Виктор Боков огонь, и воды, и медные трубы. Лучше, чем он сам сказал о своей доле в стихотворении «Биография», не скажешь:

Жизнь угощала меня шоколадом
и шомполами,

Мёдом и горечью,
Порядочными людьми и сволочью,
Истиной и заблуждением
И проволочным ограждением!
(«Биография») [4, 97]

В сознании людей советской эпохи Виктор Боков — поэт-песенник. Лирик. Спросишь: «Знаете такого поэта?» — «Нет». А напоёшь:

Я назову тебя зоренькой,
Только ты раньше вставай.
Я назову тебя солнышком,
Только везде успевай...
(«Я назову тебя зоренькой»,
1963) [1, 210] —

напоёшь, и откликнется памятью русская душа. Как не знать, с детства слышали, во всему Союзу пели: в праздничных застольях, в клубах и дворцах культуры, по радио и телевидению, на грампластинках. И про лён, и про долю женскую, про «снег седины» и Мамаев курган. Кто же не знает про платок оренбургский, всегда песня эта у сердца лежит, будто для каждой родимой матушки написана. И польётся протяжная, знакомая мелодия, заблестит слеза, и светло взгрустнётся сыновьям и дочерям от незабвенного чувства любви к своим матерям.

В этот вьюжный неласковый вечер,
Когда снежная мгла вдоль дорог,
Ты накинь, дорогая, на плечи
Оренбургский пуховый платок.

Чтобы ты в эту ночь не скорбела,
Прогоню от окошка пургу.
Сколько б я тебя, мать, ни жалела,
Всё равно пред тобой я в долгу.
(«Оренбургский пуховый платок»,
1957) [5, 150]

90 песен из 150 (!), написанных на слова Бокова, удалось собрать к 100-летию юбилею народного поэта в подарочном музыкальном альбоме из пяти дисков «Жизнь моя — дорога дальняя...». Невероятное ощущение испытываешь, слушая знакомые до боли песни!

Боков-песенник известен, безусловно, гораздо больше, чем Боков-прозаик, автор эпических и лирических миниатюр. У поэта есть стихи для детей, статьи о поэтике, о любимых поэтах Пушкине и Есенине, воспоминания о Марине Цветаевой и Андрее Платонове. Он оставил богатое эпистолярное наследие, звуковое эпохе, в которой жил и творил. Отдельного внимания заслуживает его пристальное, кропотливое и тонкое исследование народного творчества, русского языка, устной речи.

Чем близок Боков русскому человеку? Своей стихийностью и буйством, строгостью и скромностью, вниманием к человеку и всему живому, неиссякаемой фантазией, бесконечным удивлением сотворённым миром. Одним словом, «берёт» читателя разнообразием и непредсказуемостью. Вспомним шекспировское: «Нас радует лишь то, что непри-

вычно». Боков всегда непривычен, всегда нов. Даже когда перечитываешь знакомое, полюбившееся, как, например, зарисовка с натуры «Вопрос и ответ».

«С крутого истерминского склона я спрашиваю Егора Соловьёва, заядлого отрепьевского рыболова:

— Что делаешь?

Он разгибается над берегом:

— Очищаю реку от щук!

Ну сказал бы, что ловит рыбу, нет, обязательно словечко ввернуть, задеть за живое, чтобы запомнил ты не только загорелое, обветренное лицо, хитроватые глаза, выцветшую гимнастёрку времён Отечественной войны, но и заковыристое, хитрое, как он сам, выражение. Язык — один из самых ярких проявлений народного бытия, он, как окна в доме, освещает всю внутреннюю жизнь народа».

Удивляется автор — наблюдатель-расказчик. Но ведь и ему с малых лет полюбилилось это дело — искать самое что ни на есть своё, по-своему сказанное словцо.

Поёт ли, читает сейчас Россия Бокова? Поёт и читает. В этом несложно убедиться, побывав на ежегодных музыкальных фестивалях «Боковская осень» в Язвицах, на литературных праздниках в Доме-музее поэта (музею 11 лет), на творческих конкурсах «Боковские чтения». Лучших артистов — певцов и чтецов — можно услышать в Концертном зале им. П.И.Чайковского, в Центральном доме работников искусств и Доме литераторов, на концертных сценах многих российских городов. Как не вспомнить строки Александра Боброва — горячего поклонника, верного последователя своего учителя и старшего друга:

*И всё устроится, дай Бог,
Среди теченья неглубокого,
Пока живёт реки исток,
Пока поёт Россия — Бокова!*

[6, 45]

Найдётся читатель, который скажет: это ностальгия. Канул в Лету СССР, а вместе с ним его поэты с его песнями. Новая Россия поёт «иные песни». Нынешняя жизнь требует расчётливости, современные молодые люди «нацелены на результат», их в большей степени интересует деловая карьера, позволяющая достичь благополучия, положения в обществе. На это тратятся жизненные силы. Вряд ли души их открыты для поэзии. Отчасти это правда. Но только отчасти.

На одном из занятий по культуре речи на экономическом факультете Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (а это будущая экономическая элита государства) мы повели разговор о творчестве Виктора Бокова, и знакомство началось со стихотворения «Чудо» (увы, имя его автора вчерашним школьникам ни о чём не говорило).

*Жизнь — ужасная штука,
Если о ней помыслить.
То захотят повесить,
То захотят повесить.*

Деревня Язвица Московской области.
Родина встречает народного поэта
В.Бокова.

*То тебя в генералы,
То тебя в рядовые,
То тебе гонорары,
То тебе чаевые.
То тебя в Гамбург и Дрезден,
То тебя, наоборот,
Сунут в какую-то бездну
К жабам полесских болот.
И всё-таки: жизнь — это чудо,
А чуда не запретишь!
Да здравствует амплитуда —
То падаешь, то летишь!*

(«Чудо», 1962) [5, 152]

Какое сильное чувство «счастливого терпения» передают эти строки! Это благодарный гимн данной свыше жизни. Ребята поняли стихотворение по-своему, но никого оно не оставило равнодушным. Читали другие произведения, написанные поэтом в разные годы, его лирическую прозу с добродушным юмором и порой глубоко скрытым философским смыслом. С удивлением юноши и девушки узнавали много интересного, необычного о долгой, почти вековой, со взлётами и падениями, жизни нового для них автора.

И вот передо мной, преподавателем, отклики восемнадцатилетних читателей. Это не просто выраженный эмоциональный порыв, когда «от избытка чувства глаголют уста», но документ современности. Насколько ценно то, что оставили в наследство грядущим поколениям люди такого масштаба, как Боков?

Отзывы-высказывания студентов, пожалуй, можно собрать под общим заголовком «С любовью к народному поэту Виктору Бокову».

Услышим же голоса молодой России.

«Стихотворение “Чудо” придало мне сил. Сил бороться и, если ошиблась, начинать заново... Этому писателю можно доверять: он прожил 95 лет, видел много плохого, многое испытал. А произведения его, как ни странно, несут желание жить и радоваться даже мало-

му, жизни. Это именно то, чего не хватает многим поэтам и писателям современности» (Элина А.).

«Меня очень тронуло стихотворение “Чудо”. Я не люблю поэзию, но это, по моему мнению, замечательное произведение. Жизнь здесь предстаёт как “амплитуда”. Очень просто и правильно!.. Оптимизм — это дар, опущенный Виктору Бокову за его терпение, стойкость. В мире и сейчас очень много проблем, катастроф, трудностей. И даже молодые складывают крылья, не умеют увидеть в жизни ничего хорошего. А Виктор Фёдорович Боков учит прощать и жизнь любить» (Настя З.).

«Я открыла для себя удивительную и многостороннюю личность — писателя XX века Виктора Фёдоровича Бокова. В стихах, миниатюрах он много рассказал о своей судьбе. Жизнь не раз была этого человека. Но Виктор Фёдорович — один из тех неунывающих людей, от которых можно заряжаться жизненной энергией. Познакомившись со стихотворениями Бокова, я постараюсь переоценить свою жизнь, взглянуть на неё по-другому, с некоторой иронией, постараюсь не унывать и во всём видеть прекрасное» (София А.).

«Нет ничего хуже безразличия к человеку, делу или слову. Но это не тот случай. Творчество В.Бокова тронуло моё ледяное сердце: “Да здравствует амплитуда! То падаешь, то летишь!”» (Анастасия Ш.).

«Большая любовь к жизни чувствуется в стихах Виктора Фёдоровича Бокова. Контраст эмоций, духовные переживания, особое отношение к людям, событиям — всё это свойственно поэту и человеку — В.Ф.Бокову» (Арсен Г.).

«Жизнь преподнесла Бокову много невзгод. Казалось бы, его произведения должны быть мрачными, но я была удивлена тем, что все его стихотворения написаны с теплотой в сердце.

Виктор Фёдорович с супругой
Алевтиной Ивановной

Язык поэзии и прозы Виктора Фёдоровича Бокова прост, лёгок и красив, а читая его произведения, начинаешь ценить жизнь. Мне понравился этот писатель. На мой взгляд, Виктор Фёдорович Боков – это человек с широкой душой и добрым сердцем» (Валерия Б.).

«О Викторе Бокове я услышал лишь сегодня. Ему выпала очень трудная жизнь: он пережил ссылку в лагерь. Кажется, может мечтать лишь об одном — о спокойной жизни. Именно стремление к жизни, но яркой, насыщенной, нужной людям, является ключевым в стихах Бокова. В его миниатюрах, в прозе описываются простые, бытовые ситуации, но они запоминаются и заставляют думать. После долгих лет лишений поэт научился по-настоящему ценить их и пытается передать это чувство читателю» (Сергей Ж.).

«Меня очень восхитил его взгляд на жизнь: стихи пронизаны оптимизмом и радостью, даже несмотря на то что Виктор Боков прожил нелёгкую судьбу. Он, хоть и осознаёт всю ту суровую действительность, но в его стихах есть надежда. Самое главное, что он не жалуется и не осуждает свою жизнь!» (Мария С.).

«Я восхищаюсь его мужеством. А ещё больше — желанием жить и творить. Кто-то из моих однокурсников упрекнул Бокова в излишнем оптимизме. Я же считаю это подвигом. Не каждый способен сохранить его и пронести через всю жизнь» (Настя Ф.).

«На листочке с оборванным краем
Свою жизнь в двух словах объяснил.

Хорошо, если знаешь заранее,
Чем живёшь и зачем приходил»
(Алексей А.).

Выделяю из других это краткое поэтическое высказывание Алексея А. о творчестве Бокова. Глубокая мысль, заключённая в них, в некотором смысле обобщает прочувствованное, передуманное и высказанное другими авторами и становится органичным финалом разговора о Викторе Бокове.

Поэт предстал перед молодёжью в полный рост своего таланта. Они «угадали» главное — ради чего он жил и творил. Ведь если значимость человека на земле в том, чтобы умножить таланты, дарованные небом, то это о Бокове. Если во имя этого нужно пройти уготованные судьбой испытания и муки, закалив дух и волю, то и это о нём. Перенести напраслину и удержать достоинство, не копить злую память, сохранить сыновью любовь к Родине и христианскую к людям! К такой духовной высоте приходят немногие. В какой-то момент понимаешь, что во все времена против сил добра и чести восстают другие силы — коварства и предательства. Нужно «претерпеть до конца». Виктор Фёдорович остаётся в памяти примером стойкости, веры в созидательное начало в человеке.

«Мне 83 года. Я продолжаю активно творить. Это моё счастье!.. Творчество, творчество, творчество — вот что главное для меня... на моих руках литературные мозоли, и они мне сладко саднят ладони!

Мир вам, миряне, свет вам в души, божественного провидения вашим умам, допрежь всего честь и достоинство. Аминь!
Виктор Боков». [4, 436]

Слова поэта, сказанные на девятом десятке жизни, звучат в наши дни духовным заветом, отеческим напутствием.

Художник ценен тем, что умеет говорить со всеми и с каждым. Незримо поэт с нами, в горьком дне и в счастливом. Словно на тебя смотрят с портрета его весёлые или серьёзные глаза, заглядывают в самую душу, ты берёшься за перо. И приходит оно... «просто прекрасное волнение», «просто прикосновение» сердца — значит, встреча с Поэзией состоялась.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Виктор БОКОВ. Ветер в ладонях. — М.: Комсомольская правда, 2013.
2. БОКОВ В. Жизнь — радость моя. Избранное. — М., 1998.
3. Виктор БОКОВ. Соч.: В 3 т. — М., 1984.
4. БОКОВ В.Ф. Я Русь родную не оставлю... / Сост. А.Бокова, В.Калмыкова. — М., 2011.
5. Россия в сердце не случайно. Вспоминая Виктора Бокова / Сост. А.Бокова. — М., 2010.
6. БОБРОВ А.А. Три травы Леля // Русский дом. — 2014. — № 9.

ПОИСК. ОТЫЩ. МАСШТАРСТВО

ОБЕРНИХИНА Галина Александровна —

зав. кафедрой преподавания русского языка и литературы ФГАОУ ДПО АПКиППРО, кандидат педагогических наук, профессор
obernihina@apkprou

ВСЕРОССИЙСКИЙ КОНКУРС СОЧИНЕНИЙ В РАМКАХ ГОДА ЛИТЕРАТУРЫ: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Аннотация. Статья посвящена Всероссийскому конкурсу сочинений в рамках Года литературы. Представлены его результаты, дана характеристика жанров сочинений, их тематика, аннотация сочинений.

Ключевые слова: конкурс, цели конкурса, победители, жанр, сказка, письмо, рассказ, заочная экскурсия, эссе, тематические направления.

Abstract. The article is devoted to the All-Russian essay contest in the framework of the Year of Literature. Results of the contest are presented, characteristics of essays genres and themes are given.

Keywords: contest, contest's goals, winners, genre, fairy tale, writing, story, essay thematic directions.

Сочинение всегда рассматривалось в отечественной методике преподавания литературы как важнейший показатель речевого и личностного развития учащихся. Ещё в XIX веке В.П.Острогорский подчёркивал, что «письмо совершенно правильное, гладкое и лёгкое со стороны слога, на котором видно было бы влияние литературных образцов; умение и привычка справляться с сочинением на заданную, конечно, на знакомом материале, тему, та-

кое сочинение, приблизительно в объёме не более листа, написанное юношей в два-три часа, вполне покажет его развитие и владение языком»¹.

Десятилетие, когда сочинение не являлось итоговой (экзаменационной) работой, пагубно сказалось на развитии методики преподавания литературы и школьной практике. Одна из основных задач преподавания литературы — подготовка «**талантливого читателя**», то есть читателя, способного

полноценно воспринимать и интерпретировать художественное произведение, создавать собственные тексты (сочинения), несколько «растворилась» в поисках новых технологий, подготовкой к ОГЭ, ЕГЭ. Результат оказался грустным. Дети стали меньше читать даже программные произведения. Понижился уровень их общей, читательской и речевой культуры. Несколько меняется ситуация в настоящее время. Радует, что внимание к сочинению как виду

¹ Острогорский В.П. Беседы о преподавании словесности // История литературного образования в российской школе: Хрестоматия для студ. филол. фак. пед. вузов / Авт.-сост. В.Ф.Чертов. — М.: Академия, 1999. — С. 204.

учебной деятельности вновь привлекло внимание не только педагогов, но и общества в целом. Уже два года проводятся итоговые сочинения. Не будем останавливаться на плюсах и минусах этих сочинений. Думается, что в любом случае это серьёзный шаг вперёд. Меняется ситуация и в регионах — проводятся региональные творческие конкурсы.

2015 год — Год литературы в России — стал значимым событием в нашей культуре не только для специалистов-филологов, учителей, школьников, но и для многих граждан нашей страны. Мне довелось лететь в Краснодар, а затем из Краснодара. Как же я изумилась, когда бортпроводницы в информации о самолёте сказали, что 2015 год в России — Год литературы, что работники Аэрофлота гордятся нашей литературой, нашими писателями и поэтами. 20 самолётов Аэрофлота носят имена русских писателей и поэтов: А.С.Грибоедова, Н.В.Гоголя, Ф.М.Достоевского, А.А.Блока, И.А.Бунина, В.В.Маяковского, С.А.Есенина, А.И.Солженицына и др.

В рамках Года литературы в России был реализован проект «Чехов жив»: более 500 человек из разных уголков планеты читали Чехова на мировой онлайн-сцене YouTube; телеканалом «Культура» и радиостанцией «Маяк» реализовался проект «Весь мир открывает «Войну и мир»». Прочитать роман выразили желание тысячи людей из разных стран, разного возраста, профессий, национальностей. В регионах проводились конкурсы, литературные экскурсии. Например, созданы «Литературная карта Кузбасса», «Литературная карта Владимирского края», проект «Владимир — виртуальные экскурсии».

Ярким и значимым событием 2015 года стал Всероссийский конкурс сочинений, учредителем которого было Министерство образования и науки РФ, оператором конкурса — Академия повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования. Думается, что это яркое явление не только для участников конкурса, но и для большей части населения нашей страны.

Основные цели Всероссийского конкурса сочинений:

— возрождение традиций написания сочинения как самостоятельной творческой работы;

— обобщение, систематизация и распространение накопленного отечественной методикой преподавания русского языка и литературы эффективного опыта по обучению написанию сочинений и развитию связной письменной речи школьников.

Особенностью Всероссийского конкурса сочинений можно считать его массовость. В конкурсе получили возможность принять участие дети, не только обучающиеся в общеобразовательных учебных заведениях, но и обучающиеся в учреждениях среднего профессионального образования, дети с ограниченными возможностями здоровья (это было записано в Положении о конкурсе). Участие в конкурсе было добровольным, требовалось только желание ребёнка. Именно такой подход давал возможность проявить себя каждому школьнику, даже если его оценка по литературе и русскому языку ниже пятёрки и он никогда раньше не участвовал в олимпиадах и творческих конкурсах.

Конкурс проводился среди 4 возрастных групп²:

1-я возрастная группа — учащиеся 4—5 классов;

2-я возрастная группа — учащиеся 6—7 классов;

3-я возрастная группа — учащиеся 8—9 классов;

4-я возрастная группа — учащиеся 10—11 классов и обучающиеся организаций среднего профессионального образования.

Победители определялись в каждой возрастной группе, но жанры конкурсных работ и тематические направления предлагались одни для всех возрастных групп.

Среди **жанров конкурсных работ** участникам можно было выбрать **рассказ, сказку, письмо, заочную экскурсию, очерк, слово, эссе**.

Тематические направления

Первое тематическое направление было посвящено российским поэтам и писателям, чьи юбилейные даты отмечались в 2015 году.

Второе направление было посвящено юбилеям литературных произведений 2015 года.

Сочинения в рамках первого и второго тематических направлений предполагали обращение к жизни и творчеству поэтов и писателей, анализ их произведений, осмысление собственных, современных проблем через русскую классику.

Творчество каких писателей особенно привлекло внимание конкурсантов? Творчество А.П.Чехова интересовало учащихся всех возрастных групп. Сочинения о Чехове и его героях отличались проникновением в их внутренний мир. Конкурсанты называли Антона Павловича своим учителем, учителем жизни, удачно переносили проблемы произведений Чехова на собственные, утверждали: «...темы его произведений актуальны всегда» («Хамелеон из 7 “А”, или Чехов жив»; «Уроки Чехова» и др.). Сочинения были разнообразны по жанрам (рассказ, письмо, эссе, заочная экскурсия и др.): «Вишнёвый сад». Элегия о времени»; «Размечтался (женские образы в произведениях А.П.Чехова)»; «Кто вы, писатель Чехов?», Стараясь о счастье других, мы находим своё собственное (Платон) (о рассказе Чехова «Крыжовник»)» и др.

Многочисленно школьники 4—7 классов обращались к творчеству П.П.Ершова: «Юбилей любимой сказки»; (о сказке П.П.Ершова); «В конюшне у бабушки Ершова»; «Сказочный город Ершова» и др.; к творчеству И.А.Крылова: «Письмо лисице из басен И.А.Крылова»; «Первая встреча с И.А.Крыловым»; «Случай в тридевятом государстве».

Учащиеся старших классов с любовью писали об *алых парусах*: «Спешу навстречу алым парусам»; «В уме своём я создал мир иной...» (путешествие в фантастический мир А.Грина); «Человек, не изменивший мечте (о Грине и его творчестве)».

Победители Всероссийского конкурса сочинений в Москве

² Все примеры детских работ (аннотации) приводятся с указанием на возрастную группу, а не на класс.

Обращаясь к программным произведениям, конкурсанты предпринимали попытки осовременить их. «Письмо главному герою романа Ф.М.Достоевского “Бедные люди” Макару Девушкину»; «Памятник воину-мечтателю (прославление гражданского подвига А.С.Грибоедова)»; «Судьба повести Н.С.Лескова “Леди Макбет Мценского уезда” в искусстве»; «Загадки Бунина: чувство и мастерство (раздумья и ассоциации, навеянные стихотворением “Плакала ночью вдова”); «Скупость и рыцарство (по трагедии “Скупой рыцарь” из цикла “Маленькие трагедии” А.С.Пушкина)»; «“Читать тебе себя в лимонном будуре” (Игорь Северянин и его поэзия)»; «Господину Печорину, герою нашего времени, о жизни, одиночестве, любви». Были обращения к творчеству А.С.Пушкина, М.Ю.Лермонтова, Ф.М.Достоевского, А.И.Куприна, Б.Л.Пастернака и др. (чаще всего это программные произведения). Писали конкурсанты сочинения и о поэтах, писателях, произведения которых прочитали самостоятельно. Например, сочинение Шарифуллина Тимура «“Команда, без которой мне не жить” (А.Гайдар. “Тимур и его команда”». Горько, что организаторы конкурса в регионах практически обошли вниманием писателей-юбиляров: Д.И.Фонвизина, А.С.Грибоедова, Е.А.Боратынского, Д.С.Мережковского, А.Белого, А.А.Блока, С.Чёрного, В.Хлебникова, М.А.Шолохова, Ю.М.Нагибина, Д.С.Самойлова, Ю.В.Трифорова, Е.И.Носова.

Не упомянуты и писатели XX века (или обращались к ним один-два раза), которые создавали произведения о Великой Отечественной войне (К.Симонов, А.Т.Твардовский, Ю.П.Герман, О.Ф.Берггольц и др.).

В должной мере не нашли отражения в сочинениях конкурсантов произведения-юбиляры 2015 года, хотя многие из них входят в школьные программы: «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Н.Радищева; «Руслан и Людмила», «Борис Годунов», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина» А.С.Пушкина; «Миргород» Н.В.Гоголя; «Маскарад», «Герой нашего времени» М.Ю.Лермонтова; «Бедные люди» Ф.М.Достоевского; «Лес» А.Н.Островского; «Севастопольские рассказы» Л.Н.Толстого и др.

Третье тематическое направление — 70-летие Победы в Великой Отечественной войне — было очень популярным у конкурсантов. Дети активно обращались к жанрам письма, эссе, рассказа, заочной экскурсии; осмыслили воспоминания членов семьи, иногда строили свои сочинения на произведениях художественной литературы. Однако обращение к художественной литературе часто сводилось только к упоминанию произведения, ссылке на его героя. В сочинениях звучала мысль о единении поколений, давались нравственные оценки поступков своих дедушек, бабушек, прадедушек, прабабушек и участников Великой Отечественной войны. О войне дети писали ярко, образно, прочувствованно³.

Естественно, что сочинения школьников разных возрастных групп различаются по глубине осмысления материала, по полноте выводов. Дети 4—7 классов реже подтверждали свои суждения обращением к художественной литературе, в некоторых случаях это обращение сводилось к простому пересказу художественного текста, были наивными, но отличались непосредственностью, искренностью, душевностью.

Четвёртое тематическое направление — история российского предпринимательства — пользовалось меньшим успехом. Было несколько ярких работ. Интересна их жанровая специфика: бытовая сказка (Селянин Евгений), письмо (Ветошкина Мария), рассказ (Шахова Анастасия) и др. Что объединяет эти сочинения, кроме тематики? В первую очередь нравственная оценка благотворительности, знание исторического материала о России и своём родном крае. Дети гордятся своей Родиной, её лучшими представителями.

В конкурсе приняли участие школьники всех регионов России. На первом этапе (школьном) было 400 000 конкурсантов. В финал вышло 340 человек, победителями стали 100 человек. Лучшими признаны сочинения **Селянина Евгения (Алтайский край), Рыжковой Елизаветы (Вологодская область), Жукова Матвея (Кировская область), Головки Никиты (Краснодарский край), Стрижка Варвары (Санкт-Петербург)**. Были утверждены и специальные номинации: «Начинающий писатель», «Литературное мастерство», «Слова мира и добра», «Благодарный читатель», «Литературное краеведение». Проанализировать все работы участников конкурса в статье невозможно. Остановимся на сочинениях победителей.

Подводя итоги конкурса, отметим, что дети живо откликнулись на то, что им близко и интересно. Во многих сочинениях звучали самостоятельные суждения о жизни, о событиях, которые происходили и происходят в нашей стране, о литературе, литературных героях, писателях, поэтах. Радует, что дети в сочинениях о Великой Отечественной войне с гордостью говорили о своих близких, которые защищали Родину. Яркими были работы о российских предпринимателях, которые прославили благотворительностью Россию и малую родину конкурсанта. Думается, что важнейшие результаты этого конкурса — воспитательный и образовательный. Конкурсанты обращались ко всем предложенным жанрам, но предпочтение отдавалось письмам, заочным экскурсиям, сказкам, рассказам, эссе. Отметим, что дети успешно использовали в сочинениях все типы речи (описание, повествование, рассуждение). В некоторых сочинениях отмечалось совмещение жанров (в письмо вписывался рассказ, как, например, в сочинении Котовской Оксаны **«Какого цвета война?»**).

Раскрытие многих тем требовало анализа, интерпретации художественных произведений. При выполнении этих видов деятельности необходимо показать знание теоретико-литературных понятий и использовать их при раскрытии темы.

Один из критериев оценки конкурсного сочинения — его художественность. Напомним, что «художественное произведение — это не только его словесный строй (образ), но и образный мир, создаваемый посредством слов, но к ним не сводимый... За словесной тканью (текстом) произведения встаёт его художественный мир: воображаемое время и пространство, где живут воображаемые герои, где совершаются те или иные события. Этот мир — особая, эстетическая реальность, восприимчивая как целое. И при анализе художественной речи важен контекст всего произведения, его цельного смыслового фрагмента; зачастую же понимание слова или словосочетания определяет традиция словоупотребления, связанная с жанром, устойчивым речевым стилем, литературным направлением...» (Л.В.Чернец, В.Б.Семёнов, В.А.Скиба. Школьный словарь литературоведческих терминов. — М.: Просвещение, 2005. — С. 4).

Немного о темах сочинений

Не всегда, формулируя тему сочинения, учитель учитывает возможности каждого ребёнка (это, очевидно, и невозможно). Опыт показывает, что дети часто не вдумываются в предлагаемую тему сочинения и не вполне понимают её, приводит к неполноте её раскрытия или выходу за её рамки. Вместе с тем точно понятой и полно раскрытой тема сочинения даёт ученикам возможность показать свои знания, проявить умения читать, анализировать и интерпретировать художественное произведение, главное — раскрыть свой творческий потенциал. Организаторы конкурса не предлагали детям формулировки тем сочинений. Участники конкурса должны были сформулировать их самостоятельно (в рамках одного из названных тематических направлений и выбранного жанра). Отметим, что в каждом регионе выбирались все тематические направления. Что это давало? Возможность каждому участнику писать сочинение о том, что ему интересно, близко, проявить свои способности. Приятно отметить, что многим конкурсантам это удалось.

Формулировки большинства тем сочинений отличались оригинальностью, нестандартностью, часто уже в формулировках звучали оценки или оценочные нотки, ярко выражалось эмоциональное, неравнодушное отношение автора сочинения к тому, о чём он писал. Например, «Путь добра и человечности Альберта Лиханова», «“Когда душа просыпается” (о творчестве М.М.Пришвина)», «Команда, без которой мне не жить...», «Любимые страницы из

³ С сочинениями можно ознакомиться на сайте: <http://www.apkpro.ru/vks>

романа “Незнайка на Луне”. С благодарностью к автору обращаюсь». Конкурсанты употребляли в формулировках тем личные местоимения, средства языковой экспрессии, чтобы подчеркнуть своё отношение к событиям, о которых они писали: «Мы доживём до вас», «Спешу навстречу алым парусам», «Я пишу из России, где родился и рос мой любимый поэт Сергей Есенин», «Я вернусь, мама!», «В уме своём я создал мир иной...» (путешествие в фантастический мир А.Грина).

В формулировках тем часто использовались пословицы, поговорки, цитаты: «На чудо надейся, а сам не плошай», «И дольше века длится день», «Читать тебе себя в лимонном будуаре», «Стараясь о счастье других, мы находим своё собственное». Платон», «...И не кончается строка» (В.Набоков). Чётко сформулированная тема даёт ученику направление работы, поэтому учителю всегда следует обращать на это внимание.

Дети писали работы в самых разнообразных жанрах.

Жанр письма

Многие дети обратились к жанру *письма*, соблюдая особенности этого жанра. Письма учащихся 4—7 классов были непосредственными, с яркой эмоциональной окраской. Дети поднимали и пытались раскрыть нравственные проблемы, найти ответ на вопросы, что такое добро, любовь, сопереживание, сочувствие. Старшие конкурсанты иногда злоупотребляли штампами и шаблонами в процессе анализа художественного произведения. Отметим, что авторы писем учитывали особенности жанра и адресата: были письма частные, деловые, они предназначались реальным адресатам, родственникам, друзьям, писателям, поэтам, литературным героям, прототипам литературных героев и т. д. Дети находили интересные пути решения проблем, заявленных в сочинениях.

Письма родственникам, землякам, которые были участниками Великой Отечественной войны.

Возрастная группа 4—5 классы

Сочинение Номеровкиной Ольги «**Время — мой почтальон**» написано в **эпистолярном жанре**. Письмо адресовано в *прошлое* — прадеду, погибшему на войне. Найдено удачное название. Чувствуется сопричастность событиям, о которых идёт речь, искренняя боль автора: её прадед не дождался Победы, не увидел своих внуков и правнуков.

Сочинение Ермолаева Юрия «**Письма с фронта**» также обращено в *прошлое*, к деде, но в основу размышлений положен *документальный материал* — **письма** дедушки с фронта. Автору удалось очень точно и проникновенно рассказать о судьбе погибшего деда, найти собственной авторский стиль. Интересна композиция работы: перебивка строк из письма воспоминаниями бабушки и комментариями автора сочинения, в которых выражается **его** отношение к событиям Великой Отечественной войны.

Возрастная группа 6—7 классы

Письмо Шумакова Артура адресовано *землякам, писателям Урала*, которые создали произведения о Великой Отечественной войне. Сильной стороной работы является жанровая целостность сочинения, лиризм. Тема Великой Отечественной войны осмысливается через анализ художественных произведений, события истории и литературы своего региона. «**Мы доживём за вас...**» — заверяет мальчик своих земляков.

Письма любимым писателям

Возрастная группа 4—5 классы

Анненков Владимир назвал своё сочинение «**Любимые страницы из романа “Незнайка на Луне”. С благодарностью к автору обращаюсь**». Уже в формулировке темы звучит отношение к автору произведения и его книге — любовь и благодарность. И всё письмо проникнуто любовью к героям романа и его создателю. Важно, что ребёнка привлекают высоко нравственные отношения между коротышками Цветочного и Солнечного городов: «Как они дружили между собой! Каждый занимался своим любимым делом и щедро делился с друзьями своими успехами. Между ними не было вражды, войн, им не нужны были деньги, они не знали голода и жили большой и дружной семьёй!» Ученик осуждает отношения, которые сложились между лунными коротышками. Обращаясь к писателю, он пишет: «Пусть Ваши книги всегда будут открытием для новых поколений читателей».

Возрастная группа 6—7 классы

Сочинение Санкиной Дарьи «**Уроки Чехова**» адресовано А.П.Чехову: «Не без сердечного волнения решилась на письмо Вам, моему любимому писателю, другу и советчику». Уже это обращение говорит о многом. Даша обращается к писателю со словами: «...я доверяю Вам», «Вы знаток человеческих душ», «Когда становится грустно, я обращаюсь за лекарством к Вам». Далее девочка переходит к анализу произведений Чехова. Говоря о нравственных проблемах прочитанного, девочка называет свои болевые точки, соотносит свои проблемы с проблемами героев Чехова и делает вывод об уроках своего учителя...

Письмо Лиджаевой Энкиры «**Он оставил в наших душах “разумное, доброе, вечное”**» адресовано А.С.Пушкину. Интересна формулировка темы: она передаёт восприятие девочки нравственных составляющих творчества Пушкина, которые для ученицы особенно важны. Девочка благодарит Пушкина за уроки человечности, пишет: «Дорогой Александр Сергеевич! Я обращаюсь к Вам, потому что всегда чувствую Ваше присутствие, слышу Ваш голос... Недавно прочла “Станционного смотрителя” и была потрясена до глубины души: сердце моё сжималось от жалости к Самсону Вырини». Энкира осуждает поведение Дуни, которая «убегает в поисках красивой жизни и любви», и делает для себя вывод: каждый

твой поступок влияет на дальнейшую судьбу. И Пушкин заставил задуматься об этом.

Возрастная группа 10—11 классы

Сочинение Кизьяковой Алины «**Стихи, затронувшие душу...**» демонстрирует отличное знание истории создания стихотворения, о котором ученица пишет, и самого художественного текста. Оно — проникновенное объяснение в любви А.С.Пушкину. В сочинении много экспрессивных слов, которые отражают авторскую позицию ученицы: чувствуется, что стихи, о которых пишет Алина, затронули её душу. Но школьница наивно путает лирического героя с автором. Трогательно завершение письма: «Знаете, а я ведь многое поняла, прочитав Ваши стихи... поняла всю глубину Ваших чувств... и безмерно благодарна Вам за стихи, затронувшие душу».

Письма героям художественных произведений

Возрастная группа 4—5 классы

Большакова Маша своё «**Письмо Лисице из басен И.А.Крылова**» адресовала литературному герою. Девочке удалось создать собирательный образ Лисицы, обобщив басни «Ворона и Лисица», «Лисица и виноград», «Волк и Лисица», «Крестьянин и Лисица». Лексика и интонация передают не только характер Лисицы (хитрая, жадная, но по-своему умная, сообразительная), но и отношение автора письма к персонажу (Лисица хоть и стала «жирней», «но всё же не сделалась честней»).

Возрастная группа 6—7 классы

Берестова Мария написала «**Письмо главному герою романа Ф.М.Достоевского “Бедные люди” Макару Девушкину**». Мария демонстрирует хорошее знание произведения, что для этого возраста (как и для любого) является достоинством. Содержание произведения воспринято на эмоциональном уровне: «...мне страшно за Вас, расстаюсь с Вами со слезами на глазах... Вы так несчастны...». Девочка хорошо владеет жанром письма; как и многие другие конкурсанты, благодарит писателя за уроки жизни: «Очень многому Вы меня научили. Никогда не забуду Вас!»

Грибанова Алина написала письмо Нахалёнку, герою многими забытого рассказа Шолохова, «**Кругом война, а этот маленький...**». У неё интересная, эмоциональная работа, удачны формулировка темы и эпиграф; письмо написано живым языком. Девочка сумела нарисовать образ Нахалёнка, показала основные черты его характера. Автор сочинения считает Нахалёнка своим другом, хочет, чтобы он стал другом и других читателей.

Возрастная группа 10—11 классы

Письмо Симоновой Дианы адресовано «**Господину Печорину, герою нашего времени, о жизни, одиночестве, любви**». Обращаясь к герою романа Лермонтова, девочка осмысливает проблемы своего поколения. «Ваш портрет составлен из пороков не только вашего поколения. Они, как это ни покажется странным, “беспре-

пятственно» пересекли рубеж уже двух веков». Грустно, что ученица с пониманием рассуждает об одиночестве: «Одиночество стало существенной стороной нашей жизни, оно калечит людей, ломает. Одиночество мучительно, хочется вырваться из его крепких объятий, убежать в мир лёгких, доступных соблазнов... одиночество унижает нас».

Сочинение соответствует жанру письма. Соотносятся тема, содержание и композиция работы.

Письма друзьям

Возрастная группа 6–7 классы

Матвей Жуков пишет **«Письмо моему неизвестному другу — будущему читателю Ю.Нагибина «Гимн дворняжке»»**. Он делится со своим неизвестным другом мыслями, которые возникли после чтения рассказа Нагибина. Поражает проникновенность автора письма в суть рассказа Нагибина.

Миронова Анна назвала своё сочинение **«Я пишу из России, где родился мой любимый поэт Сергей Есенин»**. Письмо адресовано другу. «Здравствуй, Марк. В этом письме я поделюсь с тобой тем, чем я последние время живу». Она рассказывает о своём любимом поэте и его творчестве. Чувствуется, что Анна любит и понимает творчество Есенина. Девочка удачно представляет художественную палитру поэта, подтверждает свои суждения цитатами из стихотворений Есенина. Письмо очень эмоциональное, взволнованное.

Возрастная группа 8–9 классы

Примером дружеской переписки стало сочинение Ветешкиной Марии **«Удивительный человек этот меценат...» (из переписки И.Н.Крамского с И.Е.Репиным)**. В нём соблюдены все признаки эпистолярного жанра. Автор письма («Крамской») ярко описывает успех своей картины «Неизвестная», своё увлечение прототипом героини. Мария создаёт и словесный портрет Неизвестной, удачно передавая её внешность и черты её характера. «Столь надменный, но в то же время загадочный, величественный, гордый взгляд, изящный стан и манера одеваться по последней петербургской моде способны завлечь каждого». Художественно раскрыты в сочинении характер Третьякова («...удивительный человек этот меценат. Мыслит совершенно иначе, нежели остальное общество. Будто в голове у него свой мир, совершенно не похожий на наш... мне запомнился его взгляд... Смотрит так, будто ищет истину, правду, сущность души каждого») и его роль в поддержке русской культуры: «Павел Михайлович... стремится к возвышенным целям: просвещать общество и поднимать русскую живопись на высокий уровень».

Сказка

Чаще к этому жанру с удовольствием обращались школьники 4–7 классов. В работах детей ярко проявлялись черты данного жанра: занимательный сюжет, традиционные композиционные элементы сказки.

Возрастная группа 4–5 классы

Селянин Евгений назвал свою сказку **«Как купец Сухов барина благотворительности научил»**. Прототипом её главного героя стал купец из Барнаула Василий Сухов. Автор умело использует постоянные эпитеты, характерные для сказки («столичный город», «леса дремучие», «степи широкие», «в добрых глазах озорные искорки»), композиционные элементы сказки, создаёт яркие образы, строит занимательный сюжет о благотворительности.

Рагулина Юлия сочинила «Сказку о том, как Елпидифор-купец боролся с Нищетой, Безработицей и Безграмотностью». Сказка отличается оригинальностью темы, необычностью содержания, цельностью и логичностью композиции. Читается она легко, автору удалось выразить любовь к родному краю, чувство гордости его историей, народом. Содержание, форма, лексические средства соответствуют жанру сказки. Жаль, что автор не использовал в полной мере возможности олицетворения: Дон Иванович уподоблен рачительному хозяину, который заботится о людях, а Нищета, Безработица и Безграмотность не стали полноценными персонажами сказки.

Возрастная группа 6–7 классы

Кубачёва Залина в сочинении в жанре сказки передала свои размышления о любимых, эмоционально пережитых стихотворениях С.Есенина «Песнь о собаке» и «Собаке Качалова», рассказывающих о любви и предательстве. Работа получилась оригинальная, интересная. Выдержан жанр сказки, хотя заглавие не передаёт точно ни её тему, ни идею.

Жанр сочинений **заочная экскурсия** пользуется меньшей популярностью в школьной практике. Вместе с тем работа над сочинением в данном жанре позволяет школьникам проявить коммуникативную, культурологическую и литературоведческую компетенции. Для формирования этих компетенций важно внести в практику устные и письменные рассказы школьников о литературных местах, литературных, исторических и краеведческих музеях, выставках, достопримечательностях родных мест. В ряде стран музей (и в России в последнее время) рассматривают как элемент системы непрерывного образования, потому что именно в музее есть все условия для активного проявления интересов и способностей учащихся. Чаще в этом жанре писали старшеклассники, но были интересными и работы учащихся младших возрастных групп.

Возрастная группа 6–7 классы

Балабуркина Полина назвала сочинение **«Не хлебом единым...»**.

Ученица провела для сестры **экскурсию** по Ставрополю. Оригинально воплощён интересный замысел работы. Что выбрано для рассказа? «Я расскажу об удивительных людях Ставрополя и о местах, связанных с их именами». Девочка активно привлекает краеведческий материал, хорошо знает, любит родной город, гордится

своими земляками. В работе ярко выражена авторская позиция. Хотелось бы видеть в работе больше средств художественной выразительности, что соответствовало бы эмоциональному пафосу работы.

Возрастная группа 10–11 классы

Глоба София в сочинении **«Тихие зори Сямозера»** воссоздаёт узнаваемые образы героев Б.Васильева «А зори здесь тихие», проводя читателя по тем местам, по которым прошли пять героинь повести Васильева. Вот место, где находились расположение части, сруб, кухня; вот место боя, а здесь погибла... они погибли одна за другой. Вот тут пытался найти кисет Васков... Девочка переживает события, о которых пишет. «Они погибли, погибли все. И вместе с ними ушло из этого мира что-то очень важное и дорогое». Привлекает в этой работе глубокое знание литературного материала, удачное совмещение впечатлений от литературного произведения и фильма по нему. Богатство лексики и разнообразие синтаксических конструкций делают язык автора образным, выразительным. Ощущается заинтересованность автора в рассматриваемых вопросах и проблемах. Завершается сочинение словами: «Я держу в руках книгу Бориса Васильева. Снова и снова переживаю прочитанное... чтоб никогда ничего не забыть».

Плюйко Вера назвала своё сочинение **«По следам лермонтовских героев»**. Провести заочную экскурсию так, чтобы было интересно, познавательно, чтобы появилось желание посетить места, о которых услышали, — задача сложная. Автору сочинения это удалось. Девочка хорошо знает Пятигорск и его окрестности, но говорит она не просто о Пятигорске, а о «крае синих гор», воспетых М.Ю.Лермонтовым. Она ведёт по тем местам, где происходили события, описанные в романе «Герой нашего времени» (провал, грот, беседка, здание ресторации, домик Лермонтова). Автор хорошо знает текст романа и удачно пользуется высокохудожественными языковыми средствами.

Рассказ

Жанр рассказа привлекал учащихся разных возрастных групп. Рассказы учащихся 4–7 классов эмоциональные, искренние, но больше напоминают пересказы. В сочинениях учащихся 8–11 классов просматривается самостоятельность, глубина суждений и выводов.

Возрастная группа 6–7 классы

Ильина Ксения в сочинении **«Хамелеон из 7 "А", или Чехов жив»** показала хорошее знание рассказа А.П.Чехова «Хамелеон», умело использовала идею чеховского произведения в создании собственного рассказа на близком ей материале. Созданные характеры интересны и убедительны, хотя несколько прямолинейны. Работа соответствует возрасту и заявленному жанру.

Возрастная группа 8–9 классы

Сочинение Котовской Оксаны **«Какого цвета война?»** представляет собой рассказ в рассказе. Школьница отобрала интересный

материал, выстроила соответствующий теме ассоциативный ряд восприятия цвета, показала детское и взрослое отношение к войне.

Девочка получает ответ не только на вопрос: «Какого цвета война?» — «Чёрно-красная», но и на ещё один: «Деда, а он хороший?» — «Хороший, Настенька, хороший». Речь идёт о немце, о враге, который оказал помощь раненому деду. Почему он сделал это? Дед уверенно сказал, что он хороший: «Он что-то говорил про детей. Говорил о своей семье. Этого человека насильно отправили на войну, это я точно знаю. Он перебинтовал мне плечо и молча скрылся туда, откуда пришёл».

Суждения и выводы Оксаны убедительны, ярки, эмоциональны.

Костицына Мария назвала своё сочинение «Начало», выбрав оригинальную форму рассказа и соединив в нём писателя с его литературными персонажами. В сочинении зашифровано около 40 произведений А.П.Чехова. Необычный взгляд на биографию и творчество Чехова демонстрирует богатый читательский опыт Марии.

Возрастная группа 10–11 классы

Малеева Маргарита в сочинении «Размечталась (женские образы в произведениях А.П.Чехова)», осмысливая рассказы А.П.Чехова, создаёт полноценный рассказ, законченное художественное произведение, в котором явственно прослеживаются черты постмодернизма, умело вплетает анализ образов чеховских героинь в своё повествование. Авторское «я» выражено в ироническом переосмыслении литературных образов и современных реалий.

Эссе

Этот жанр в последние годы становится популярным. Сочинения в жанре эссе позволяют учащимся поразмышлять о предмете, явлении, событии и написать в свободной форме небольшую работу. Чаще обращалась к этому жанру старшая возрастная группа, но были интересные работы учащихся 4–7 классов.

Возрастная группа 4–5 классы

Чернышова Алина в сочинении «А счастье только знаящим дано» (Мой Бунин) проявила интерес к поэзии, показала знание биографии И.А.Бунина, выразила собственную читательскую позицию. Для данной возрастной группы это довольно глубокая и изящная работа. Её достоинства — эмоциональность, искренность, яркое личное отношение к стихотворениям Бунина: «Своими стихами Бунин словно бы зовёт нас: полюбите этот мир таким, каков он есть, с его зимами и вёснами, с солнцем и грозами, с опавшими листьями и зелёной травой; радуйтесь осеннему саду, чистому воздуху, бездонному небу. Ведь это и есть счастье!»

Сочинение написано хорошим литературным языком, в нём используется разнообразная лексика, уместны приведённые цитаты, оно целостно и завершённо. Удачна формулировка темы сочинения: цитата из стихотворения И.А.Бунина «Вечер», смысл

которой связан с его содержанием.

Возрастная группа 6–7 классы

В сочинении Краснощёкова Сергея «Нет в России семьи такой, где б не памятен был свой герой» выражена любовь к своей семье, показано хорошее знание её истории. В композиционно стройной работе умело переплетаются две линии: история семьи и истории страны, удачно обращение к кинофильму «Офицеры».

Эссе Осадзе Тамрико «Навеки девятнадцатилетние» написано с опорой на одноимённую повесть Г.Бакланова. Автор размышляет над важными для него нравственными проблемами: «Что такое подвиг? Почему эти девятнадцатилетние шли на смерть?» 9 Мая она стоит в почётном карауле возле памятника погибшим землякам родного аула: «...плачу оттого, что боль за тех парней стесняет моё сердце», — пишет она.

Работу отличает искренность, хорошее знание литературного материала, ярко выраженное отношение к художественному произведению и его автору. Автор сочинения использует средства, характерные для жанра эссе, — аналогию и пример.

Возрастная группа 8–9 классы

Сочинение Головки Никиты «Памятник воину-мечтателю» создано в рамках направления «Биография и творчество российских поэтов и писателей, чьи юбилейные даты отмечаются в 2015 году». Целью своей работы ученик, которого волнует судьба Отечества, видит в прославлении гражданского подвига А.С.Грибоедова. Автор демонстрирует хорошее знание жизни и творчества Грибоедова. Рисуя воображаемый памятник писателю, автор выражает уверенность, что «памятник Грибоедову, который и «один в поле воин», многим напомним о непреложных истинах». Работа выдержана в заявленном жанре, представляет свежий взгляд на личность и творчество писателя, написана на высокой эмоциональной ноте, хорошим литературным языком.

Возрастная группа 10–11 классы

Сочинение-эссе «Вишнёвый сад. Элегия о времени» Стрижак Варвары отличается оригинальностью содержания и формы, образностью и живостью языка, ярко выраженной авторской позицией. Читательская интерпретация чеховского «Вишнёвого сада» глубока и лирична, наполнена размышлениями, тонкими характеристиками персонажей, пониманием особенностей художественного мира писателя. Выбранный ракурс — взгляд на сюжет произведения, проблематику и образы через категорию времени — последовательно выдержан во всём сочинении. Это тот самый «талантливый читатель», который со своей точки зрения перечитал комедию Чехова, эмоционально выразил отношение к ней современного человека. Для конкурсного сочинения это большой плюс.

В сочинении Чуповой Евгении «Скупость и рыцарство (по трагедии «Скупой рыцарь» из цикла «Маленькие трагедии» А.С.Пушкина)» поднимаются важные нрав-

ственные проблемы (благородство, рыцарство, жадность, скупость, достоинство и др.). Автор понимает предмет своего художественного исследования, глубоко анализирует известное произведение А.С.Пушкина, про которое, казалось бы, трудно уже сказать что-то своё. Проблематика пушкинского произведения сопрягается с современными духовно-нравственными проблемами. Работа отличается глубиной мысли, интересным замыслом, хорошим владением жанровой спецификой эссе.

Анализ работ победителей позволяет отметить некоторые положительные результаты прошедшего Всероссийского конкурса сочинений в 2015 году. Это важный этап возрождения многолетней традиции написания сочинений в нашей стране. Конкурс способствовал обобщению и распространению лучшего опыта словесников по написанию сочинений на курсах повышения квалификации в Академии повышения квалификации и профессиональной переподготовки работников образования и на базе региональных, на проведённых вебинарах и т. д. Анализ конкурсных работ позволил выявить просчёты в процессе преподавания литературы и русского языка и вспомнить некоторые забытые виды учебной деятельности, важнейшие для уроков русского языка и литературы, — **чтение, говорение, письмо**.

ЛИТЕРАТУРА

- АЙЗЕРМАН Л.С. Сочинения о сочинениях // Русский язык в школе. — 1996. — № 1. — С. 9.
- АЛДАКАЕВА Н.Г. Сочинение как основной вид творческой работы при обучении языку // Русский язык в школе. — 2001. — № 6. — С. 10.
- БОГДАНОВА О.Ю., ЛЕОНОВ С.А., ЧЕРТОВ В.Ф. Теория и методика обучения литературе. — М.: Академия, 2008.
- КАЛГАНОВА Т.А. Сочинения различных жанров в старших классах. — М., 1997, 2002.
- ОБЕРНИХИНА Г.А. Сочинение на литературную тему. Пособие для учителя. — М.: АРКТИ, 1999, 2002.
- ОБЕРНИХИНА Г.А., ВОИТЕЛЕВА Т.М., МАРЧЕНКО О.Н. Обучение написанию сочинений в основной школе // Профильная школа. — 2015. — № 4. — С. 8–20.
- ОБЕРНИХИНА Г.А., ЕМЕЛЬЯНОВА Т.В., САВЧЕНКО К.В. Обучение написанию сочинений на литературную тему // Профильная школа. — 2015. — № 5. — С. 20–32.
- ОБЕРНИХИНА Г.А., МАЦЬЯКА Е.В., ОСИПОВА И.В. Анализ и совершенствование сочинения // Профильная школа. — 2015. — № 6. — С. 14–26.
- Как написать сочинение? Рабочая тетрадь для 5–8 кл. общеобразоват. учр. / Обернихина Г.А., Соколова Л.Э., Вольнова И.Л., Емельянова Т.В. / Под ред. Г.А.Обернихиной. — СПб: Просвещение, 2004.
- Литературные места России и зарубежья: Сборник диктантов и изложений: Пособие для учителя / Авт-сост. Г.А.Обернихина. — М.: ООО «Русское слово — РС», 2008.

РОМАНОВА Алёна Николаевна —

кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и журналистики
Костромского государственного университета имени Н.А.Некрасова
romanovaal@mail.ru

СНОВА О ШКОЛЬНОМ УЧЕБНИКЕ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОШЕДШЕЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ПЕРЕД ЭКСПЕРТИЗОЙ ГРЯДУЩЕЙ

Аннотация. В статье проанализированы итоги экспертизы школьных учебников по литературе, проведённой в 2014 году, выявлены существенные недостатки в нормативной базе и процедуре определения Федерального перечня учебников, вносятся конкретные предложения по совершенствованию экспертизы.

Ключевые слова: Федеральный перечень учебников, недостатки экспертизы, критерии оценки, нормативная база, пути совершенствования процедуры экспертизы.

Abstract. The article analyzes the results of the school literature textbooks expertise conducted in 2014 which revealed significant deficiencies in the regulatory framework and procedures for determination of the Federal list of textbooks, the proposals of how to improve examination are offered.

Keywords: Federal list of textbooks, shortcomings of expertise and examination, assessment criteria, ways to improve examination procedure.

Закон об образовании РФ (№ 273) вступил в силу три года назад, однако многие документы, которыми должны руководствоваться участники образовательного сообщества, ещё не подготовлены (или не приведены в соответствие с новыми нормами). Так, примерные программы по отдельным школьным дисциплинам разработаны лишь для ступени основного общего образования, а для старшего звена — нет. Да и сами школьные стандарты ещё дорабатываются. По поручению Президента РФ Министерством образования и науки были созданы рабочие группы для определения содержания образования по основным школьным предметам и внесению соответствующих поправок в текст ФГОС¹.

Отсутствие или недоработка таких базовых документов, как стандарты и примерные программы, затрудняет деятельность всей системы образования, создаёт ситуацию неопределённости. В условиях бесконечного обновления нормативов и программ педагогам просто некогда всерьёз обсудить и оценить результаты применения новых правил и процедур, а тем более — выявить системные недостатки в документах, уже вступивших в силу.

Это в полной мере относится к ситуации с формированием перечня школьных учебников.

Общеизвестно, что экспертиза 2013/2014 года вызвала множество нареканий; публикации в прессе нередко были скандальными. Но обвинять авторов статей: журналистов, методистов, учителей — в преувеличениях и смаковании отдельных недочётов было бы ошибочно. Недостатков и странностей в процедуре формирования перечня действительно было много. Однако возникает впечатление, что до сих пор ни причины скандала, ни объективные последствия этой кампании, ни выявленные факты нарушений на должном уровне не проанализированы и не получили правовой оценки.

Напомним наиболее очевидные недостатки процедуры формирования перечня, проводившейся впервые по новым правилам².

1. Экспертиза проходила в очень сжатые сроки (с 15 декабря 2013 по 15 февраля 2014 года). При этом нормативные документы, определяющие формальные и содержательные требования к заказчикам экспертизы, были официально опубликованы Мини-

стерством образования и науки лишь 1 ноября 2013 года! (До этого документы были доступны в качестве проектов, в них постоянно вносились изменения.)

В ситуации невероятной спешки, неточных и меняющихся на ходу «правил игры» многие заказчики экспертизы (как правило, в этой роли выступали издательства) не сумели выполнить все формальные требования и пройти все необходимые процедуры. Как известно, ряд учебников не был даже принят к рассмотрению из-за неточностей в сопровождающей документации³.

В течение двух месяцев (из которых почти две недели — официальные новогодние выходные) экспертам предстояло рассмотреть около трёх тысяч учебников (в предыдущем перечне было 2980 наименований). Подчёркнём: учебник — это не всегда одна книга. Многие из школьных пособий состоят из 2 или 3 частей. Кроме того, по правилам новой экспертизы все представленные издания были снабжены методическими пособиями и электронными приложениями. Стандартный объём учебника для среднего звена примерно 300—400 страниц (в 2 частях — 600—800). В старшем звене бывает и больше. Объём электронного приложения строго не нормирован, но любой человек сегодня знает, какое количество визуальной, текстовой и прочей информации способен вместить стандартный CD- или DVD-диск. Следовательно, на экспертов обрушился огромный объём материала, который не только вдумчиво проанализировать, но даже честно просмотреть за отведённое время было невозможно.

2. Один из критериев оценки, заложенный в нормативных документах — принадлежность учебника к завершённой предметной линии. (Линии, которые на момент экспертизы не были завершены, на экспертизу автоматически не попадали.) Однако при этом учебники, принадлежащие **к одной линии**, оценивали **разные группы экспертов**, например, учебники по литературе для 5—6 классов — одна экспертная группа, учебники этой же линии для 7—9 классов — другая. В итоге общую логику курса и общее содержание учебного комплекта некоторые «невнимательные» проверяющие просто «не увидели» (или постарались «не увидеть») и дали отрицательные заключения. Причём их пре-

тензии легко было опровергнуть, если просто прочитать авторскую программу (которая почему-то не являлась и не является обязательной для представления учебников на экспертизу). Необходимо обязать экспертов, оценивающих один учебник, знакомиться со всей завершённой линейкой или хотя бы с авторской программой.

3. В нормативном документе содержится требование исключить «конфликт интересов между экспертом и заказчиком экспертизы». Безусловно, справедливой оценке мешает предвзятость любого рода: как враждебность, так и излишняя благожелательность. Объективность едва ли может быть соблюдена в том случае, если эксперты и авторы учебника являются сотрудниками одного учреждения. Между тем ни на этапе проведения экспертизы, ни по её результатам такие факты не отслеживались и не пресекались.

***

Допустим, что названные недостатки были действительно следствием новизны прошедшей процедуры, возникли случайно и теперь будут исправлены. Возможно, времени на экспертизу теперь будет выделено больше, а учебников представлено меньше. Допустим, комиссии будут сформированы лучше и издательства подготовятся старательнее: выдержат все формальности.

Однако внимательный анализ документации показывает, что проблема лежит глубже. Дело в системных недостатках законодательной базы, в принципе не способной обеспечить качественную, объективную оценку школьных учебников.

Согласно Приказу Минобрнауки, вместо двух (научной и педагогической) учебники стали проходить от 3 до 5 экспертиз (научную, педагогическую и общественную — обязательно; в тех случаях, когда учебники содержат региональный компонент или этническую, конфессиональную специфику, нужна дополнительная — региональная и этнокультурная экспертиза).

Таким образом, вся линия учебников, например, для 5—9 классов проходит от 15 до 25 экспертиз и получает гриф, только если **все** отзывы положительные.

Насколько практически вероятно получение такого результата? Чтобы оценить это,

недостаточно ознакомиться с самим Приказом о формировании Федерального перечня. Нужно обратиться к документам, которые конкретизируют процедуру экспертизы, подробно описывают критерии и порядок применения Приказа. Это инструкции по проведению экспертизы, разработанные и утверждённые РАО: Регламент проведения научной экспертизы учебников и Регламент проведения педагогической экспертизы учебников.

Правила оценки, заданные в этих регламентах, трудно назвать иначе, чем драконовскими.

Цитируем Регламент проведения научной экспертизы:

«5.3. При проведении научной экспертизы отрицательное экспертное заключение оформляется экспертом, в том числе в случаях если дан **отрицательный ответ эксперта хотя бы на один из следующих вопросов:**

- экспертируемое издание является учебником;
- наименование учебника соответствует наименованию учебного предмета или предметной области Федерального государственного образовательного стандарта соответствующего уровня общего образования;
- в содержании учебника представлены ключевые теории, идеи, понятия, факты, относящиеся к данной области знаний федерального государственного образовательного стандарта соответствующего уровня образования, отражены методы научного познания, предназначенные для обязательного изучения в общеобразовательной организации на данном уровне образования, отсутствуют достоверные факты;
- учебник содержит сведения о передовых достижениях современной науки, техники, технологий в соответствующей предметной области и способствует формированию интереса к углублённому изучению предмета;
- иллюстрационный материал учебника соответствует тексту и дополняет его;
- в учебнике отсутствуют ошибки, опечатки».

Из Регламента проведения педагогической экспертизы⁴:

«5.3. Отрицательное экспертное заключение оформляется экспертом, в том числе в случаях, **если дан отрицательный ответ эксперта хотя бы на один из следующих вопросов:**

- экспертируемое издание является учебником;
- наименование учебника соответствует наименованию учебного предмета или предметной области ФГОС соответствующего уровня общего образования;
- учебник принадлежит к завершённой предметной линии учебников;
- в содержании учебника не выявлены сведения, противоречащие Конституции Российской Федерации, федеральному законодательству;
- содержание учебника обеспечивает выполнение требований ФГОС соответствующего

уровня образования по формированию личностных, предметных результатов и формирование навыков самооценки и самоанализа учащихся, способствует развитию мотивации к учению, интеллектуальной и творческой деятельности учащихся, реализации системного подхода в обучении;

— содержание учебника способствует формированию патриотизма, любви и уважения к семье, Отечеству, своему народу, краю, толерантному отношению к представителям различных религиозных, этнических и культурных групп, учит межнациональному и межконфессиональному диалогу;

— методический аппарат учебника обеспечивает овладение приёмами отбора, анализа и синтеза информации на определённую тему, наличие и достаточность проверки и самопроверки усвоения учебного материала; формирует навыки смыслового чтения и навыки самостоятельной учебной деятельности, умение использовать профессиональную терминологию;

— развивает критическое мышление, способность аргументированно высказывать свою точку зрения; предоставляет возможность организации групповой деятельности учащихся и коммуникации между участниками образовательного процесса, применения полученных знаний в практической деятельности, индивидуализации и персонализации процесса обучения, установления межпредметных связей;

— завершённая линия учебников принадлежит к системе учебников;

— учебник содержит задания для организации учебно-исследовательской и проектной деятельности учащихся;

— текстовый материал соответствует нормам современного русского языка, государственных языков республик, языков народов Российской Федерации;

— язык изложения понятен, соответствует возрастной группе, для которой предназначен учебник;

— изложение учебного материала характеризуется структурированностью, систематичностью, последовательностью, разнообразием используемых видов текстовых и графических материалов;

— структура и содержание методического пособия соответствует структуре и содержанию учебника;

— в учебнике отсутствуют ошибки, опечатки;

— учебник не содержит информацию, приносящую вред физическому и психическому здоровью и развитию детей.

Несложный подсчёт показывает, что для получения положительного заключения только по двум основным экспертизам (научной и педагогической) учебник должен получить одобрение по 19 критериям. Если учесть, что линейка по литературе для 5—9 классов состоит из 5 учебников, то это 95 «да». При положительной оценке 94 позиций («да») одно «нет» ведёт к исключению из перечня не только того учебника, в котором выявлен недочёт, но и всей линии.

Заметим: в одном критерии зачастую объединяются несколько разных параметров (например, структурированность изложения и разнообразие материалов). Неразумно жёсткие требования предъявлены к технической стороне: так, если в одном учебнике нашлась, например, одна опечатка, честный эксперт должен ответить на предпоследний вопрос «нет», что автоматически влечёт за собой отрицательное заключение на учебник и всю линию, даже если на все остальные вопросы эксперт ответил «да».

Требования Закона о Федеральном перечне и Регламентов проведения экспертизы, утверждённых РАО, *фактически делают невозможным одобрение* ни одной из ныне существующих учебных линий!

По всей вероятности, учебные линии, вошедшие в Федеральный перечень, просто не были прочитаны! Невозможно, чтобы в комплекте из 5 учебников эксперты не обнаружили ни одной ошибки, ни одной опечатки. Совершенных книг, как и совершенных людей, не существует в природе. И многочисленные обращения родителей и учителей, обнаруживающих в учебниках из Федерального перечня не только безобидные опечатки, но и грубые фактические ошибки, это подтверждают.

И главное: недостатки экспертизы связаны не только с отдельными коррупционными явлениями, недобросовестностью экспертов, неоправданной жёсткостью процедуры, но и с размытостью, некорректностью самих критериев отбора, отражающих требования государства к учебникам.

Например, педагогическая экспертиза должна подтвердить, что «содержание учебника обеспечивает достижение требований ФГОС по формированию личностных результатов, предметных результатов»⁵. Но результаты в рамках ФГОС определены для каждой **ступени** образования, а не для каждого **класса**. Следовательно, этот критерий применим только к завершённой линии в целом, а не к конкретному учебнику (если он не исчерпывает содержание предмета).

Едва ли можно оценить учебники по всем предметам по одной и той же шкале. Так, в ходе научной экспертизы предлагается следующий критерий: «Учебник содержит актуальные и современные сведения в соответствующей научной области, в том числе о передовых достижениях науки и техники, технологий»⁶. Довольно сложно применить его к учебнику литературы, особенно для среднего звена. Да и действительно ли учебник литературы, например для 5 класса, обязан содержать **сведения** о передовых достижениях литературоведения? Основой этой учебной дисциплины являются художественные произведения, постижение которых должно быть не только интеллектуальным, но и эмоциональным, воздействовать на эстетическое и нравственное чувство. Связь с современными научными достижениями может проявляться в том, что учебник содержит корректные с точки зрения современной науки определения теоретических понятий, предлагает интерпретации литературных произведе-

дений, основанные на научных работах современных литературоведов, предлагает ученикам виды деятельности, основанные на современных методах исследования, темы научно-исследовательских проектов в области актуальных проблем литературоведения.

Явно нуждаются в пояснениях такие критерии общественной экспертизы, как: «Содержание учебника носит воспитывающий характер», «Содержание учебника способствует развитию личности»⁷. Конечно, учебник должен помогать учителю воспитывать и развивать ученика, но скандальные итоги прошлой экспертизы показали, какую возможность для спекуляций дают подобные «вкусовые» формулировки. Субъективность экспертных оценок порой была просто вопиющей. Широкою известностью получила история с запретом популярного учебника для начальной школы: эксперт обвинил его в «недостатке патриотизма» из-за использования «чуждых» сказочных персонажей. Есть и пример противоположный, но не менее абсурдный: учебная линия по литературе была обвинена в *избытке патриотизма* и в *воспитательной направленности курса* литературы.

На основании всего сказанного можно утверждать: в состав нынешнего перечня учебники вошли или не вошли совершенно независимо от их качества. Например, сегодня в Федеральном перечне отсутствует линия учебников литературы под редакцией Г.И.Беленького — одного из самых авторитетных методистов и опытных авторов школьных пособий. Нет в нём и линии, созданной под руководством В.Г.Маранцмана, крупнейшего учёного, фактически основателя целой методической школы. Очевидно: отсутствие учебников в Федеральном перечне не свидетельствует о их низкого уровня, а результат формального, порой случайного отбора. Такая ситуация одинаково обидна и для тех, кто оказался выброшен за борт, и для тех, кто в перечень включён, но не может этим гордиться с полным основанием.

Получилось, что вместо задачи *улучшения* качества учебников для школы Министерство образования и науки решило совсем другую задачу: *уменьшило* число учебников в целом, не заботясь о качестве (в новом списке их 1372, примерно в два с половиной раза меньше, чем в прежнем).

С какими последствиями в 2013/2014 учебном году столкнулись все участники образовательных отношений, хорошо известно. Про убытки издательств (оплативших, между прочим, и отрицательные экспертизы, лишённых не права, но фактической возможности реализовать уже подготовленные, а зачастую очень востребованные учебники⁸), наверное, лучше не говорить. Сочувствовать издателям сейчас не принято.

Во всех регионах России (не по собственной инициативе, а по приказу сверху) школам в срочном порядке пришлось закупать «одобренные» линии, чтобы обеспечить детей учебниками. Были дискредитированы не только авторы учебников, но и те методисты, которые дали ранее положительные за-

ключения о линии, учителя, которые свой опыт освоения новых учебников демонстрировали на региональном уровне.

Пострадали школьники, вынужденные перейти с одной линейки на другую (не меняя школу и класс!), при этом была нарушена логика построения программы, системность в освоении курса, что негативно сказалось на качестве знаний и достижениях учеников.

Пострадали учителя, вынужденные отказаться от ими выбранных линеек и осваивать новую методическую систему или вернуться к линиям, от которых они прежде отказались.

Приведённые факты напоминают о том, что любой закон, даже самый замечательный, на практике может быть применён неправильно. Именно поэтому правовые отношения предусматривают возможность апелляции, обжалования тех или иных постановлений, если граждане уверены, что их права были нарушены. Правом на апелляцию пользуются школьники, сдающие ЕГЭ, участники олимпиад и даже осуждённые по уголовным статьям. Но правообладатели УМК этим правом воспользоваться не могут. Для них не предусматривается ни возможности апелляции, ни вообще каких бы то ни было способов пересмотра и переоценки решения, вынесенного экспертным советом. Приказ Министерства описывает дополнительные возможности для исключения учебника из перечня. Но **не предусматривает никаких возможностей для его возвращения в перечень** (до следующей экспертизы, которая должна проходить не реже чем раз в три года), **даже в случае установления судебными органами фактов нарушения в процедуре экспертизы**. Это ответ тем, кто задаётся вопросом, почему авторы «запрещённых» учебников в большинстве своём не обращались в суд, не протестовали громко и не добивались справедливости. Потому что это было бесполезно. А портить отношения с людьми и организациями, которым, вероятнее всего, будет поручена и следующая экспертиза — для этого нужно быть отчаянным смельчаком.

Следовательно, в настоящем виде закон носит сугубо репрессивный характер. Он нарушает права такой категории лиц, как авторы учебников и учебных программ, ограничивая их в возможности получения объективной оценки своей деятельности и в продвижении результатов своего труда в профессиональном сообществе.

Конечно, в этой сфере, как и во всяком бизнесе, возникают продукты разного достоинства, и поднимаются разные люди. Но в большинстве случаев создателями учебников в прошедшие двадцать лет выступали высокопрофессиональные авторские коллективы, связанные с лучшими научными школами. Работать для школы было не столько выгодно, сколько почётно. Такой труд осознавался как работа для будущего. За это время многие издательства не только привлекли ярких, талантливых авторов, но и фактически превратились в крупные методические центры, соревнующиеся в создании и апробировании

новых, лучших, более качественных учебно-методических изданий. Лишь несколько лет назад система дала резкий крен, множественность учебников была объявлена «недостатком», и министерство взяло курс на их резкое сокращение, а авторов учебников вдруг объявили виновными в низком качестве подготовки школьников. Экспертиза, проведённая на таком «идеологическом фундаменте», была скорее беспощадной, чем объективной.

Итак, анализ результатов экспертизы 2013 года и нормативной базы, обеспечивающей формирование Федерального перечня в настоящее время, заставляет признать их неудовлетворительными.

Закономерно, что Общественный совет при Минобрнауки РФ на заседании 19 марта 2014 года резко критиковал результаты проведённой экспертизы и призывал чиновников «усовершенствовать существующий документ так, чтобы в течение трёх лет из него можно было бы не только исключать, но и добавлять в него учебники»⁹.

Тогда же Общественная палата РФ предложила «рассмотреть вопрос совершенствования Порядка формирования перечня с целью обеспечения безусловного приоритета содержательных критериев над формальными при рассмотрении вопросов включения учебников в перечень»¹⁰.

Ряд изменений в Порядок формирования Федерального перечня учебников был внесён Приказом № 1559 от 8 декабря 2014 года. В основном эти изменения связаны с процедурой экспертизы электронных версий учебников и с проверкой учебников истории на соответствие «историко-культурному стандарту». Можно отметить и то, что в Приложениях более корректную формулировку получили некоторые критерии для оценки учебников.

Но можно ли считать, что все причины некачественного проведения экспертизы устранены? Изменяются ли к осени драконовские регламенты? Будут ли учтены ошибки предыдущей экспертной процедуры? Подумать об этом самое время: новый Федеральный перечень должен быть сформирован к 1 апреля 2017 года. Не повторится ли история и на этот раз?

Для качественного формирования нового Федерального перечня учебников необходимо внести коррективы в нормативную документацию, а также разработать процедуру пересмотра результатов экспертизы в пользу правообладателей в тех случаях, когда в её проведении будут выявлены существенные нарушения.

Для того чтобы субъективный фактор при оценке учебников свести к минимуму, нужно повысить ответственность экспертов за принятое решение. Важно помнить, что на весах в данном случае лежит труд многих людей: авторов, работников издательств, учителей, участвовавших в апробации учебника, и т. д. Должны быть предусмотрены строгие взыскания за недобросовестное проведение экспертизы, например запрет на экспертную деятельность в составе государственных комиссий и диссертационных советов, штраф в

размере, соответствующем стоимости экспертизы для организации-заказчика.

Необходимо сформулировать критерии оценки учебников так, чтобы не возникло возможности их произвольного толкования экспертом, а также уточнить формулировки хотя бы для некоторых «особенных» предметов, таких как литература.

Полезно учесть опыт, накопленный за прежние годы. Весьма разумно было бы, в частности, возвращение к градации: «допущено» / «рекомендовано» — на новой основе. Двухступенчатая экспертиза: оценка книги как таковой (основание для получения грифа «допущено») + оценка результатов использования (основание для грифа «рекомендовано»). При этом Минобрнауки и РАО, местные органы образования должны быть заинтересованы в организации такой апробации. Следовало бы при аттестации педагогов учитывать освоение новых методических изданий, написание отзывов о них и публичные отчёты как плюс в работе, а не запрещать школам приобретать учебники не из списка. Расширить круг экспертов можно, привлекая к работе специалистов из регионов. Такая практика существовала прежде, и заключения учителей, методистов, вузовских преподавателей из разных областей России принимались во внимание при оценке учебных линий.

В нынешнем виде Закон не предполагает возможности доработки и исправления выявленных при проверке незначительных не-

дочётов. Предварительная экспертиза, которая раньше осуществлялась на стадии подготовки рукописи или оригинал-макета учебника, теперь отменена. Это привело к тому, что экспертиза перестала быть инструментом совершенствования и развития учебной литературы. Хотелось бы верить, что это временное и случайное явление, что эксперт из «карателя» снова превратится в помощника и формирование нового перечня учебников для школы приведёт не к скандалам и судебным искам, а к реальному повышению качества образования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Пункт 5 Перечня поручений Президента РФ по итогам форума Общероссийского народного фронта «Качественное образование во имя страны» № Пр-2876 от 12 декабря 2014 года: «Министерству образования и науки Российской Федерации в целях обеспечения единого образовательного пространства на территории Российской Федерации определить в федеральных государственных образовательных стандартах начального общего, основного общего и среднего общего образования базовое содержание обязательной части основных общеобразовательных программ, в том числе по отдельным учебным предметам».

² Приказ Минобрнауки № 1047 «Об утверждении Порядка формирования Феде-

рального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования»:

<http://www.rg.ru/2013/11/01/uchebniki-dok.html>

³ См. сайт с результатами экспертизы: fp.edu.ru.

⁴ См: <http://rusacademedu.ru/documents/24>

⁵ Приказ № 1559 «О внесении изменений в Порядок формирования Федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования, утверждённый Приказом Министерства образования и науки РФ от 5 сентября 2013 г. № 1047, п. 5. 3 Приложения 2.

⁶ Там же, п. 5.1 Приложения 1.

⁷ Там же, п. 5.4 и п. 5.5 Приложения 3.

⁸ По закону школа имеет право продолжать работу по ранее закупленным учебникам, но покупать новые не из перечня за государственные деньги не может. Поэтому, если школьники начали учиться в 5—6 классах по «репрессированной» линии, а учебники на 7—9 классы заранее куплены не были, их придётся докупать на родительские деньги или переходить на другую линейку.

⁹ <http://www.ug.ru/news/11332>

¹⁰ <https://news.mail.ru/society/17517258/>

ВОРОНЦОВ Андрей Венедиктович —

доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. М. Горького, секретарь правления Союза писателей России, г. Москва litkursy@mail.ru

ЭТЮД В ПРОЗЕ

Аннотация. В статье рассматривается прозаический этюд как сложившийся литературный жанр, ещё недостаточно исследованный и классифицированный с точки зрения филологической науки. В современной литературной практике и педагогике можно уже говорить о трёх разновидностях этюда в прозе.

Ключевые слова: этюд, проза, жанр, энциклопедия, Белый, Брюсов, Дынник, Портная, Богомолов, разновидности этюдов, Литературный институт им. Горького, Bookworm, Флобер, Мопассан, художественная речь.

Abstract. The prose sketch (etude) as literature genre is still insufficiently studied and classified in the terms of philological sciences. In modern literary practice and pedagogy we can speak of three varieties of the sketch in prose.

Keywords: sketch, prose, genre, Encyclopedia, Bryusov, Bely, Dynn timer, Portnaya, Bogomolov, sketches species, Gorky Literary Institute, bookworm, Flaubert, Maupassant, artistic speech.

В то время как в живописи, музыке, театральной педагогике, шахматах этюд давно является системным жанром, в литературе смысл этого понятия ещё недостаточно прояснён. В словнике «Краткой литературной энциклопедии» (1962—1978) мы такого термина не найдём. «Литературная энциклопедия» 1929—1939 годов обрывается на букве «Ф». Статья об этюде имеется лишь в «Литературной энциклопедии»: Словаре литературных терминов» 1925 года. Она, главным образом, повествует об этюдах поэтических и литературно-критических, причём указано, что полноценными, то есть появляющимися в печати, можно считать лишь последние. Это, в частности, этюды из книги «Символизм» А.Белого и «Далёкие и близкие» В.Брюсова. Поэтические этюды, по мнению Валентины Дынники,

автора статьи в «Литературной энциклопедии», самостоятельного художественного значения не имеют, рассматриваются только «как техническое упражнение и как подготовительная работа». Впрочем, чёткого определения литературно-критического этюда автор тоже не даёт, ограничиваясь «симптоматикой»: «На отчётливости мысли, на диалектической стройности прежде всего основана эстетическая сторона литературно-критического этюда. Отчётливость мысли связана с отчётливостью слова, что также способствует созданию художественного впечатления. Небольшие же размеры этюда дают возможность пользоваться более образным и выразительным языком, более взыскательно употреблять слова, чем это принято в крупном исследовании»¹. При этом в критике «книга,

составленная из этюдов, при всём единстве идейного построения, распадается формально на отдельные части, — расчленяется». Об этюде в прозе — всего несколько слов: «встречается... и в художественной прозе». Видимо, В.Дынник считала, что «самостоятельного художественного значения» прозаические этюды, как и поэтические, не имеют.

Иной точки зрения придерживается автор статьи «Этюд» в Большой советской энциклопедии 1926—1947 годов, том 64: «В литературе — небольшое по размеру произведение, в котором ограниченный материал подвергается детальной художественной обработке. Нередко являясь подготовительной разработкой отдельных частей какого-нибудь крупного произведения, Э. может быть самостоятельным и художественно законченным про-

изведением, как, например, «Слепой музыкант» Короленко»². В БСЭ 1969—1978 годов статьи о литературном этюде нет. Нет, в сущности, и отдельных работ на эту тему, если не считать статьи «Этюд как явление художественного творчества» Ирины Портной (2012), которая, впрочем, слово в слово без кавычек повторяет то, что написала Валентина Дынник в «Литературной энциклопедии» 1925 года. В зарубежной филологии исследования об этюде в прозе отсутствуют, если не считать «литературной справки» в Интернете — но о ней чуть позже.

Таким образом, на сегодняшний день мы имеем лишь два куцых и совершенно противоположных литературоведческих взгляда на прозаический этюд: согласно одному, это что-то вроде технического упражнения и подготовительной работы, согласно другому — он может быть самостоятельным и художественно законченным произведением типа «Слепого музыканта» В.Короленко. Это довольно неожиданный пример, поскольку мы традиционно сопоставляем своё представление о прозаическом этюде с тем, что знаем о музыкальном и живописном этюдах. Согласно же логике безымянного автора статьи в БСЭ 1926—1947 годов, мы можем не только «Слепого музыканта», но и философско-мистический рассказ В.Набокова «Ultima Thule» считать этюдом, ибо он первоначально рассматривался частью романа. Я бы посчитал такую точку зрения спорной, если бы не был в журнале «Наш современник» редактором последнего, неоконченного романа В.Богомолова «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...». Прозы в нём не так много — в основном архивные документы, которые автор, видимо, хотел вживить в прозаический текст, как он это талантливо сделал в романе «Момент истины». Но при жизни выстроить как литературное произведение «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...» Богомолов не успел и оставил нам лишь прозаические наброски к блокам документов. Некоторые из них печатались в виде отдельных произведений (маленькая повесть «В кригере»). К какому же жанру отнести эту прозу? А также миниатюры из «Записных книжек» и «Коротких рассказов» Богомолова, изданных после его смерти? Полагаю, не будет ошибкой, если мы их отнесём к этюду.

Теперь рассмотрим произведения, вышедшие в массе своей уже после того, как авторы статей в энциклопедиях пытались найти определение литературному этюду: «Камешки на ладони» В.Солоухина, «Затеси» В.Астафьева, «Мгновения» Ю.Бондарева, «Крохотки» А.Солженицына, «Истории хронопов и фамов» Х.Кортасара, «Букварь» Г.Паризи и т. п. Это прозаические миниатюры, печатавшиеся в журнальных подборках и книгах. О них не скажешь, что это техническое упражнение или подготовительная работа. Но почти для всех упомянутых мастеров они являлись своеобразной литературной тренировкой перед созданием очередного крупного произведения. К какому же жанру эти прозаические миниатюры принадлежат? К

лирической прозе, стихотворению в прозе, эссе? В зависимости от наклоностей авторов, мы заметим элементы и того, и другого, и третьего. А в целом? В целом же это — прозаические этюды мастеров, собранные в циклы и книги. Причём в этих случаях мы не можем сказать вслед за В.Дынник, что «книга, составленная из этюдов, при всём единстве идейного построения, распадается формально на отдельные части, — расчленяется». Может быть, «Символизм» А.Белого, «Далёкие и близкие» В.Брюсова, «Книга отражений» И.Анненского, «Письма о русской поэзии» Н.Гумилёва и «расчленяются», будучи тематически зависимыми от объекта исследования, а «отражения» в прозе есть отражения внутреннего мира их авторов (они же герои этюдов), и воспринимаются как нечто хотя и неоднородное, но нерасчленимое.

Итак, сегодня мы можем говорить о трёх разновидностях современного прозаического этюда: 1) этюд «как техническое упражнение и как подготовительная работа»; 2) логически, а порой и сюжетно завершённое небольшое произведение, являющееся в замысле частью другого, более крупного произведения, но так и не ставшее им; 3) «моментальная» миниатюра в прозе, запечатлевающая состояние автора и окружающего его мира примерно так же, как поэт запечатлевает лирическое состояние, и отличающаяся от стихотворения в прозе тем, что лишена ритмически обоснованного деления на абзацы.

Отметим, что с первой разновидностью, учебным этюдом, ставшим реальным элементом вступительных экзаменов и учебного процесса во ВГИКе и в Литературном институте им. А.М.Горького, произошла любопытная метаморфоза по сравнению с 1920-ми годами, когда его задача определялась по аналогии с живописными и музыкальными этюдами (В.Дынник). Теперь понятие прозаического этюда стало ближе понятию этюда шахматного, когда на доске создаётся оригинальная искусственная позиция фигур с заданиями добиться выигрыша или ничьей без ограничения ходов. Точно так же и учебному этюду в прозе предпосылается искусственно смоделированная позиция, которую автору следует завершить или развить. Правда, в шахматной литературе мы без труда найдём работы о шахматном этюде, чего не скажешь об определении учебного прозаического этюда в филологической литературе. Зато теперь к нашим услугам современный народный ресурс массового «ликбеза» — Интернет. Вот, к примеру, «литературная справка» об учебном этюде в прозе с русскоязычного латвийского форума «вопросов и ответов» irs.lv, написанная в характерном для этого жанра стиле автором с «ником» Vokworm (Книжный червь):

«Вам задали писать этюд, но вы вообще понятия не имеете, что это такое и с чем его едят? Не расстраивайтесь! Я помогу вам сделать это задание. <...> Слово *этиюд* в переводе с французского языка означает *изучение*. Этюд — работа, выполненная с натуры! <...> Однако этюд может быть не только упражне-

нием, но и самостоятельным произведением. Обычно такие работы небольшого размера передают ощущения и впечатления от увиденного. Для того чтобы добиться нужного эффекта (то есть чтобы читатель смог представить себе и почувствовать то, что описывает автор) подбираются такие слова, какие наиболее достоверно передают эмоции.

Запомните: небольшая форма, точность слов и выражений! <...> Осталось понять, как это осуществить.

1. Вам необходим объект, который вы будете описывать. Это может быть что угодно. Например, стол, стул, чашка, радуга и т. д.

2. Поставьте выбранный объект перед собой (II вариант: сами сядьте перед ним) или представьте его. Хорошенько рассмотрите со всех сторон.

3. Теперь опишите объект (какой он), запишите свои ассоциации и даже ощущения, представьте, какая у него функция (если это сосуд, то придумайте, для чего он, если явление природы — что происходит в окружающем мире).

4. Теперь оживите всё это и напишите небольшой текст.

5. Перечитайте всё, что у вас получилось, и выразите это в своём коротком этюде»³.

Нетрудно заметить, что советы Книжного червя выдержаны в духе тех советов, которые давал юному Мопассану Флобер: в частности, описать на нескольких страницах стул. Подобные упражнения вырабатывают у начинающего прозаика терпение, тренируют наблюдательность, побуждают к поиску эпитетов и сравнений. Но с тех пор представления об учебном этюде в гуманитарных вузах расширились. Описанию статичного объекта или пейзажа всё чаще предпочитается динамичная ситуация, таящая в себе зачатки сюжета. Прозаик не только описатель: в рамках фабулы он создаёт для своих героев ситуации и заставляет искать выходы из них. К примеру: на пустом перроне вокзала стоят растерянные юноша и девушка — один опоздал на поезд, а другая приехала на нём, но потеряла кошелек. Задание: завершите, пожалуйста, ситуацию. Или возьмём смоделированную Маяковским коллизию:

*Вошла ты,
резкая, как «нате!»,
муча перчатки замш,
сказала:
«Знаете —
я выхожу замуж»⁴.*

Этюдное задание: попытаться убедить героиню изменить решение.

Будет неправильно полагать, что перенос центра тяжести с описания на сюжетное действие заставит автора уделять меньше внимание языку, нежели в тех случаях, когда Флобер призывал описать стул, а Книжный червь из Интернета — кувшин. Дело в том, что, подыскивая эпитеты и сравнения для описания статичного объекта, автор ощутимо тренирует свой литературный язык (что, безусловно, важно), но ещё не находит свой ин-

индивидуальный стиль. Став писателем, Мопассан не писал так, как учил его Флобер, он писал по-своему, куда более лаконично. Природный стиль всякого человека, даже и не писателя вовсе, проявляется тогда, когда он в эмоциональной манере рассказывает другому человеку нечто важное. Если он попытается записать своё сообщение, избавившись от естественных правил разговорной речи слов-паразитов и неправильных согласований, то это и будет рудиментарным рассказом.

Речь — природный «инструмент» творчества, в отличие от кисти художника. Собственно речь ближе к художественной речи, чем простой рисунок на стене к художественной живописи. Человек, стремясь передать в простом разговоре какое-то взволновавшее его событие, уже, не сознавая того, строит его по общим правилам художественной речи, — то есть он хочет, чтобы то, что взволновало его, взволновало и собеседника. Следовательно, в дело идут эпитеты, гиперболы, сравнения. Они, может быть, проще, нежели те, к которым мы прибегнем, скрупулёзно описывая стул или кувшин, но гораздо живей и естественней. Таким образом, можно сделать вывод, что художественная речь — это природное свойство

человека, находящееся в нём до поры до времени в «неактивном» состоянии.

Перевести его в активное состояние в немалой степени позволяют прозаические этюды. Статичный этюд вырабатывает у начинающего автора литературную дисциплину, лирический способствует красоте речи, а ситуативный помогает обрести свой индивидуальный стиль и развивает сюжетное мышление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Bookworm [Книжный червь]. Литературная справка: что такое этюд? // [Электронный ресурс] <http://irc.lv/blogs?id=14774> (Латвия, 28. 09. 2007).
2. ДЫННИК В. Этюд // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. [Электронный ресурс] // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-b552.htm>.
3. ПОРТНАЯ И.В. Этюд как явление художественного творчества // Исторические, философские, политические и юридические науки,

культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — Тамбов: Грамота, 2012. — № 1 (15): В 2 ч. — Ч. I. — С. 157—159.

4. Этюд [В литературе] // Большая советская энциклопедия: В 66 т. — М., ОГИЗ РСФСР, 1926—1947. — Т. 64. — Стб. 798.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 ДЫННИК В. Этюд // Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2 т. — М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. [Электронный ресурс] // Русская литература и фольклор: фундаментальная электронная библиотека. URL: <http://feb-web.ru/feb/slt/abc/lt2/lt2-b552.htm>.
- 2 Этюд [В литературе] // Большая советская энциклопедия: В 66 т. — М., ОГИЗ РСФСР, 1926—1947. — Т. 64. — Стб. 798.
- 3 Bookworm [Книжный червь]. Литературная справка: что такое этюд? // [Электронный ресурс] <http://irc.lv/blogs?id=14774> (Латвия, 28. 09. 2007).
- 4 МАЯКОВСКИЙ В.В. Облако в штанах [Поэма] // МАЯКОВСКИЙ В.В. Полн. собр. соч.: В 12 т. — М., 1939. — Т. 1. — С. 184.

КАЛГАНОВА Татьяна Алексеевна —

кандидат педагогических наук, доцент, редактор журнала «Литература в школе»
kalganovata@ya.ru

ЭССЕ КАК ЖАНР ШКОЛЬНОГО СОЧИНЕНИЯ

Аннотация. В статье приводится литературоведческое понятие «эссе», говорится о его видах.

Ключевые слова: эссе; литературно-критическое, художественное (беллетристическое) эссе, эссеистский стиль.

Abstract. The article presents the concept of literary essay and explains its different categories.

Keywords: essay, literary-critical essay, artistic (fictional) essay, the style of essay.

В литературоведении эссе определяется как прозаическое произведение небольшого объёма и свободной композиции, трактующее частную тему и передающее индивидуальные впечатления и соображения, связанные с ней.

Для эссе характерна образная речь, использование афоризмов, разговорной лексики, непринуждённая, свободная манера изложения.

Выделяются эссе литературно-критические, публицистические, художественные (беллетристические), философские, библиографические и др. Наибольшего расцвета этот жанр достиг в литературной критике.

В литературно-критических эссе рассматриваются художественные произведения, но в отличие от критических статей в них не выносятся окончательный приговор произведению, высказывается личное впечатление и мнение читателя с опорой на текст, литературный материал, теоретические понятия.

В публицистических эссе поднимаются общественные, нравственные проблемы с привлечением жизненного, литературного материала.

В школьной практике используются оба вида эссе как тренировочные упражнения и для контрольных заданий.

В художественных эссе раскрываются различные темы: природа, быт людей, их внутренний мир и т. п. Для них характерен художественный стиль речи. В школе этот вид эссе относят к литературно-творческим работам.

Школьное сочинение в жанре эссе, как всякий текст, должно обладать его признаками: смысловой цельностью, связностью, членимостью.

Важным условием является соответствие теме и решению поставленной проблемы. Чтобы точно определить тему, а не писать «вообще», необходимо найти ключевые слова, в которых выражена поставленная проблема, отметить понятия, входящие в формулировку, и писать именно об этом. Решение поставленной проблемы — это и есть основная мысль сочинения, доказанная литературным или жизненным материалом, целенаправленно отобранным к теме. Единство стиля, отсутствие речевых и других ошибок — неперемное требование к сочинению.

Передача личного мнения и впечатления как один из основных признаков эссе не озна-

чает, что эссеист не может приводить другой точки зрения в качестве сравнения.

Важно заметить: самостоятельность эссе, как и любого сочинения, означает, что рассуждения ученика могут совпадать с известными в литературоведении взглядами, но передаются они в его собственном речевом оформлении. Требование научной новизны к школьным сочинениям не предъявляются, хотя научные поиски и открытия детей поощряются.

Несколько слов о не совсем верных советах. В методических рекомендациях иногда, к сожалению, можно встретить такие разьяснения этого жанра: «эссе — это спор с миром», «в эссе можно сомневаться в том, что другие считают правильным», «можно замахнуться на авторитеты», «вызвать из прошлого великих людей, чтобы вступить с ними в полемику, чтобы доказать узость их взглядов», «пишите самостоятельно, не опираясь на авторитеты».

Нужно ли школьникам, осваивающим курс литературы в основном два часа в неделю, вступать в спор с писателями-классиками, учёными, критиками? А главное, нужно ли настаивать на отрицании предшествующей культуры?

В связи с этим вспоминается известный разговор:

«— Что такое Базаров? — Аркадий усмехнулся. — Хотите, дядюшка, я вам скажу, что он, собственно, такое?..»

— Он нигилист.

— Нигилист, — проговорил Николай Петрович. — Это от латинского *nihiil*, *ничего*, сколько я могу судить; стало быть, это слово означает человека, который... который ничего не признаёт?

— Скажи: который ничего не уважает, — подхватил Павел Петрович...»

Высказывать своё мнение и доказывать «узость взглядов» — это разные вещи. Чтобы спорить с кем-либо, надо обладать глубокими знаниями и широтой взглядов. Ученикам школы надо объяснять, что знания добываются трудом. «Тщётность всех притязаний получить знания без труда приучает к скромности, как всякое основательное учение, а скромность есть первый признак истинного просвещения» — одно из важных положений классического образования в России.

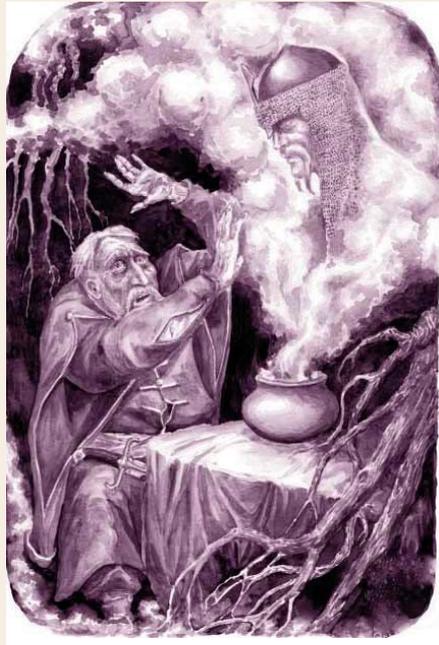
Не стоит забывать, что язык и речь осваиваются человеком и путём подражания, и в творческой деятельности. Ребёнок осваивает устную речь той среды, в которой находится. Разговор окружающих, книги, которые ему читают, — образцы (примеры) для подражания. Образцы литературного, учебного, научного текста — важнейшее условие овладения письменной речью в её родовом, жанровом, стилистическом проявлении. Поэтому при обучении сочинению в жанре эссе школьников нужно познакомить с произведениями этого жанра, например: И. Анненского («Книга отражений»), В. Набокова («Николай Гоголь»), В. Непомящего («Читая «Страшную месьть»»), В. Розанова («Книга отражений») и др.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Валентин НЕПОМНЯЩИЙ

ЧИТАЯ «СТРАШНУЮ МЕСТЬ»

«Чуден Днепр при тихой погоде» — это я знаю с раннего детства. Так же как и «Медного всадника» я знаю наизусть с пяти лет. Это заслуга моей мамы, Валентина Алексеевна Никитина её звали... она мне всегда читала перед сном. Я массу литературы знаю «с голоса». С маминого голоса. Вообще, она массу всего в меня вложила. И не только литературы: она пела — песни, романсы; ещё что-то много рассказывала... Мне кажется, будто я до сих пор «еду» на этом запасе. А сам я «Страшную месьть» прочёл в эвакуации в Махачкале. Я это хорошо помню: дело было вечером, света электрического не было, а горела копилка. И вот, под столом — темень, под кроватью — темень, вообще кругом темень. И только на столе область света, и я читаю «Страшную месьть». Страшно было — сказать нельзя как. Но я ещё чувствовал, что на меня буквально наваливается непостижимая какая-то, чудовищная красота этой прозы:

С. Воронов (род. 1957). Илл. к повести Н.В. Гоголя «Страшная месьть»

«Шумит, гремит конец Киева: есаул Горобец празднует свадьбу своего сына...» — это я помню с тех пор. Мне было тогда лет восемь-девять. А на севере от меня — то ли Сталинград, то ли Курская дуга...

Как страшно! Даже теперь, когда я перечитываю, — вот Катерина подходит к подвалу, где заточён колдун, и я знаю — она его освободит...

И потом все они там что-то смеются — и дитя в люльке смеётся, и над колдуном в детстве все смеялись... Но когда конь оборачивает к нему морду и смеётся!.. «Всесмехливый ад»...

Это я теперь могу сказать, что это поразительно написанная проза, что она так-то и так-то построена, и всё это выразить в каких-то литературоведческих категориях. Но я понимаю, что в литературоведческих категориях выразив всё, я ничего не выражу... Здесь есть присутствие непостижимой тайны. Она в финале особенно явственно проступает, когда Пётр говорит: «Сделай, Боже, так, чтобы всё потомство его не имело на земле счастья!..» — жуткий холод охватывает, когда это читаешь... И когда Бог ему отвечает: «Но и ты сиди вечно там на коне своём, и не будет тебе Царствия Небесного, покамест ты будешь сидеть там на коне своём!..»

...Это похоже и на «Шагреновую кожу», и на «Портрет Дориана Грея», и на «Солярис», и на пушкинскую «Сказку о золотом петушке»...

Воспроизводится, в сущности, один и тот же механизм жизни: дело в том, что жизнь никогда не «мстит», — это человек может мстить человеку. А у жизни, у мироздания никаких таких намерений нет.

А просто мы пожинаяем то, что посеяли сами. Аукаемся — и сами откликаемся: результат наших злых действий, который мы называем карой, — он всегда одного состава

ва с нашим грехом или одной структуры. Кара — не кирпич, упавший на голову, это бумеранг, возвращение нам нас же самих. Таков вот механизм.

Елизавета ГОНЧАРОВА —

ученица 11 класса ГБОУ школы № 1912 Зеленоградского округа города Москвы
Podgrushnyaya.Olga@yandex.ru

МОЙ БУНИН

Бунин вошёл в мою жизнь со стихами о красоте природы, несущей людям радость. Запомнились такие строчки:

*Она повсюду разлита, —
В лазури неба, в птичьих пеньях,
В снегах и вешнем дуновенье, —
Она везде, где красота.
И, упиваясь красотой,
Лишь в ней дыши полней и шире,
Я знаю, — всё живое в мире
Живёт в одной любви со мной.*

Позже узнала, что это ранние стихи поэта, в которых он сохранил классические традиции вопреки входящей в моду декадентской поэзии.

Мне нравится и тихая, исповедальная проза Бунина, наполненная переживаниями, особым, свойственным этому писателю психологизмом.

В тяжёлые для России годы революции его рассказы не содержат прямо выраженного социального протеста, однако они дают представление о полных драматизма судьбах людей.

В эмиграции Бунин обращается к воспоминаниям о родине. В рассказах «Косцы», «Лапти», «Далёкое» и др. он раскрывает русский национальный характер, красоту родной природы, передаёт обаяние старой Москвы.

Больше всего поразили меня «Тёмные аллеи». Каким же сложным может быть простое и в то же время загадочное чувство любви!

Рассказ «Солнечный удар»... На промежуточной станции оказались два случайных попутчика — он и она. Их любовь вначале легка и проста, как лёгкое платье незнакомки. В конце рассказа — это стихия метущегося, задыхающегося от любви человека.

Ловлю себя на том, что, как и поручик, начинаю испытывать боль, отчаяние, мне хочется исправить происходящее. Молодая женщина предназначена для него одного, а он сразу этого не понял, и теперь изменить что-то уже невозможно. Потому рассказ такой грустный, и я, читатель, прошу милосердия для поручика, но ничего не в силах изменить.

Современен ли Бунин?.. Главное, что я переживаю, читая его стихи и прозу, — это удивление: насколько гармоничен его художественный мир, настолько и противоречив. А это немало для понимания мира...

Наталья СЕЛИВЕРСТОВА —
ученица 5 класса лицея № 1502, Москва
editor2002@mail.ru

ОСЕНЬ В ЛЕСУ

Встречать осень я еду за город. Сегодня солнечный денёк. Сажусь на велосипед — и в лес! Рядом с ним озеро, в котором отражает-

ся солнце. Волны на воде как ступеньки длинной лестницы. Дунул ветерок — с деревьев срываются листья. Они кружатся, танцуют вальс, ложатся на воду. словно маленькие лодочки, плывут за солнцем.

Въезжаю в лес. Он «точно терем расписной, лиловый, золотой, багряный». Так писал о нём Иван Бунин. Хочу поискать грибы, но вокруг так красиво, что жалко нарушать эту красоту.

Поднимаю голову. Облака задают мне загадку: в большом облаке помещается поменьше, в нём — ещё меньше и совсем маленькое. Небесная матрёшка!..

На земле ковёр из листьев. Слезая с велосипеда и ворошу их ногой. Какой аромат! Последние тёплые солнечные лучи провожают лето...

Здравствуй, красавица-осень!

УРОКИ

ФИЛОНОВА Юлия Александровна —

кандидат педагогических наук, доцент кафедры русской литературы ЯГПУ им. К.Д.Ушинского
yulija-filonova@bk.ru

КРУГЛЫЙ СТОЛ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ УЧЕБНОЙ ДИСКУССИИ

Аннотация. В статье показаны дидактические требования и условия организации одной из разновидностей учебной дискуссии — круглого стола. Автор предлагает собственное определение круглого стола применительно к практике обучения литературе, представляет вариант (модель) проведения этой учебной дискуссии на вступительном занятии к изучению романа И.С.Тургенева «Отцы и дети» (обсуждение выбора пути изучения литературного произведения).

Ключевые слова: дискуссия, круглый стол, коммуникативные умения.

Abstract. The article shows the didactic requirements and conditions of organizing one of the varieties of academic debate — the “round table discussion”. The author offers the definition of the “round table discussion” with the regard to the teaching literature and offers the model of this academic debate on the introductory lesson to explore the novel “Fathers and Sons” (discussion of the choice of ways to study this novel).

Keywords: discussion, a “round table”, communication skills.

Дискуссия получила сегодня широкое распространение в обучении литературе. Однако, по словам известного дидакта М.В.Кларина¹, «использование этого вида учебной работы столь многообразно, а его название столь популярно, что им нередко обозначают самые разные способы организации учебной работы, лишь бы они включали обмен высказываниями». Как следует из анализа источников, дискуссией часто называют не просто обмен высказываниями, а *обсуждение* различных вопросов, проблем, причём эмоциональный диапазон обсуждения может быть очень широким: от «мирного», когда идеи вступающих, их точки зрения не противоречат, а дополняют друг друга, до «горячего», когда сталкиваются противоположные позиции.

Различные формы ведения дискуссии закрепились в настоящее время в таких её разновидностях, как круглый стол, заседание экспертной группы, симпозиум, дебаты, судебное заседание. Изучение методической литературы показало, что названия этих форм уроков фигурируют в массе разработок², опубликованных в некоторых педагогических издательствах (например, ВАКО) или выложенных на различных педагогических сайтах. Однако серьёзного теоретического обоснования в разработках нет, отсюда большие разночтения в понимании и организации этих видов дискуссии.

В статье мы хотим показать дидактические требования и условия организации одной из разновидностей дискуссии, а именно круглого стола, основной признак которой — равенство и сотрудничество в решении общих проблем — делает её особенно актуальной для современного мира.

Круглый стол, как и другие разновидности дискуссии, заимствован дидактикой и мето-

дикой из различных сфер профессиональной деятельности: тележурналистики, науки, менеджмента, политики. Поэтому для выяснения специфики круглого стола мы обратились к трём группам источников: 1) пособиям по теории и практике коммуникации, 2) исследованиям дидактов и методистов, 3) методическим интернет-публикациям, которые нередко отражают реальное использование технологии в современной практике обучения.

Определения, предлагаемые в теории коммуникации и в менеджменте (И.В.Алёшина³, С.О.Календжян⁴), содержат ключевые для специфики круглого стола моменты. Это указания на *равноправность* мнений / участников, *нацеленность* не только на *генерирование* и *обсуждение* идей, но и на разрешение цели дискуссии, *принятие решения*.

В дидактике нет единого определения круглого стола как разновидности учебной дискуссии. Наиболее распространённым является определение М.В.Кларина: «Круглый стол — беседа, в которой на равных участвуют небольшие группы учащихся (5 человек), которые последовательно обсуждают поставленные вопросы»⁵. К этому определению апеллируют авторы учебных пособий по современному образовательным технологиям (Г.К.Селевко⁶, А.П.Чернявская⁷ и др.).

Некоторые методисты рассматривают круглый стол как разновидность семинара с защитой научных докладов (И.А.Кислухина⁸), выстраивая учебное занятие в соответствии со сложившейся методикой: объявление темы, выступления докладчиков, вопросы к ним, научная дискуссия, что не совсем соответствует форме круглого стола.

Речевая ситуация «Литературные критики за круглым столом» на примере обсуждения рассказов В.М.Шукшина показана в книге

С.А.Леонова «Речевая деятельность на уроках литературы»⁹. Модель такой формы занятия состоит в следующем. В процессе чтения произведений школьники записывают вопросы, на которые они хотели бы получить ответы на заседании клуба. Поступившие вопросы «председатель» заблаговременно распределяет между выступающими: они включают их в контекст своих высказываний монологического или диалогического плана. Заседание готовит учащийся, избранный «председателем» «клуба литературных критиков», учитель оказывает ему помощь в планировании и отборе материала. Заседание начинается вступительным словом «председателя», объявлением программы встречи «литературных критиков», в которую входит слово о писателе, доклад на тему «Концепция человека в творчестве В.М.Шукшина», критические разборы отдельных рассказов Шукшина, подготовленные учениками. После выступления «критика» следуют вопросы аудитории, включая и других «критиков», после ответов на вопросы следует запись в «протоколе обсуждения», в котором фиксируются основные положения выступления, даётся их оценка, учитывается также качество ответов на вопросы аудитории.

Анализ публикаций в Интернете показал, что нередко статус круглого стола присваивается уроку, отличающемуся весьма разнообразным и насыщенным содержанием, но неопределённой формой. Так, урок-круглый стол на тему «Проблема интерпретации романа М.А.Булгакова “Мастер и Маргарита”» учителя Л.Е.Морозовой¹⁰ на сайте «Фестиваль педагогических идей. Открытый урок» представляет собой ряд сообщений учащихся об истории создания и публикации романа; о подходах к изучению наследия М.А.Булгакова; о понятии интерпретации в литературоведении

нии; об интерпретации романа А.Н.Барковым и А.В.Кураевым; о пространстве и времени в романе; о постановках «Мастера и Маргариты» в театре и кино. При этом докладчикам не задаются вопросы, сообщения не обсуждаются, а завершает прослушивание сообщений дискуссия по вопросам учителя. Вопросы, предлагаемые для обсуждения (приведём их полностью), не соответствуют темам сообщений, перечисленным выше:

1. Кто главный герой романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита»?
2. Какова роль Воланда в романе?
3. Какие человеческие качества осуждаются в романе?
4. Какие проблемы, поднятые в романе, вы считаете актуальными сегодня?
5. В чём, на ваш взгляд, причины неугасающего интереса к роману М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита»?
6. Чем интересен лично вам роман М.А.Булгакова?
7. Чем объяснить существование множества различных интерпретаций романа?

Как видим, в уроке соединяются элементы вступительного занятия в форме беседы по вопросам, проверяющим знание текста, по актуальным вопросам проблематики романа и элементы семинара в форме слушания докладов и сообщений, который мог бы стать заключительным занятием (полагаем, что вопросы интерпретации романа в литературоведении и в различных сферах искусства должны обсуждаться после анализа произведения в классе, а не до него).

Изучение источников побудило нас к созданию собственного рабочего определения круглого стола, учитывающего специфику этой разновидности дискуссии. Исходной для нас является дефиниция М.В.Кларина, учитывающая принцип равноправности участников. Считаю необходимым внести некоторые изменения и дополнения в определение понятия круглого стола применительно к методике преподавания литературы. Предлагаемое нами определение выглядит следующим образом: *«Круглый стол — это разновидность учебной дискуссии, проводимой в форме дидактической игры, имитирующей заседание равноправных участников с целью генерирования, обсуждения проблем и принятия решений в какой-либо сфере профессиональной деятельности и направленной на решение задач реальной школьной практики».*

Как дидактическая игра это учебное занятие должно строиться с соблюдением всех рамочных (внешних) условий: размещением за круглым столом (или близким к форме круга размещением школьников в классе), чтобы каждый участник имел возможность зрительного контакта с другим участником, расположение ведущего вместе с участниками.

На каких же этапах изучения произведения и в каких учебных ситуациях круглый стол может стать оптимальной формой проведения дискуссии?

Полагаем, что генерирование, обсуждение идей и принятие решений необходимо:

— на вступительном занятии для совместной корректировки предложенной учителем системы уроков изучения произведения с целью повышения внутренней мотивации к работе над произведением;

— на уроках анализа текста в рамках работы над учебным проектом для координации действий различных групп участников;

— на заключительном этапе изучения литературной темы при обсуждении интерпретаций произведения в различных видах искусства.

Круглый стол возможен при изучении:

— теории литературы, когда необходимо рассмотреть различные взгляды на сложное теоретико-литературное понятие, например: «Жанр “Слова о полку Игореве”» (ученики готовят сообщения о чертах воинской повести, “Слова...” как жанра торжественного красноречия, песни, героической поэмы, былины, присущих памятнику древнерусской литературы); «Роман А.С.Пушкина “Евгений Онегин” — “энциклопедия русской жизни”», «Система двойников в романе Ф.М.Достоевского “Преступление и наказание”»;

— литературной критики, когда мнения критиков не являются противоположными (в этом случае больше подходит дебаты), а позволяют взглянуть на произведение с различных, взаимодополняющих точек зрения, например «Роман И.А.Гончарова “Обломов” в критике» (А.В.Дружинин, А.А.Григорьев, Д.И.Писарев во многом солидарны в оценках романа, их высказывания, дополняя друг друга, выявляют многомерность содержания произведения, тогда как в оценке Н.А.Добролюбова герой становится одномерным);

— при обсуждении системы уроков внеклассного чтения в году;

— при обсуждении произведений, которые можно использовать для аргументации своих мыслей в процессе подготовки к итоговому сочинению.

При этом в зависимости от целей урока круглый стол может выступать и как форма занятия, и как его структурный элемент на одном из этапов.

Рассмотрим требования к основным содержательным и структурным компонентам круглого стола.

Тема (предмет обсуждения) должна быть актуальной и значимой для всех участников. Тема должна быть крупной, подразумевать деление на подтемы, чтобы можно было разделить обсуждение на ряд вопросов и организовать работу микрогрупп или индивидуальную деятельность учащихся.

Участники в соответствии с ситуацией учебной игры могут как выполнять свою обычную роль (учащиеся), так и принимать роли представителей различных сфер деятельности: литературоведов, литературных критиков, историков, культурологов и т. п.

Ведущий — обязательная фигура круглого стола. Роль ведущего состоит в том, что он одновременно и равноправный участник обсуждения (обязан высказываться в процессе обсуждения, как и все присутствующие, но его мнение не является решающим),

и руководитель обсуждения, который направляет ход дискуссии, ведёт её к цели, представляет слово, обобщает мнения, фиксирует проблемы и предложения по их решению.

На этапе знакомства с техникой проведения круглого стола роль ведущего может исполнять учитель. Затем ведущий может выбираться из числа учеников. Если дискуссия проводится регулярно, многие ученики смогут попробовать себя в этой роли.

Сценарий (ход) круглого стола как учебной дискуссии

1. Приветствие, вступительное слово ведущего.

2. Объявление темы.

3. Выступления групп или индивидуальных докладчиков.

4. Отличие круглого стола от других разновидностей дискуссии состоит в том, что после выступления каждой группы или индивидуального участника, а также в завершение всех выступлений должно следовать обсуждение вариантов предлагаемых решений проблемы. Для выбора оптимального, устраивающего всех решения учёные предлагают использовать метод «плюс / минус», суть которого состоит в том, что участники должны совместно назвать аргументы за, а затем против. Положительные и отрицательные аргументы могут фиксироваться на доске или на стенде.

Удачным приёмом нам представляется и ведение протокола круглого стола (как было предложено С.А.Леоновым) для фиксации результатов докладов и обсуждения.

5. Если круглый стол предполагает разработку решения, то оно может приниматься путём голосования. При проведении круглого стола с целью информирования решением может стать аргументированная оценка мнений критиков и литературоведов либо классификация этих мнений. В этом случае голосование не проводится.

На уроке знакомства с технологией проведения круглого стола ученики получают памятку-инструкцию, которая содержит определение, описание содержательных и структурных компонентов этой разновидности дискуссии. Содержание такого урока должно включать и слово учителя об идее круглого стола, зародившейся в Средневековье (см. Приложение к статье).

Основой подготовки к проведению круглого стола является домашнее задание. Оно включает тему заседания, конкретные задания микрогруппам: подготовка доклада, сообщения, презентации и т. п. Участники должны представить своё видение проблемы, мнения о том, что высказываться на уроке должен каждый (в группе или при обсуждении на уровне всего класса).

Обобщая дидактические требования к организации занятия в форме круглого стола, предлагаем вариант (модель) проведения этой учебной дискуссии на вступительном занятии к изучению романа И.С.Тургенева «Отцы и дети» (обсуждение выбора пути изучения литературного произведения).

К 10 классу учащиеся овладевают общей схемой филологического анализа текста,

разработанной А.П. Скафтымовым, Н.А. Николиной и другими учёными, и способны выбрать тот элемент анализа, который представляется им наиболее показательным, значимым, подчинив ему другие элементы:

1. Жанр.
2. Сюжет и композиция.
3. Проблематика.
4. Система образов.
5. Художественное пространство и время.
6. Интертекстуальные связи.

Выяснение первоначального читательского восприятия требует, чтобы учащиеся указали тот элемент, который привлёк внимание, показался интересным, или, напротив, вызвал вопросы, непонимание.

Домашнее задание к уроку будет включать подготовку развёрнутого доказательно-выступления на тему: какой элемент произведения показался наиболее интересным для изучения и может быть положен в основу системы уроков, а какие рассматривать в зависимости от него. Аргументы записать в тетради, чтобы поделиться ими в классе.

На уроке учащиеся объединяются в группы по принципу выбранного для анализа элемента или могут излагать своё мнение индивидуально, если другие учащиеся это мнение не поддерживают.

Учитель может выступать в роли ведущего. Его задача как равноправного участника — сообщить о требованиях программы к изучению произведения, о количестве уроков, которое можно отвести на изучение.

Учителю (или сильному ученику) необходимо подготовить обзор статей учебника, чтобы показать, на какой путь изучения ориентируют авторы.

При обсуждении пути изучения романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» десятиклассники подготовили следующие выступления.

1-я группа. В основу должна быть положена **система образов**.

Главный герой романа сразу привлекает к себе внимание и вызывает больше всего вопросов, поэтому необходимо выстроить изучение романа вокруг образа Базарова. Интересно рассмотреть образ Базарова в соотношении с другими героями по общей модели «**Базаров и...**» в той последовательности, как они появляются по ходу развития действия, например Базаров и Кирсановы, Базаров и Одинцова, Базаров и его родители, Базаров и его последователи: Аркадий, Ситников, Кукшина. Хотелось бы разобраться, действительно ли Базаров не зависит ни от кого и ни от чего, не считается ни с кем, отрицает любые отношения, в которых он не занимал бы лидирующую позицию.

Вопросы и замечания, высказанные при обсуждении

В целом предложение группы было одобрено, но высказано пожелание разделить, классифицировать персонажей в соответствии с названием романа: «отцы» и «дети» не только как старшее и младшее поколения, но и как две противоположные общественные силы.

2-я группа. В основу должны быть положены **сюжет и композиция**.

Сюжет романа связан с разнообразными конфликтами: столкновениями, поединками, испытаниями. Мы выделили следующие поединки (дуэли), через которые проходит герой: словесная дуэль (спор) с Павлом Петровичем по идеологическим и мировоззренческим вопросам; настоящий поединок с Павлом Петровичем из-за Фенечки; поединком можно назвать отношения Базарова с Одинцовой; отношения с Аркадием — тоже испытание для героя, они конфликтны, особенно в конце романа. Поэтому предлагаем рассмотреть «дуэли» Базарова с различными персонажами романа, выяснить, одерживает ли он в них победы или оказывается побеждённым, например: «Поединок Базарова и П.П. Кирсанова», «Поединок Базарова и Одинцовой», «Поединок с Аркадием».

Вопросы и замечания при обсуждении

Ученики отметили близость тем уроков с предложением первой группы, что позволило бы объединить изучение системы образов с изучением сюжета и композиции, но указали, что нельзя в качестве темы урока брать формулировку «Поединок Базарова и Одинцовой», потому что даже для Базарова нелегко поединок с женщиной.

3-я группа. В основу должны быть положены **художественное пространство и время**.

Мы обратили внимание, что действие как бы проходит по кругу: герои посещают одни и те же места: Марьино, имение родителей Базарова, Никольское. Зачем автору необходимо дважды провести героев по этим местам? Это нужно учесть при планировании. Большое значение для Тургенева имеет не только внешнее пространство — усадьбы, крестьянские дворы, но и внутренняя атмосфера дома: уютная, семейная, или холодная, бессемейная. Считаем, что анализ системы образов следует дополнить этим аспектом.

4-я группа. В основу должна быть положена **проблематика**.

Название романа заставило нас предположить, что два аспекта проблем будут важнейшими: 1) политические / социальные: «отцы» и «дети» как два общественных лагеря со своими установками; 2) семейные, связанные с конфликтом поколений внутри семьи, отсюда связь с психологией. Хотелось бы выяснить:

— что же всё-таки важнее для автора: изображение одного из переломных моментов в истории России, нового героя времени или истории любви, жизнь семьи;

— влияют ли социальные, политические взгляды героя на его отношение к семейной жизни, его положение в семье.

Вопросы и замечания при обсуждении

Проблематика романа шире, чем только вопросы семьи или политики. Роман можно назвать любовным, большое место отводится историям любви каждого из героев. Поэтому нужно ответить на вопрос, связаны ли у Тургенева любовь и семья, как понимают любовь автор и герои романа. Кроме того, есть в романе и философские проблемы, например проблемы жизни и смерти, смерти и бес-

смертия (можно ли считать поединком со смертью последнее испытание Базарова?) или проблемы вечности и сиюминутности, злободневности: Базаров — вечный тип или герой определённой эпохи, который забывается, как только пройдёт его время?

Сообщение учителя

На изучение романа можем отвести 9 уроков. Программа (при составлении рабочей программы опирались на требования Стандарта 2004 г.) требует рассмотреть следующие вопросы: «Отражение в романе общественно-политической ситуации в России. Сюжет, композиция, система образов романа. Роль Базарова в развитии основного конфликта. Черты личности, мировоззрение Базарова. «Отцы» в романе: братья Кирсановы, родители Базарова. Базаров и его мнимые последователи. Тема народа в романе. Смысл названия романа. Смысл финала. «Вечные» темы в романе (природа, любовь, искусство). Авторская позиция и способы её выражения. Своеобразие жанра. «Тайный психологизм»: художественная функция портрета, интерьера, пейзажа; приём умолчания. Базаров в ряду других образов русской литературы. Полемика вокруг романа».

Сообщение-обзор статей учебника (Сухих И.Н. Литература. 10 класс. Ч. 2)¹¹.

В первой статье автор учебника уделяет внимание эпохе, изображённой в романе. Во главу угла поставлен образ Базарова: статья «Герой времени: нигилист как философ» занимает основное место. Также уделено внимание испытаниям, через которые проводит героя Тургенев («Три испытания: дуэль, любовь, смерть») и системе образов романа, включая пародийные образы второстепенных персонажей: Ситникова и Кукшиной. Таким образом, учебник предлагает оттолкнуться от социальной проблематики, но ведущее значение имеет система образов, и прежде всего образ Базарова.

Решение. За основу возьмём систему испытаний героя, именно в них проявляется изменение его характера. В этих испытаниях происходит его взаимодействие с другими персонажами произведения, поэтому анализ образов будет включён в анализ сюжета.

1-й урок. Базаров и Кирсановы: назревание конфликта.

2-й урок. Испытание вражды: идеологическая полемика / непримиримые споры.

3-й урок. Испытание любовью. Базаров и Одинцова.

4-й урок. Можно ли родительскую любовь считать испытанием?

5-й урок. Почему дружбу с Аркадием и отношения с пародийными персонажами романа можно считать для Базарова испытанием?

6-й урок. Второй круг испытаний. Поединок с Павлом Петровичем.

7-й урок. Испытание смертью.

8-й урок. Путь испытаний Базарова в оценках критиков XIX века и литературоведческих работах XX века.

9-й урок. Обучающее сочинение.

Таким образом, дискуссия в виде круглого стола позволяет:

— формировать коммуникативные умения: слушать и понимать смысл сказанного, выделять суть (ведение протокола), задавать вопросы, высказываться, подбирая аргументы, принимать совместные решения, соглашаться с убедительными доводами / менять свою точку зрения;

— совершенствовать умения вести полноценный диалог с писателем, критиками и литературоведами, автором учебника, учителем, одноклассниками;

— решать задачи повышения мотивации к изучению произведения, поскольку система уроков выстроена и принята осмысленно самими учениками (в данной конкретной учебной ситуации).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Примерное содержание слова учителя «История круглого стола».

Идея Круглого стола восходит к легендам о короле Артуре (вспомните роман Т.Х.Уайта «Свеча на ветру», фильм «Первый рыцарь» (реж. Джерри Цукер, 1995), созданный по одноимённому роману британской писательницы Элизабет Чедвик, и легендам о Ланселоте. При своём дворе в Камелоте Артур собрал самых храбрых и преданных рыцарей королевства — Ланселота, Гавейна, Галахда, Персиваля и многих других. Разные источники указывают, что общее число рыцарей доходило до 100 человек. Отмечается, что Джиневра (супруга короля) подала Артуру идею изготовить для заседаний рыцарей Круглый стол, чтобы никто не чувствовал

себя ни первым, ни последним и все были равны между собой и перед королём.

Символика Круглого стола заключалась в том, что никто не мог сидеть во главе его, иными словами, все люди оказывались в равном положении. Рыцари короля Артура встречались как равные: ни один из них не претендовал на какую-либо исключительность. Эта концепция отражала средневековое понимание равного статуса и стабильности. Рыцари составляли костяк войска любого монарха, обеспечивали безопасность королевства. По традиции они сидели за одним столом во время пиршества, празднеств и собраний, и, естественно, ссоры и драки возникали из-за мест, расположенных ближе к сеньору. Круглый стол оказался весьма мудрым изобретением, поскольку за ним все сразу становились равными друг перед другом.

Круглый стол, никому не дающий превосходства или преимущества, и сегодня имеет немаловажное символическое значение. Круглые столы используются в парламентах и на мирных переговорах при разрешении трудных ситуаций и проблем. Идея Круглого стола, пришедшая к нам из легенд, твёрдо укоренилась в психологии современного мира. Она означает справедливость, равенство и сотрудничество в преодолении общих проблем — очень полезный инструмент достижения заветной цели.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ КЛАРИН М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии (Анализ зарубежного опыта). — Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. — С. 127.

² АБДУЛИНА Л.И., БУДНИКОВА Н.Н., ПОЛТОРЖИЦКАЯ Г.И. Нетрадиционные уроки литературы. — М.: Вако, 2011.

³ АЛЁШИНА И.В. Паблик Рилейнз для менеджеров. Учебник. — М.: ИКФ «ЭКМОС» 2004. — С. 341.

⁴ КАЛЕНДЖЯН С.О. Техника ведения беседы за круглым столом как средство руководства // http://www.elitarium.ru/tekhnika_vedenija_besedy/

⁵ КЛАРИН М.В. Инновации в мировой педагогике: обучение на основе исследования, игры и дискуссии (Анализ зарубежного опыта). — Рига: НПЦ «Эксперимент», 1995. — С. 127.

⁶ СЕЛЕВКО Г.К. Энциклопедия образовательных технологий. — М., 2006.

⁷ ЧЕРНЯВСКАЯ А.П. Технологии педагогической деятельности / Под общ. ред. А.П.Чернявской, Л.В.Байбородовой. — Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. — Ч. I. Образовательные технологии: учебное пособие.

⁸ КИСЛУХИНА И.А. Методика проведения круглого стола // Руководство к выполнению контрольных работ и подготовке к экзамену по дисциплине «Управление качеством» для студентов заочной формы обучения специальности 080500 «Менеджмент». — Ханты-Мансийск, 2007.

⁹ ЛЕОНОВ С.А. Речевая деятельность на уроках литературы в старших классах. — М.: Флинта, Наука, 1999. — С. 93—96.

¹⁰ МОРОЗОВА Л.Е. Урок-круглый стол по литературе на тему «Проблема интерпретации романа М.А.Булгакова «Мастер и Маргарита» / <http://festival.1september.ru/authors>

¹¹ СУХИХ И.Н. Литература. 10 класс: В 2 ч. — М., 2013. — Ч. 2. — С. 21—45.

ОВОДЕНКО Юлия Васильевна —

учитель русского языка и литературы СОШ № 31 г. Ярославля
ovodenko1961@mail.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ РАССКАЗА ЮРИЯ ЯКОВЛЕВА «ТЯЖЁЛАЯ КРОВЬ»

VIII КЛАСС

Аннотация. Автор статьи помогает учащимся постичь тайны художественного мира Ю.Яковлева через осмысление роли приёмов психологического анализа: повторов, диалога, символической детали, внутреннего монолога, антитезы. Такое чтение приближает читательское восприятие произведения к духовному прозрению.

Ключевые слова: война, духовные ценности, нравственный выбор героев, психологический анализ, экспрессия диалогов, символическая деталь, внутренний монолог, авторский замысел.

Abstract. The author helps students to comprehend the mysteries of the art world of Y. Yakovlev through the understanding the role of psychological analysis techniques: repetition, dialogue, symbolic details, interior monologue, antithesis — an unusually expressive artistic world of the writer — a reflection of the deep spiritual and moral strength of his story. The author uses both forms of psychology: open and indirect, which further enhances the reader's perception of the product, such spiritual insight.

Keywords: author's intent, spiritual values, moral choice, psychology.

*Старое зеркало тайны хранит,
Только ему доверяю сомненья,
Рана в душе не проходит, болит...
Ю.Оводенко*

Тема Великой Отечественной войны — одна из важнейших тем современной прозы. Исковерканные судьбы людей, неутрачаю-

щая боль утрат, великое мужество и стойкость защитников Родины — всё это находит талантливое художественное воплощение в творчестве многих писателей.

На уроке внеклассного чтения в восьмом классе я предлагаю обратиться к очень глубокому и интересному с психологической точки зрения рассказу Юрия Яковлева «Тяжёлая кровь».

Задача словесника — расширить представления своих питомцев о трагедии военного времени, о страшных, неизлечимых ранах в душах людей, которые нанёс им фашизм. По выражению Н.Г.Чернышевского, произведения искусства могут иметь значение приговора явлениям жизни. Писатель-гуманист Юрий Яковлев в своём проникнутом болью страшной потери произведении

рассказывает трагическую историю матери, потерявшей единственного сына, заставляя читателя содрогнуться от ощущения полной безысходности одинокой души. Эта неутраченная боль уже много лет живёт в сердце матери, терзая её неразрешимыми вопросами. Но дело не только в «прямом приговоре» тем или иным явлениям жизни, отражённым в рассказе, дело в том, что каждое талантливое произведение утверждает в сознании читателей определённую систему ценностей.

Важнейшая функция рассказа Ю.Яковлева — воспитательная. Такие произведения формируют личность человека, влияя на его идеалы, учат сопереживать, чувствовать чужую боль. Общение с талантливым произведением искусства похоже на общение с мудрым человеком. Авторская манера Яковлева лишена менторства, поучительности; казалось бы, никаких жизненных правил он не преподаёт своему читателю, но невольно чувствуешь себя познавшим важные жизненные истины.

Героине рассказа предстоит сделать самый важный и трагический выбор в своей жизни: спасти собственного сына, но отречься от других мальчишек, своих учеников. Этот выбор страшен, поэтому всю последующую жизнь героиня мучается противоречиями, недосказанностью, невыносимой душевной болью. Погибают все юноши — и в этом трагическая несправедливость войны. День, когда героиня во имя высшей справедливости обрекает сына на смерть, становится её вечным крестом, её распятием: «Этот день неизмеримо больше всех остальных, он стоит за моей спиной, прирос к моей спине, как тяжёлый уродливый горб...» [3, с. 20]. «И снова — в который раз! — я напряжённо всматриваюсь в глаза сына и силюсь прочесть, что застыло в них: горькое недоумение или понимание, упрёк или прощение?» [3, с. 20].

Рассказ потрясает читателя необыкновенной экспрессией чувства. Противоречия буквально раздирают героиню, предчувствия сжимают сердце: «В нём что-то созревало. Проходила какая-то скрытая работа. Что-то погибало, что-то рождалось. Он готовил себя к страшному и неизбежному» [3, с. 21].

Это произведение интересно с художественной точки зрения. Особое место в понимании авторского замысла занимает композиция. Повтор — один из самых простых и в то же время действенных приёмов композиции. Он позволяет легко и естественно «закольцевать» произведение, придать ему композиционную стройность. Речь идёт о кольцевой композиции, когда устанавливается смысловая, психологическая переключка, несущая в себе особый художественный смысл. «У нас с сыном глаза серые, с едва заметными крапинками...» [3, с. 20]. «Глаза сына смотрят на меня, хотя самого его давно нет рядом. И вот уже сколько лет я всматриваюсь в

них, хочу прочесть ответ на вопрос, мучающий меня всю жизнь, начиная с того далёкого страшного дня», — это начало рассказа [3, с. 20], а вот конец: «Я подхожу к зеркалу — глаза сына смотрят на меня виновато. Я надеялась увидеть его глаза, а увидела свои» [3, с. 26]. Глаза матери и сына наполнены одним чувством, одной правдой.

Повтор как композиционный приём ходит на страницах рассказа ещё одно интересное воплощение в двух встречах матери и немецкого коменданта Мейера. Во время первой встречи убитая горем мать просит коменданта помириться с её сыном, её любимого мальчика. Мейер разрешает героине забрать сына, для него ничего не значит это решение, так, пустяки, он немного растроган воспоминаниями о собственной матери. Но когда мать-учительница видит рядом с сыном своих учеников, она не в силах сделать выбор; кроме того, она понимает, что её сын никогда не предаст друзей. Вторая встреча героини и коменданта Мейера — торжество духа и настоящего мужества женщины-матери на фоне слабости и малодушия врага.

Особое значение в рассказе имеет диалог как ярчайший приём психологического анализа. Диалог становится настоящим смысловым ключом к пониманию поступков героев. Реплики героев у Яковлева лаконичны, точны, афористически образны. «Видимо, у человека есть высшая воля, которая не слушается ни страха, ни разума» [3, с. 22], — так говорит сын перед своим главным поступком в жизни — сожжением лесопилки.

Скрытый психологизм представлен в рассказе символической деталью. Сапог коменданта, в котором он чувствует гвоздь, гвоздь несуществующий — символ вероломства, безнравственности тех, кто топчет чужую землю, посягает на святыни.

Для художественной манеры Яковлева свойственно слияние авторской речи и яркого экспрессивного внутреннего монолога героини, который подобен внезапному взрыву неудержимого чувства: «На меня нашло материнское ослепление. Никого вокруг не существовало. Только мой сын. И для того, чтобы он был, я готова на любой поступок. Пропала гордость, обязанность перед близкими людьми, только бы он жил». А через две страницы текста — пронзительная осознание своей неправоты, сильнейшая психологическая антитеза: «По сердцу рванула мысль: я нахожусь на грани страшного предательства. Предаю его, и Кириюшу, и Дубка, и осиротевшего Мишу. Куда тяжелее расставаться с жизнью, если тебя предал близкий человек».

Анализ проблематики произведения — один из наиболее интересных и увлекательных моментов литературоведческого анализа. Именно здесь открываются возможности живого, эмоцио-

нального восприятия художественного произведения, возможность свободного диалога с автором, возможность проявить собственную позицию. Спорить с автором, опровергать его или, наоборот, видеть в нём союзника, единомышленника можно, лишь установив подлинный смысл его творений.

Предлагаю систему вопросов к уроку по рассказу Ю.Я.Яковлева «Тяжёлая кровь», надеюсь, что они помогут учителю достаточно глубоко и всесторонне обсудить со своими питомцами это интереснейшее произведение.

1. Докажите или опровергните высказывание критика, назвавшего рассказ Ю.Яковлева бетховенской музыкой войны.

2. Какие чувства и переживания вызвал у вас рассказ?

3. В чём особенности композиции произведения и как она связана с авторским замыслом?

4. Найдите в первом же диалоге матери и сына фразу героини, в которой заключена основная мысль рассказа.

5. Докажите, что диалог в рассказе становится одной из важнейших форм психологического анализа.

6. Каково душевное состояние сына героини? Найдите в тексте его высказывания и подтвердите свои суждения текстом.

7. Найдите в тексте произведения строки о предчувствии матери. Оправдались ли они?

8. В чём смысл названия рассказа? Докажите свои версии.

9. Как вы понимаете выражение героини в диалоге с немецким комендантом: «На меня нашло материнское ослепление...»?

10. Зачем в рассказ включены предстории учеников героини? Как связан этот композиционный приём с воплощением авторского замысла?

11. Какой нравственный выбор делают мать и сын, как вы оцениваете его? В каких ещё произведениях современной прозы этот выбор стоит так же остро?

12. Почему повествование в рассказе ведётся от первого лица?

13. Считаете ли вы тему войны актуальной в наши дни?

14. Представьте себя соавторами Ю.Яковлева. Что бы мог сказать сын своей матери в последнюю минуту своей недолгой жизни?

ЛИТЕРАТУРА

1. ЕРЁМИНА Т.Я. Педагогические мастерские: инновационные технологии на уроках литературы. — М.: Просвещение, 2013.

2. ЕСИН А.Б. Принципы и приёмы анализа литературного произведения. — М.: Наука, 2013.

3. ЯКОВЛЕВ Ю.Я. Рассказы. — М., 1985.

ЧУПКОВА Ольга Владимировна —

учитель русского языка и литературы МОУ СОШ № 5 г. Серпухова
monika6455@yandex.ru

«ОБЫКНОВЕННОЕ ЧУДО» Е. ШВАРЦА X КЛАСС

Аннотация. В ходе углублённого анализа сказки ученики постигают драматическое произведение Е. Шварца и знакомятся с понятием «сказка для взрослых».

Ключевые слова: авторская сказка, фольклор, эпитет, антитеза, сравнение, добро и зло.

Abstract. During the in-depth analysis of the fairy tale students perceive the dramatic work of E. Schwartz and get acquainted with the concept of "a fairy tale for adults".

Keywords: author's fairy tale, folklore, epithet, antithesis, comparison, good and evil.

*Любите друг друга, да всех нас
заодно, не остывайте, не отступайте —
и вы будете так счастливы,
что это просто чудо.*

Е. Шварц

Сказки — это часть нашей повседневной жизни, они сопровождают нас с самого детства и помогают ребёнку познать жизнь. Но не менее интересными и познавательными могут стать и сказки для взрослых, особенно сказочные пьесы. В основной школе, к сожалению, мало внимания уделяется драматургии, поэтому учащимся сложно анализировать пьесы. Особого внимания на уроках внеклассного чтения в 10 классе заслуживает творчество Е. Шварца. Многие дети с удивлением узнают, что знакомы с произведениями драматурга ещё с раннего детства.

Несмотря на то что драматург часто использовал готовые сказочные сюжеты, его герои оригинальны и неповторимы. Погружаясь в мир сказочных пьес, по-новому узнаёшь знакомых с детства героев. Все персонажи Шварца, несмотря на своё сказочное происхождение, имеют реальную основу в современном ему обществе, ведь подлинный художник всегда изображает реальность, даже в сказке. Сказки Шварца написаны для взрослых, которые в глубине души не перестали быть детьми и по-прежнему верят в чудо, которое у писателя часто становится рукотворным. Аннунцианта, героиня пьесы «Тень», говорит учёному, что «взрослые — осторожный народ. Они прекрасно знают, что многие сказки кончаются печально». Творчество драматурга заставляет задуматься о том, что больше всего несчастий себе приносит сам человек, поступая неправильно. Счастье нужно завоёвывать и создавать самому — вот основная идея каждой сказочной пьесы Шварца.

Для постижения смысла пьес-сказок важно предложить ученикам обратить внимание на то, что Шварц редко использует последовательное течение сюжета. Если в сказках сюжет построен по следующей схеме: *задание (цель) — исполнение — предупреждение (запрет) — нарушение — расплата — преодоление*, то в пьесах Шварца действие начинается именно с предупреждения и нарушения запрета. Тем самым драматизм событий сразу доведён до высшей точки. Определённую сложность вызывает и прочтение пьес, ученикам непросто работать с текстами, в которых отсутствует описание и авторская оцен-

ка. Поэтому важно составить определённый алгоритм работы с пьесой:

1. Работа с афишей (в сказках Шварца, как правило, мало имён, его основные герои именуются по сфере их деятельности, многие характеры типичны).

2. Работа с эпиграфом (к сказкам драматурга, как правило, предпослан эпиграф из эпического источника, но не всегда события развиваются в соответствии с эпиграфом).

3. Работа с прологом, в котором рассказчик или герой, исполняющий роль рассказчика, может выступить с небольшим рассуждением о смысле пьесы перед развитием основного действия; таким образом, пролог является завязкой сказочной пьесы.

4. Подборка цитат по ходу чтения, которые характеризуют героев пьесы.

5. Составление плана сказки.

6. Анализ сказки. Постигание образов героев.

Итак, путешествие в сказочный мир Е. Шварца лучше всего начать с изучения его замечательной сказки «Обыкновенное чудо», в которой автор охарактеризовал обычных людей, используя сказочные маски. Эпиграф к уроку — фраза Хозяина: «Мне захотелось поговорить с тобой о любви».

Для раскрытия основной идеи пьесы важен пролог, в котором выступает рассуждающий человек. Он рассказывает своего рода сказку о сказке: «Сказка рассказывает не для того, чтобы скрыть, а для того, чтобы открыть, сказать во всю силу, во весь голос то, что думаешь», — это перифраз традиционной присказки: «Сказка — ложь, да в ней намёк, добрым молодцам — урок». Таким образом, автор подчёркивает преемственность своего сказочного замысла. Герои современные, но истины, которые они несут, незыблемы. Пролог — своего рода предложение войти в сказку и не только самостоятельно оценить каждого персонажа, но и узнать, чем закончится история любви медведя и принцессы. Далее снова перифраз фольклорного мотива: «Это ещё не сказка, сказка будет впереди». Таким образом, перед нами сказка, призванная воспитанию наших чувств. В конце урока необходимо дать определение слову «чудо».

Предварительно можно предложить ученикам дома подобрать сказки, в которых встречаются образы героев пьесы, заполнить схему и попытаться определить основной конфликт пьесы (табл.).

Перед нами сказочная реальность, которая, кажется, ничем не отличается от обычной жизни. Где же человек попадает в сказку, что стало с Лукоморьем и зелёным дубом в пьесе Шварца? С детства мы представляем необыкновенный остров, где раскинул ветви могучий дуб, а кот рассказывает сказки всем желающим. Как правило, сказка рассказывается от третьего лица, которое всё же каким-то образом участвовало в событиях. Но иная пьеса-сказка получилась у Шварца: вовсе не Лукоморье правит сказочной реальностью, всем в мире заправляет загадочный волшебник, уставший искать в людях хорошее, потому он всячески чинит препятствия истинной любви, которая, по его мнению, обязательно должна победить, а если нет, значит, люди стали хуже, потому и недостойны счастья. У Шварца реальный мир соприкасается со сказкой, ведь волшебник живёт не в сказочном тридевятом царстве, а где-то в Карпатских горах. Хотя свита короля и прибыла к нему из-за тридевяти земель, всё-таки сказочное пространство отсутствует, перед нами реальные декорации. Образ рассказчика в фольклорных сказках обычно отсутствует, как и оценочность событий, в отличие от сказок Шварца, где чётко расставлены герои, которые отлично говорят сами за себя. Но всё-таки все «современные» герои по-прежнему ищут счастья, дружбы и любви.

Первые герои, с которыми знакомятся читатели, — это *Хозяин и Хозяйка*, которые являются хранителями определённых знаний, традиций, именно они становятся катализатором действий остальных героев.

Как правило, ученики сравнивают Хозяина с волшебником Мерлином, который не только программирует судьбы своих подопечных, но и сам находится во власти рока из-за нежных чувств к жене, хотя ему известно (ведь он волшебник), что подопечные в будущем обязательно принесут ему печаль. Характеризуя его высказывание: «Но просит душа чего-нибудь этакое... волшебного». Хозяин распоряжается не только своим домом, но и судьбами других людей, словно в его руках марионетки. Он не ждёт от других хорошего, но в глубине души рассчитывает на это. Хозяин верит в силу чуда и поступка, но при этом человек должен обязательно принять решение, совершить поступок, только в этом случае он может раскрыться полностью. Волшебник тоже испытывает страх — он боится потерять любимую жену, которая не бессмертна, как

он: «Мне предстоит пережить тебя и затосковать навеки». Микроконфликт образа Хозяина проявляет себя в словах: «Иногда пошалишь, а потом всё исправишь. А иной раз щёлк — и нет пути назад!». Этот образ олицетворяет немолитворность рока и силу провидения, которая, впрочем, часто склоняется перед силой поступка отважного человека.

Образ Хозяйки пришёл из бытовых сказок, ведь у неё нет волшебных способностей, наоборот, подчёркивается, что она обыкновенная женщина, но у неё необыкновенный муж. Её можно назвать Хозяйкой Медной горы, неслучайно она вместе с мужем живёт где-то в Карпатских горах, которые овеяны чудесами. Хозяйка любит мужа, но боится его волшебной силы. Возможности жить обычной жизнью у Хозяйки нет, потому что необычны обстоятельства, предлагаемые заскучавшим волшебником. Микроконфликт становится нежелание Хозяйки видеть, что её муж волшебник: «Кто обещал исправиться? Кто обещал жить как все?»

Медведь — герой, который является произведением волшебника, семь лет назад он был зверем, а стал человеком, благодаря напряжённой работе. Но воля его пока не сильна, потому что он не может стать независимым от Хозяина, который держит его во власти заклятия. Медведь говорит, что у волшебника золотые руки («Из живого сделай ещё более живого. Вот это работа!»), то есть настоящий человек — это рукотворное создание! Медведя можно сравнить с Иванушкой из сказки «Морозко» или с принцем из сказки «Беляночка и Розочка», но принципиальная новизна образа в том, что медведь стал человеком, чтобы научиться жить, в отличие от людей, ставших животными, чтобы осознать свою неправоту. «Быть настоящим человеком очень нелегко», — говорит он о себе. Медведь много учился, путешествовал, но пока не полюбил и не поставил другого человека выше себя, он не может говорить о том, что он человек. Юноша очень боится утратить свою человечность, нарушив запрет, который наложил на него волшебник, — поцелуй принцессы. Снова перевёрнутая сказка: принц разбудил спящую красавицу поцелуем, Иван-царевич превратил лягушку в царевну, — таким образом, герои стали собой, потому что Медведю суждено стать собой — зверем. «Когда какая-нибудь первая попавшаяся принцесса меня полюбит и поцелует — я разом превращусь в зверя и убегу в мои родные горы». Итак, Медведь оторван от привычных условий жизни, он презирает принцесс, которые, по его мнению, заносчивы и капризны, потому не способны любить по-настоящему, поэтому юноша не верит в любовь. Медведь изо всех сил хочет стать лучше: «Мне казалось, что человеку жить очень трудно, и я со-

всем загрустил. И тогда я стал учиться». Ведь узнать о жизни больше — значит приблизиться к людям, стать частью общества. Но Медведь одинок, потому что нет рядом любящего человека. Принцесса стала для Медведя олицетворением красоты, нежности и незащитности: «Я влюбился и был счастлив. Недолго, но зато как никогда в жизни», — говорит медведь о встрече с ней. Медведю нелегко, ведь страх утратить себя и навредить любимой не оставляет его, потому он убегает: «Увидев, что я медведь, она меня сразу разлюбит». Медведь понимает, что его любовь непреодолима: «Рано или поздно — я разыщу принцессу, поцелую её и превращусь в медведя». Юноша просит охотника следить за ним, чтобы убить прежде, чем он навредит принцессе. Медведь готов на самопожертвование ради исполнения мечты, целый год он пытается найти принцессу, дорогу к которой заколдовал волшебник. Медведь поставил возлюбленную выше собственных страхов, потому побеждает заклятье. «Любовь так переплывила его, что не стать ему больше медведем». Только благодаря любви человек становится лучше, даже если он когда-то был зверем. Микроконфликт образа выражен в словах: «Что я делаю! Я погублю её и себя!»

Король — образ, который встречается практически во всех сказках и чаще всего наделён отрицательными чертами. Король — обыкновенный деспот, который объясняет все свои недостатки дурной наследственностью: «Я вместе с фамильными драгоценностями унаследовал все подлые фамильные черты». Но самая главная черта короля — любовь к дочери, она его делает лучше, ведь принцесса «совсем не похожа на королевскую дочь», потому что деспотичный монарх постоянно оберегал её от жестокой истины, создав иллюзию с помощью лучших людей королевства. Но всему приходит конец, именно в тот момент, когда Принцесса начала догадываться, что в жизни есть и тёмная сторона, король отправился в путешествие, чтобы отвлечь дочь. Но, несмотря на желание спасти Принцессу от правды, король не отправился в путешествие без палача, «доказавшего свою практичность, знание жизни, распорядительность», палач стал для тирана необходимым, чтобы постоянно доказывать свою власть. Отравление инакомыслящих, интриги, подлость, безучастность ко всему, что не касается собственных капризов и дочери, делает образ короля неприятным, но типичным. «Я потерял сознание, остались одни чувства... Тонкие... Едва определимые... То ли мне хочется музыки и цветов, то ли зарезать кого-нибудь. Чувствую, чувствую смутно-смутно — случилось что-то неладное, а взглянуть в лицо действительности — нечем...» Сила короля была в его любви к дочери, как только Принцесса стала

несчастной, король струсил, он не смог ей помочь, ведь сам так мало любил. Король ушёл от действительности, отказался от власти, ведь он не смог сделать счастливой дочь, потому и отдал государство на разграбление Министру-администратору. Микроконфликт образа: «Я не гений какой-нибудь. Просто король, каких пруд пруди».

Принцесса — настоящая героиня волшебной сказки, чем-то напоминает принцессу на горошине, которая долго жила безмятежно, но из-за небольшого зёрнышка истины проснулась и взглянула на мир иначе. Она единственная полностью положительная героиня сказки, ведь у неё нет недостатков, именно поэтому её полюбил такой необычный юноша, как Медведь. «Я только немного растерялась. Видите ли, меня до сих пор никто не называл просто: милая девушка» — эта фраза отлично характеризует Принцессу, которой так не хватало нежности и любви. Принцесса отважна в борьбе за своё счастье, она сбегает от отца и мчится за возлюбленным: «Три дня я гналась за вами... чтобы сказать, как вы мне безразличны». Принцесса хочет завоевать того, кого она любит. Девушка боится причинить боль Медведю: «Вы, вы, молча будете бродить взад-вперёд по комнатам, как по клетке? Никогда не поговорите со мною по-человечески? А если я уж очень надоем вам своими разговорами — вы зарычите на меня, как зверь? Неужели так уныло кончатся все безумные радости и горести последних дней?» Принцесса боится потерять нежно любимого человека, который может измениться из-за поцелуя, она осознаёт, что запрет волшебника погубит их счастье: «Я его слишком люблю», потому она отказывается от Медведя и от самой себя. Принцесса согласна умереть от тоски, но не причинить боли любимому. Ради любви она готова на всё: «Вам всё можно. Вы хотите превратиться в медведя — хорошо. Пусть. Только не уходите... Пусть будет так, как ты хочешь». Принцесса тоже отказалась от себя ради другого, она любит Медведя, и её любовь охраняет его. Микроконфликт образа обнаруживается в признании Принцессы: «А я так незащитна с этой своей волшебной покорностью. Вы не обидите меня?»

Министр-администратор... В каждом, даже самом приличном, обществе обязательно найдётся тот, кто ищет только собственную выгоду, и тем более в свите деспотичного короля. Такого героя может предоставить только XX век. Администратор — настоящий делец, который не остановится ни перед чем, лишь бы получить больше денег и укрепить свою власть. Все самые неприятные черты присутствуют в образе администратора: он жаден, бескомпромиссен,

Герой	Прототип	Характеристика (цитата из пьесы)	Отношение к герою других персонажей	Микроконфликт (цитата из пьесы)	Выход из него (есть ли решение)

бестактен и поразительно труслив. «Кто хо-рош? Весь мир таков, что стеснятся нечего», «Чем больше я на них наживаюсь, тем больше ненавижу», «Я крайне подлый человек» — вот мысли, которые характеризуют этого неприятного человека. Администратор не верит в людей, не верит, что есть душевное благородство, способность к самопожертвованию: «Все люди свиньи, только одни в этом признаются, а другие ломаются». Микроконфликт образа: «Я так нормален, что даже сам удивляюсь».

Дама Эмилия... Её образ настолько реален, что может встретиться только в социально-бытовых сказках. Дама — воспитательница Принцессы, она грубовата, потому что за грубостью скрывает своё разбитое сердце и природную доброту. «Мы были взяты в свиту, как женщины деликатные, чувствительные, милые. Я готова страдать. Не спать ночами». Из-за этого и все беды, которые произошли с ней. Эмилии нравится страдать, она привыкла к этому. Когда-то она не смогла удержать человека, которого любила: «Я стояла у окна, а юноша на чёрном коне мчался прочь от меня по горной дороге». Образ дамы наиболее близок образу Принцессы, от которой умчался на коне Медведь, только Принцесса поспешила следом, чтобы понять, почему возлюбленный уехал. «Я вышла замуж за другого — и вот жива, спокойна и верно служу вашему величеству». Принцесса также хотела выйти замуж за другого, но не стала, ведь невыносимо жить без любви, потому она выбрала тоску по Медведю, а не иллюзию спокойной жизни. Микроконфликт образа: «Ни одной минуты за всю мою жизнь».

Трактирщик Эмиль — отнюдь не сказочный герой, это обычный человек, который оказался настолько трусливым, что не стал бороться за своё счастье, прожил вдали от

любимой много лет и стал провинциальным философом. Стоя за стойкой бара с говорящим названием «Эмилия», он слушает истории жизни разных людей, которые «зайдут отдохнуть, поговорить, посмеяться, пожаловаться». Но сам трактирщик не испытал и сотой доли того, на что был бы способен, если бы остался с Эмилией. Образ Эмиля предрекает судьбу, которая ожидает Медведя, тоже не решившегося проверить силу чувств. Трактирщик нашёл свою миссию в служении людям: «В молодости я ненавидел людей, но это так скучно! Ведь тогда ничего не хочется делать и тебя одолевают бесплодные, печальные мысли. И вот я стал служить людям и понемножку привязался к ним». Как и Медведь, Трактирщик стремится стать лучше, но по-прежнему не находит себя, ведь он одинок. Медведь тоже избегает своего счастья в страхе быть отвергнутым, стать чудовищем, если счастье вдруг придёт к нему. Смятение чувств и бегство — вот путь, по которому прошли все нерешительные люди: «Нигде не найти тебе покоя», ведь мысли о любимой никуда не уйдут. Микроконфликт образа: «И каждый раз я, как дурак, надеюсь, что каким-то чудом она вдруг войдёт сюда».

Охотник — обыкновенный человек из социально-бытовых сказок, иногда его «приглашают» и в другие сказки. Человек, который «борется за свою славу. Он добыл уже пятьдесят дипломов, подтверждающих, что он знаменит, и подстрелил шестьдесят хулителей своего таланта». «Бороться за свою славу, что может быть утомительнее?» Охотник одинок и несчастен, ведь он ищет радости в личных достижениях, он не хочет ни с кем делиться славой, а это грустно — жить эгоистом. Присутствие Ученика не спасает Охотника от тоски, ведь он учит его ради очеред-

ного диплома. Ученик жаждет действия, а не борьбы за славу учителя, но не может повлиять на упрямого гордеца. Охотник боится жить полной жизнью, боится стать слабым: «А если, чего доброго, промахнёшься! Я, который до сих пор бил без промаха». Охотнику сложно, потому что он мечтает о чуде, но очень боится, что оно к нему придёт. Микроконфликт образа: «Охотники — это самые достойные люди на земле!»

Любовь Медведя и Принцессы соединяет Эмиля и Эмилию, Охотник и его Ученик нашли своё счастье рядом с фрейлинами принцессы и продолжили борьбу за славу. Но некоторые чувства должны быть проверены страданиями, чтобы ценились ещё выше, ведь риск потерять любовь делает чувства ценнее и прочнее. Волшебник сделал заклинание, оградившее Принцессу от Медведя, но люди тоже имеют волю, потому Медведь побеждает и завоёвывает любовь, которой поклоняется волшебник: «Слава храбрецам, которые осмеливаются любить, зная, что всему придёт конец. Слава безумцам, которые живут себе, будто они бессмертны, — смерть иной раз отступает от них». Сила человеческой привязанности велика, она выражается в том, что человек живёт не для себя, а для другого. Подводя итог урока, нужно выделить основной конфликт пьесы, соединив микроконфликты в таблице:

Король и администратор не смогли измениться, потому им нет места в счастливом королевстве. Охотник полюбил свою жену и ребёнка, хотя он не перестал бороться за славу (теперь писательскую), но всё же смог найти своё счастье в любви. Герои, которые смогли рискнуть и открыть свои чувства, обрели счастье друг в друге.

Основной конфликт пьесы выражен в признании Медведя Принцессе: «Куда вы

Герой	Прототип	Хар-ка (цитата из пьесы)	Отношение к герою других персонажей	Микроконфликт (цитата из пьесы)	Выход из него (есть ли решение)
Хозяин				«Иногда пошалишь, а потом всё исправишь. А иной раз щёлк — и нет пути назад!»	рискнуть
Хозяйка				«Кто обещал исправиться? Кто обещал жить как все?»	принять таким, какой есть
Медведь				«Что я делаю! Я погублю её и себя!»	рискнуть
Король				«Я не гений какой-нибудь. Просто король, каких пруд пруди»	измениться
Принцесса				«А я так беззащитна с этой своей волшебной покорностью. Вы не обидите меня?»	принять таким, какой есть
Министр-администратор				«Я так нормален, что даже сам удивляюсь»	измениться
Эмилия				«Ни одной минуты за всю мою жизнь»	рискнуть
Эмиль				«И каждый раз я, как дурак, надеюсь, что каким-то чудом она вдруг войдёт сюда»	рискнуть
«Охотник»				«Охотники — это самые достойные люди на земле!»	измениться

пойдёте — туда и я пойду, когда вы умрёте — тогда и я умру». Именно истинная любовь, бескорыстная и способная на жертвы во имя близкого человека, — источник и радости, и горя, ведь очень сложно не сломать хрупкое счастье, став Медведем. Страх мешает

счастью, нельзя бояться любить, нужно бояться навредить любимому человеку — вот основная идея пьесы Шварца.

Сказка никогда не потеряет связи с реальной жизнью, ведь в иносказательной форме писатель выражает не только своё отношение

к жизни, но и характеры реальных людей. Самое сложное — понять другого человека, оценить его верно. Такая возможность представляется лишь тогда, когда приходит любовь. Только полюбив, можно понять человека, в этом Шварц и видел «обыкновенное чудо».

ГОРОБЕЦ Надежда Ивановна —

кандидат педагогических наук, доцент кафедры литературы и русского языка гуманитарного института филиала Северного (Арктического) федерального университета имени М.В.Ломоносова в г. Северодвинске Архангельской области, почётный работник высшего профессионального образования РФ
n.gorobec@narfu.ru

II ВСЕРОССИЙСКИЕ БЕЛОВСКИЕ ЧТЕНИЯ «БЕЛОВ. ВОЛОГДА. РОССИЯ»

Аннотация. Автор рассказывает о насыщенной программе II Беловских чтений в Вологде. В статье дан обзор работы Всероссийской научно-практической конференции, объединившей писателей, журналистов, учёных, работников культуры, учителей и учащихся разных регионов России.

Ключевые слова: Белов, Год литературы, память, чтения, творчество, наука, культура.

Abstract. The author reports on the intense program of IInd Belov's readings in Vologda. The article provides an overview of the work of All-Russian scientific-practical conference which brought together writers, journalists, scientists, teachers and students from different regions of Russia.

Keywords: Belov, Year of Literature, memory, reading, creativity, science, and culture.

21—23 октября 2015 года на Вологодской земле прошла Всероссийская научно-практическая конференция, посвящённая памяти Василия Ивановича Белова (1932—2012), русского писателя XX века, внёсшего значительный вклад в культуру всей нашей страны. Учредителями и организаторами её стали Департамент гуманитарной политики администрации г. Вологды, Управление культуры и историко-культурного наследия, Управление образования администрации города, Департамент культуры и туризма Вологодской области, ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный университет», «Вологодская областная универсальная научная библиотека имени И.В.Бабушкина», муниципальное бюджетное учреждение культуры «Централизованная библиотечная система г. Вологды», Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник, МБУК Харовская централизованная библиотечная система им. В.И.Белова, МОУ «Центр повышения квалификации педагогических работников образования г. Вологды», образовательные организации города, муниципальные и государственные учреждения культуры.

Безукоризненная организация, насыщенность и многосторонность содержания, культурологическая направленность, гуманистический потенциал явились отличительными чертами состоявшегося большого мероприятия, которое подготавливали и проводили действительно всем миром.

Верилось, что душа Василия Ивановича тихо радуется такому единению, согласию, ладу на выстрадавшей и воспетой им земле. Радовался, казалось, и замечательный русский город приезду многочисленных гостей из Москвы, Костромы, Мурманска, Архангельской, Вологодской, Ярославской областей, Пермского края. Погода была солнечной, купола многочисленных вологодских храмов празднично сияли.

Обширная программа Беловских чтений включала научно-практическую конференцию, открытие музея-квартиры имени В.И.Белова в Вологде и презентацию книг, картин писателя, творческую встречу «Писатели России у вологжан» и выставку пленэрной живописи из мастерских вологодских художников «На Родине В.И.Белова», литературно-музыкальный вечер, посвящённый писателю, и ретроспективу фильмов, снятых по произведениям Василия Ивановича, показ спектакля «Мишук» и интерактивно-фольклорную программу «С Беловым по “Ладу”», конкурс творческих работ учащихся образовательных организаций города, а также другие мероприятия, простое перечисление которых уже свидетельствует о масштабности просветительского культурного события, очевидцем которого мне довелось стать.

На пленарном заседании, проходившем в Вологодском театре для детей и молодёжи, зал был полон. Открыла конференцию **К.А.Кокшенёва**, доктор филологических наук, профессор, руководитель центра государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия Министерства культуры РФ, литературный критик (Москва). Доклад «Ценностный мир Белова в контексте современной культуры» прозвучал злостно, обнажив болевые точки времени, угрожающее распространение массовой культуры, подделки, искусственное соединение несовместимых культурных миров. Закономерно, что проблемы формирования эстетического вкуса, истинных ценностных установок, уважительного отношения к истории и культуре России, художественной словесности стали ключевыми в работе конференции. Докладчик актуализировала значимость таких романов В.И.Белова, как «Час шестый», «Капуны», для возвращения человека к самому себе, настоящему, подчеркнув, что произведе-

дения писателя с их неспешным повествованием, отражающим стихию русской заповедной тишины, целительны и спасительны для человеческой души.

Многоаспектным был доклад «Год литературы и литература в пространстве столетий: современные перспективы», представленный **М.М.Голубковым**, доктором филологических наук, профессором кафедры истории русской литературы XX века филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова. Определяющим в его выступлении стал проблемный вопрос: как бы воспринял Год литературы в России В.И.Белов? Наверное, реакция писателя была бы неоднозначной. Быть может, порадовался тому, что литературе уделено внимание на таком высоком государственном уровне. Возможно, и огорчился, почувствовав неблагополучие в нашей жизни, культуре в связи с самим фактом объявления Года литературы.

М.М.Голубков акцентировал внимание зала на парадоксальной ситуации: с одной стороны, повсеместно проводятся мероприятия, посвящённые Году литературы, с другой — идёт вытеснение литературы как предмета из образовательного пространства. ЕГЭ по литературе, с точки зрения докладчика, является подтверждением этого факта.

Доклад **Г.В.Судакова**, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой русского языка, журналистики и теории коммуникации Вологодского государственного университета, почётного гражданина г. Вологды, члена Президиума Общественного совета города, был посвящён проблеме вологодского текста и роли В.И.Белова в его формировании. Учёный обозначил перспективы комплексного исследования вопросов, связанных с определением и осмыслением понятия «вологод-

ский текст», на конкретных примерах показал значение произведений земляка в формировании этого текста.

Полемичным было выступление писателя, журналиста из Вологды **А.К.Ехалова** «Есть ли будущее у вологодской деревни? Раздумья на родине Белова». Апеллируя к фактам, цифрам, воспоминаниям очевидцев, Анатолий Константинович с болью констатировал умирание вологодской деревни сегодня и процветание её в недалёком прошлом, подчеркнув, как болела душа Василия Ивановича Белова за отчий край, его опустошение. Однако выступающий вселил и надежду, что не всё потеряно безвозвратно, что есть люди, которые готовы возрождать забытые сёла, но как тернист их путь, какие препятствия чинят им!

Секционная работа конференции проходила в течение двух дней (21—22 октября) по трём направлениям: «Творчество В.И.Белова в историко-литературном контексте эпохи» (заслушано и обсуждено более двадцати выступлений в стенах Вологодского государственного университета). «Русское слово в контексте культуры северного региона. Литература Вологодского края в школе» (20 докладов и сообщений прозвучало в Вологодской областной универсальной научной библиотеке имени И.В.Бабушкина). «Работа учреждений культуры по пропаганде литературного наследия Вологодчины» (19 выступлений было представлено на базе этого же учреждения культуры).

Как хотелось услышать всех, писателей и журналистов, профессоров и доцентов, аспирантов, магистрантов и бакалавров, учителей-словесников и учащихся школ, научных сотрудников музеев, методистов и библиотекарей, объединённых памятью о писателе Василии Ивановиче Белове! И такая возможность реализуется в полном объёме очень скоро: сборник докладов, сообщений по итогам конференции уже сверстан и будет издан в самое ближайшее время.

На секционных заседаниях обсуждались также значимые для изучения писательского наследия В.И.Белова проблемы, как «Судьба писателя в России (по книге В.И.Белова «Тяжесть креста»)», «Невозвратные годы младенчества и детства в автобиографической повести В.И.Белова», «Трансформация образа гармонии в лирических текстах В.И.Белова», «Музыка русской деревни в повести В.И.Белова «Деревня Бердяйка», «Неизвестная грань творческого наследия писателя В.И.Белова. Рецензии 1960—1970-х годов XX века как литературоведческий источник» и др.

Проблема чтения, анализа и интерпретации произведений писателя на уроках литературы также нашла отражение в работе конференции. Запомнились выступления учителей русского языка и литературы **Е.М.Вершинной** (Вологодская кадетская школа-интернат им. Белозерского полка, г. Сокол Вологодской области), **К.А.Елистратовой** (МБОУ «СОШ № 34», г. Череповец), **Л.В.Кармановской** (МОУ «СОШ № 5», г. Вологда), поделившихся

опытом работы по проведению уроков «Я вижу последних коней. Что видите вы? Антитеза как средство выражения авторской позиции в рассказе В.И.Белова «Кони»», «Региональный компонент в работе учителя-словесника: проблемы и перспективы изучения литературы Вологодского края», «Знакомство с особенностями жанра рассказа-анекдота на примере произведений В.Белова» др.

Убедительным подтверждением слов, неоднократно прозвучавших на чтениях, что Вологда — третья культурная столица, стали выступления библиотекарей, заведующих, директоров и научных сотрудников музеев, раскрывших самые разнообразные направления в их деятельности: «Формирование экскурсионного маршрута «Литературная Вологда»» (**Н.С.Смелкова**, заведующая музеем «Литература. Искусство. Век XX», г. Вологда), «Экскурсии по литературным местам Тотемского района» (**А.М.Новосёлов**, директор Тотемского музейного объединения Вологодской области), «Мультимедиа как средство продвижения творчества писателя» (**О.В.Рычкова**, главный библиотекарь г. Никольска Вологодской области), экскурсионный маршрут «По местам съёмки фильма «Калина красная»» (**С.А.Удальцова**, зам. директора по научной работе Белозерского областного краеведческого музея), «Библиотека им. Н.Рубцова в культурном пространстве города Тотьмы» (**Н.Н.Никулинская**, директор Тотемской библиотеки им. Николая Рубцова) и др.

Участники чтений познакомились с выступлением **Л.В.Кербут** «Мемориальный музей В.Т.Шаламова: история создания, презентация экспозиции, просветительской работой в музее Н.М.Рубцова в селе Никольском (заведующая домом-музеем **Г.А.Мартюкова**) и др.

С.А.Тихомиров, научный сотрудник открывшегося в дни чтений Музея-квартиры В.И.Белова (филиал Кирилло-Белозерского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника), провёл участников конференции по квартире Василия Ивановича, в которой всё бережно сохранено вдовой писателя, Ольгой Сергеевной Беловой.

Проведение II Всероссийских Беловских чтений «Белов. Вологда. Россия» — значимый этап в исследовании творческого наследия Василия Ивановича Белова, вологодских авторов, в активизации внимания общества к российской науке, литературе, культуре, образованию, в расширении межрегионального сотрудничества в этих областях.

Низкий поклон всем организаторам чтений за эти три дня творчества, красоты и вдохновения, пиришества духа и души. Студенты гуманитарного института филиала САФУ имени М.В.Ломоносова в г. Северодвинске, Н.В.Попова и М.А.Овчинникова, приехавшие на конференцию с докладом «Использование ИТ-технологий в процессе приобщения обучающихся к культурным ценностям родного края», признались, что их покорила вологодское гостеприимство, возможность знакомства с писателями, поэтами, учёными, работниками культуры, учителями не только

Вологды, но и России. Дни были столь насыщены, что к вечеру сил почти не оставалось. Но утро сулило новые встречи, знакомства и самую большую роскошь на свете — «роскошь человеческого общения» (Экзюпери).

Так, в первый день приезда в Вологду совершенно неожиданно познакомились с почитным гостем конференции, главным редактором журнала «Наш современник» Станиславом Юрьевичем Куняевым. Однако эта встреча, как я сейчас понимаю, не была случайной. Ещё дома, обдумывая проблематику предстоящего своего выступления на чтениях, стала читать и перечитывать В.И.Белова. И как часто это бывает, по-иному начинаешь воспринимать в произведениях то, что связано уже с собственным опытом переживаний. Поэма «Скорбные дни», созданная писателем в тяжёлое время, связанное с уходом самого близкого человека, матери Анфисы Ивановны, потрясла, обожгла меня своей искренностью и болью. Напечатаны «Скорбные дни» были в журнале «Наш современник» (2006, № 3).

И ещё. В силу разных обстоятельств в течение двух последних лет приходилось читать курс лекций по зарубежной литературе XX века. Чувствовала внутренний дискомфорт, духовный разлад. В начале этого учебного года, придя в библиотеку, попросила книгу В. Крупина «Время горячей спички» для очищения души. И каково же было изумление, когда С.Куняев сказал, что будет возможность увидеть писателя!

Иеромонах Роман (Матюшкин) в интервью на вопрос о том, книги каких современных русских писателей он советовал бы читать молодым людям, ответил, что произведения верных сынов России: Фёдора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина, Валерия Ганичева, Владимира Крупина, Михаила Шелехова и других патриотов своей Родины. Их творчество направлено на созидание, оно о душе, ладе, свете, который побеждает тьму, оно о вечных ценностях.

С лёгким сердцем покидала Вологду. Почти всё успела. Не довелось съездить в Тимониуху, родную деревню Василия Ивановича Белова. Но в течение всего времени пребывания на Вологодской земле вспоминались строки стихотворения коллеги-словесника с Пинежья, заслуженного учителя РФ **Т.Н.Бечиной**:

*Деревня моя — на угоре,
А под угором — река...
Как просто всё в этом угоре
И мудро как — на века.
Стою перед домом, помешкав,
Сжимаю травинку в горсти...
— Зачем ты приехала, девка?
— Затем, чтобы душу спасти.*

Такой мне представляется деревня, где родился Василий Белов и нашёл упокоение. Такой вижу свою будущую Встречу с домом, землёй, горячо любимыми большим русским писателем XX века Василием Ивановичем Беловым.

Уважаемые читатели, авторы журнала!

Присылаемые вами статьи обязательно должны быть с пометкой:

«Только для журнала "Литература в школе"».

Просьба присылать материалы по почте в распечатанном виде в двух экземплярах.

Принимаются машинописные и рукописные оригиналы.

Все аббревиатуры должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте.

При цитировании необходимо делать библиографическую ссылку. Ответственность за правильность данных, приведённых в библиографических ссылках и пристатейном списке литературы, несёт автор. При отсутствии библиографических ссылок и пристатейного списка литературы статья не рассматривается.

За фактический материал статьи несёт ответственность автор.

Редакция оставляет за собой право сокращения материалов.

К статье необходимо приложить аннотацию и ключевые (опорные) слова, а также указать e-mail.

Пожалуйста, не забудьте прислать сведения о себе:

- Фамилия, имя, отчество.
- Место жительства (республика, край, область, город) и код региона.
- Дата и место рождения.
- Паспортные данные (серия, №, кем и когда выдан).
- ИНН, № пенсионного страхового свидетельства.
- Образование (вуз, специальность, год окончания).
- Учёная степень и звание (если имеется; год присуждения или присвоения — в скобках).
- Домашний адрес с почтовым индексом.
- Домашний телефон с кодом города, мобильный телефон и E-mail.
- Место работы или учёбы (наименование организации и подразделения — факультета, кафедры, отдела).
- Должность; время работы на данной должности.
- Служебный адрес с почтовым индексом.
- Служебный телефон (с кодом города).
- Предполагаемая дата защиты (для соискателей).
- Научный руководитель или консультант (фамилия, имя, отчество, учёная степень и звание — для соискателей).

**При отсутствии всех
вышеуказанных данных гонорар
не начисляется
и не выписывается.**

Внимание соискателей на учёную степень!

Согласно требованиям ВАК необходимо указать:

- почтовый адрес вуза или места работы (с индексом); телефон, адрес электронной почты;
- **на русском и английском языках:** фамилию, имя, отчество, должность, учёную степень, учёное звание, заглавие статьи, аннотацию (2—4 предложения), ключевые слова (максимум 5).

Помимо ссылок на источники необходимо поместить в конце статьи библиографический список.

Рассматриваются статьи при наличии положительной рецензии кафедры, на которой защищается соискатель (или научного руководителя), и рецензии независимого эксперта (авторитетного учёного в соответствующей области) по запросу редакции.

Плата с соискателей на учёную степень за публикацию не взимается.

C O N T E N T S

OUR SPIRITUAL VALUES

To the Great Victory Day

N.L.ERMOLAEVA —

About the word "brother" in the A.Tvardovsky's poems "Vasily Tyorkin" and "Tyorkin in the another world" 2

I.V.PYRKOV —

Constellation of Lefty 5

O.G.DUDNIKOVA —

Writers — educators and teachers of the royal children 8

E.V.VASILENKO —

Not-love" theme in the Ivan Bunin's short story "Caucasus" 12

L.N.TSELKOVA —

On the question of the moral ideal in the Vladimir Nabokov's books 15

N.A.STUPINA —

"My life is a long road..."
About Victor Bokov fate and work 17

SEARCH. EXPERIENCE. SKILLS

G.A.OBERNIKHINA —

All-Russian essay contest as part of the Year of Literature:
some results and prospects 21

A.N.ROMANOVA —

Revisiting the school textbook.
Thinking about the last expertise before the upcoming expertise 27

A.V.VORONTSOV —

Sketch (etude) in prose 30

T.A.KALGANOVA —

Essay as a genre of school essays 32

Lessons

Y.A.FILONOVA —

Round table as a kind of an academic discussion 34

Y.V.OVODENKO —

Understanding Yuri Yakovlev's story "Heavy blood".
VIIIth Grade 37

O.V.CHUPKOVA —

The "Ordinary Miracle" by E.Schwartz.
Xth Grade 39

Chronicle

N.I.GOROBETS —

II All-Russian Belov's reading "Belov. Vologda. Russia" 42